

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 8 (109)

Academic Journal

Series:

Philology.
Linguistic Studies

Moscow Journal of Linguistics
Volume 15

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ
№ 8 (109)

Научный журнал

Серия «Филологические науки.
Языкознание»

Московский лингвистический журнал
Том 15

Москва 2013

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е. И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б. Г. Власов

Серия «Филологические науки. Языкознание» /
«Московский лингвистический журнал»

Редакционная коллегия серии:

С.И. Гиндин – главный редактор серии
Н.Г. Семенова – ответственный секретарь серии
А.В. Дыбо
О.А. Казакевич
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Р.И. Розина
М.Б. Рукодельникова
Я.Г. Тестелец
З.М. Шаляпина

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия и подношения

Н.Н. Леонтьева Юбилярам тринадцатого года.....	9
Н.А. Коротаев Синтаксические группы А. В. Гладкого: анализ конструкций с сочинением.....	16
М.Р. Кауль «... Статистика – это только у Шайкевича».....	37
В.И. Перебейнос Как я стала заниматься лингвостатистикой.....	39
М.Я. Гловинская «Гармония» в «Активном словаре русского языка».....	40
Ю.Д. Апресян <i>Бегать</i> и <i>бежать</i> : словарные статьи «Активного словаря русского языка».....	46
Л.П. Крысин Специальный термин в русском просторечии.....	75

Теоретические и описательные исследования

М.В. Ахметова Вариантность названий жителей (по материалам электронной базы СМИ «Интегрум»).....	86
Е. Л. Бровка Конструирование и имитация как стратегии овладения синтаксисом.....	106
Т.Ю. Кобзарева Синтаксическая структура предложения в кодах знаков препинания.....	127
А.Р. Пестова, О.А. Шарькина Особенности функционирования идиомы * <i>навести шорох</i> (- <i>al</i> -у)* в различных сферах речевого общения.....	144
А.А. Салтыкова Индикаторы имплицитной аксиологической модальности в текстах СМИ.....	152

Прикладные разработки

А.Ш. Каганов
Инструментальное исследование спектральных характеристик речи в задаче криминалистической идентификации говорящего: теоретические основания и технология исследования.....164

З.М. Шаляпина
Некоторые возможности автоматической оптимизации лингвистического обеспечения системы обработки текстов при сущностном подходе к его организации.....182

Историография лингвистики

Н.В. Гурьян
Об особенностях организации и подачи материала в древне-китайском словаре «фанъянь»..... 209

Проблемы лингвистического образования

С.Ю. Семенова
О спецкурсе по теоретическим и прикладным вопросам изучения русской параметрической лексики 228

Abstracts..... 241

Об авторах..... 246

CONTENTS

Greetings and Gifts

Nina N. Leontieva To Our Colleagues Whose Anniversaries We Celebrate This Year.....	9
N.A Korotaev Analyzing Russian Coordinative Constructions in Terms of Syntactic Groups by A. V. Gladkij.....	16
Marina R. Kaul “If You are Interested in Statistics, the Only Way for You is to Shaikevich”.....	37
Valentina I. Perebejnos How I Started to Study Statistical Linguistics.....	38
Marina Ja. Glovinskaja ‘Harmony’ in the “Production Dictionary of Russian”.....	40
Ju.D. Apresjan <i>Begat’</i> and <i>Bezhat’</i> – Two Entries for the “Production Dictio- nary of Russian”	46
L.P. Krysin Scientific and Technical Terms in the Russian Urban Non- codified Speech.....	75

Theories and Descriptions

Maria V. Akhmetova Variation of names of inhabitants of the cities (based on electronic database “Integurum”).....	86
Ekaterina L. Brovko Constructing and Imitation as Strategies of Syntax Acquisition.....	106
Tatiana Yu. Kobzareva Syntactical sentence structure encoded by punctuation marks.....	127
Anna R. Pestova, Olga A. Sharykina Russian Idiomatic Expression <i>navesti shoroh</i> (-a / -u) in Various Spheres of Speech Communication.....	144
Anastasia A. Saltykova Some Cases of Implicated Axiological Modality Indication in Mass-Media Texts.....	152

Applications

- A.Sh. Kaganov
Instrumental Investigations of the Spectral Characteristics
of Speech for the Sake of Forensic Identification of the Speaker:
Theoretical Grounds and Technology of Research.....164
- Zoya M. Shalyapina
Some Prospects of Automatic Optimization of Lingware for
Text Processing within the Entity-Based Linguistic Frame-
work.....182

Historiography

- Natalia V. Gurian
A Note on Some Features of the Lexical Material Organization
and Presentation in the Ancient Chinese Dictionary “Fanyan”.....209

Problems of Linguistic Education

- Sophia Yu. Semenova
On the Special Course “The Russian Parametric Words: Theory
and Applications”.....228
- Abstracts.....241
- About the Authors.....247

Приветствия и подношения

Н.Н. Леонтьева

Юбилярам тринадцатого года

В статье на основе личных впечатлений нарисованы краткие портреты трех выдающихся исследователей языка: И.П. Севбо (Белецкой), А.Я. Шайкевича, А.В. Гладкого.

Ключевые слова: И.П. Севбо, структура текста, генерация текста, футурология стилистическая диагностика, А.Я. Шайкевич, статичтика в языкознании, дешифровочные процедуры, А.В. Гладкий, семантический анализ, синтаксические структуры, лингвистическое образование, жизненное поведение ученого.

Редакция языковедческой серии «Вестника РГГУ» предложила мне поздравить юбиляров 2013 года, с каждым из которых я знакома «по жизни». В это множество входят лингвисты И.П. Севбо (Белецкая) и А.Я. Шайкевич и математик А.В. Гладкий. Сложилась такая «могучая кучка», хоть они совсем разные и в науке, и в физическом пространстве, и кажется, мало знакомы между собой.

Солидного возраста (80 лет!) в этом 2013 году достигли Ирина Платоновна Севбо и Анатолий Янович Шайкевич (перечисляю их в порядке наступления дня Икс). Объединить их в одной заметке-поздравлении естественно ещё и потому, что они уже родились **структурными лингвистами** (в самом лучшем смысле этих двух слов). Хотя занимались они разными аспектами структурной и прикладной лингвистики с самой ранней поры этой науки, но оба сразу же сосредоточились на анализе реального языкового материала. Оба сказали заведомо новое слово в той новой науке, которая открылась нам в конце 50-х годов прошлого века. В задачах, которые они ставили, и методах решения всегда присутствует какая-то тайна, она и увлекает людей... И оба они блестящие преподаватели, окружённые любовью студентов и, как говорится, «несущие свет», потому что в них самих много света. Порой не сразу,

не без сопротивления, их слушатели все же втягиваются в лингвистические тонкости анализируемого ими материала, с радостью участвуют в весёлых, но серьёзных лингвистических «играх», предлагаемых учителями. Шайкевич и по сей день работает со студентами – с ничуть не меньшим увлечением. Многие ли ученики пошли ровно по той дороге и стали продолжателями их дела, сказать не очень просто, но все они при общении с учителями получали прививку высокой культуры, проникались духом научных исканий.

И.П. Севбо начала анализировать синтаксические структуры классиков русской литературы, отображая их рисунками деревьев зависимости. По рисунку таких деревьев можно определить «отпечатки стиля», позволяющие узнавать писателя.¹ Вторая тема её многолетних исследований касалась структуры связного текста.² Пытаясь отследить «внешнюю» логику развития научного текста, она собирала коллекции слов-коннекторов и создавала алгоритмы сегментирования текста на абзацы, более или менее проводящие **одну мысль**. К сожалению, закрытие и даже разгром кафедры структурной и прикладной лингвистики в Киевском госуниверситете положили конец этим исследованиям, столь плодотворным именно в массовом масштабе. Многие разработки она использовала потом в прикладных системах генерации текстов, реализуя в них сплошной анализ, названный ею «сквозным».³

И.П. Севбо

Увы, посидеть с ней спокойно над Семантическим Пространством Текста нам уже не придётся: в какой-то момент Ирина просто «взмыла» и над работами по семантическому анализу отдельных текстов, и над всеми подобными «копашениями в земле», и ушла в область структуризации знаний, содержащихся в текстах, погружённых в Сеть.⁴ Её девиз последних лет: «В эпоху Интернета новое – это хорошо переструктурированное старое». Используя свою особую методику поиска в Сети (система *AuthorWeb*), она написала большую книгу – обзор состояния современной цивилизации («У порога иного бытия») и угодила в число «знаменитых футурологов».⁵

В последние годы Ирина Платоновна пытается осмыслить фундаментальные сущности Вселенной – объединённую триаду «*Время – Информация – Сознание*». На мои вопросы о сути её современных занятий она коротко ответила: «*Моя тема тебе глухо безразлична, поэтому и не пишу о ней (...откуда приходят смыслы... где они оставляют свои следы... – текст тут ни при чём)...*». Её стремление «плавно переходить от научных обобщений к фантазиям (научно обоснованным, однако на чужих полях: от астрофизики до языков мозга)» вызывает восхищение. Здесь перед головокружительным кругозором коллеги-юбиляра, мало кому доступным, мне остаётся только умолкнуть. Хотя как друзья мы продолжаем интересную обоим переписку по электронной почте.

А.Я. Шайкевич, или Толя Шайкевич, как зовём его мы, настигающие его по возрасту, – очень славный человек; эти слова слышишь всегда, когда о нём заходит речь. Правда, какую лингвистическую теорию он строит, многие не очень понимают. Но почему так притягателен его метод работы, которому он остается верным все долгие годы исследований? Если это метод, воспроизводящий работу автомата, почему же тогда не доверить безумно трудоёмкие подсчёты и вычисления новым информационным технологиям, так бурно выросшимся в последние десятилетия? Может быть, не окончена подготовительная работа? Или он имеет в виду какую-то высокую цель, которую держит пока в тайне?

А. Я. Шайкевич

Гуляет он вольно по огромным пространствам текстов, учитывает как будто самые поверхностные лингвистические данные (лексемы, их повторы, расстояния между ними по тексту, минимум морфологии, и т.п.) и делает свои выводы, оставляя нам всем возможность додумывать, предполагать и строить свои гипотезы. Он не проявляет интереса к сложным структурам, построенным в результате гигантской работы лингвистов над каждым словом и каждым правилом. Он лишь таинственно улыбается, когда видит их, и как-то дал мне тихий совет: «Не навязывайте другим своё видение».

А я, например, думаю о том, как использовать результаты статистики лексем и расстояний между ними при более детальном анализе, стремясь построить семантическое представление – СемП – текста. Как их можно привлечь – ДО или После построения СемП? Мне нравится, что Шайкевич стал учитывать тезаурусные связи между важными для текста лексемами, – они позволяют строить более насыщенные кластеры. Но кажется, что учёт смысловых связей фреймового типа дал бы более интересный результат.

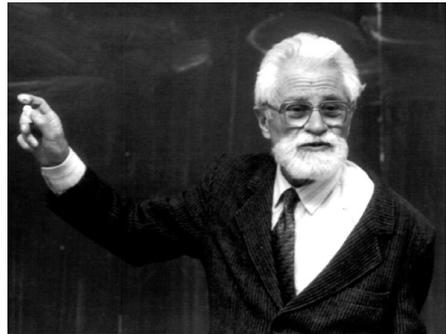
Раз я спросила Толю, как ему понравилась дискуссия нескольких коллег – Ю.Шрейдера, Г.Цейтина, С.Фитиалова и других – о путях и перспективах направления «Искусственный интеллект» (ИИ). Дискуссию инициировала Ирина Севбо, которая, «находясь в глубокой научной изоляции» (это её слова), начала разговор об ИИ, поставив ряд вопросов и разослав их нескольким коллегам. Ответы были соединены в статье, напечатанной в Тарту.⁶ Толя сказал, что в содержании он ничего не понял, но ему понравилось, какие интересные и разные характеры вырисовываются в ответах! Вот и обсуждай с ним дисциплину ИИ! У А.Шайкевича ведь намного более естественный, чем в ИИ, подход к текстовому материалу.

И как это ему удаётся быть таким мягким и таким принципиальным одновременно? В этом в большой мере и состоит секрет его обаяния, особенно если к этому добавить и внешний «имидж» А.Я. Шайкевича: студенты и женщины всегда считали его самым красивым в среде лингвистов, начиная с той поры, когда он был учёным секретарём в МГПИИЯ и преподавал. Он часто заходил в нашу Лабораторию машинного перевода – отдохнуть и перебраться репликами с шутниками Лаборатории – Жолковским, Розенцвейгом, Мартемьяновым. Как весело они обсуждали «надутые» диссертации иных из многочисленных соискателей! Случалось, что он и «заваливал» потом кого-то на предзащите и даже на самой защите.

Но какой глубины могут достигнуть статистические и пространственные измерения и наблюдения над жизнью единиц в тексте? Еще в его ранних работах по лексическому анализу драм Шекспира меня поразила вывод социального характера – о различии языка господ и слуг того периода.⁷ При анализе потока новостных известий А.Шайкевич находит объяснение историческим и политическим событиям в обществе. И вдруг оказывается, что благодаря естественным и кажущимся «поверхностными» подсчетам ему удаётся проследить динамику развития лексического пласта великой художественной прозы XIX века.⁸ Где здесь привычные нам «уровни»?

Жизнь не была очень милостивой к двум нашим лингвистам, но и не слишком требовала «положить немедленно результаты на стол» как условие продолжения деятельности; а для многих прикладных лингвистов такое требование означало закрытие работы. Оба они имели полную свободу выбора и НЕ пошли по стандартным и истоптаным дорогам. Оба исследуют язык текстов художественной литературы. Они неординарные, нестандартные личности, но в каком-то смысле (может быть, и поэтому) одиночки – при большом таланте общения с представителями самых разных научных школ. Беседы с ними – все такие редкие в наше быстрое время – и просто их неожиданные реплики интригуют и будят мысль, фантазию и вопросы, а это иной раз важнее предписаний, как надо работать. Какой мы наблюдаем полёт НАД привычным для нас делением текстовых структур на «уровни» понимания! И кто из лингвистов больше прагматик, а кто идеалист?

А.В. Гладкий – математик, но по его чуткости к слову, знанию языков и вниманию вообще к лингвистике мы имеем право называть его лингвистом (пусть и математическим). Дорогой Алексей Всеволодович, у Вас не такая круглая дата, как у двух упомянутых коллег-лингвистов, но зато Вы старше, а значит, мудрее их на целые 5 лет. Вы ведь с самого начала увлеклись (правда, не без влияния новосибирского А.А. Ляпунова и московского И.А. Мельчука) «проблемой МП в широком смысле» и потом занимались в основном лингвистическими задачами, внося строгость методов и математического аппарата уже в самую постановку этих задач.

А.В.Гладкий

С не меньшей требовательностью к себе Вы учили и студентов РГГУ, и до сих пор учите школьников, передавая им не только профессиональные знания, но и культуру общечеловеческих истин. Бесконечное уважение к Вам вызывает также Ваше умение быть благодарным по отношению к тем, от кого вы чему-то научились, к Вашим учителям (многих из которых уже нет) и даже ученикам.

Меня с Вами связывает очень раннее знакомство, сначала в Новосибирске на берегу моря, где мы (вместе с А. Жолковским) рисовали на песке свои «семантические деревья», а потом обсуждали в Москве в упомянутой Лаборатории машинного перевода судьбу семантических примитивов. Мне жаль, что Вы оставили эти эфемерные материи (понятно, что как математик Вы не могли иначе) и твёрдо перешли к синтаксическим структурам, намного более строгим.

Позже нас соединила работа в РГГУ, где я посещала Ваши занятия со студентами в надежде глубже проникнуть в Ваш «синтаксис групп».⁹ Прошу прощения за свои тогдашние наскоки с «вредными» вопросами. Тому были две причины. Во-первых, этим я будила студентов, засыпающих под однообразное шествие формальных приёмов анализа сложных предложений (как правило, взятых из художественных произведений). А во-вторых, я никак не могла смириться с тем, что в понятие группы не включается конечная точка – ведь она тоже элемент предложения, далеко не самый ничтожный. Мой рефрен «А где же точка?» вызывал смех, но и поднимал активность слушателей; видимо, поэтому Вы и терпели меня целый год.

И ещё на одну тему я спорила с Вами: мне казалось, что чисто семантическая классификация лексем и знаков препинания позволит гораздо экономнее строить хорошие, причём сразу семантические группы. Вы даже просили меня иногда продолжить урок по альтернативному, семантическому анализу тех же примеров. Мне удавалось разбудить студентов, но только Вы (пожалуйста, не сердитесь!) сами порой засыпали тогда на последней парте: то ли от общей усталости, то ли другая, интуитивная классификация лексики Вас не увлекала. Я и до сих пор продолжаю дискуссию с Вами, но молча, не желая отнимать у Вас драгоценное время, которое Вы полностью отдаете науке и людям.

И ещё я до сих пор благодарна Вам за тихие посиделки с Вашей семьёй, когда мы вместе читали стихи или шли на концерт слушать музыку. Жалко, что мы уже не можем себе позволить вернуться к увлекательному «ползанию по семантическим деревьям» или более сложным структурам, будь то синтаксические деревья или семантические графы, рисуя их на песке, асфальте или даже на бумаге.

* * *

Что ещё можно сказать нашим трём юбилярам 2013 года? Поздравляя Вас с такими важными датами жизни, желаю Вам как можно дольше **быть**, работая на любой ниве и радуя нас всех уже

просто своим появлением на каких-то семинарах, конференциях или других важных для нашего сообщества мероприятиях. Я уверена, что посеянное Вами уже подхвачено и будет ещё развиваться. Пока есть у нас такие люди – носители человеческой и профессиональной культуры, – можно не отчаиваться.

Примечания

- ¹ *Севбо И.П.* Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. Киев: Наукова думка, 1981
- ² *Она же.* Структура связного текста и автоматизация реферирования. М.: Наука, 1969.- 135 с
- ³ *Она же.* Сквозной анализ как шаг к структурированию текстовых знаний // Научно-техническая информация, сер. 2. 1989, № 2.
- ⁴ *Она же.* Написание и прочтение текста в гипертекстовой среде (гипертекст глазами лингвиста) // Научно-техническая информация, сер. 2. 1993, № 10.
- ⁵ См. в Википедии статью «Футурология», раздел «Знаменитые футурологи»: Футурология // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%F3%F2%F3%F0%EE%EB%EE%E3%E-8%FF>. Загл. с экрана; (дата обращения: 15.04.2013).
- ⁶ *Севбо И.П., Леонтьева Н.Н., Фиталов С.Я., Цейтин Г.С., Шрейдер Ю.А.* От структурной лингвистики к искусственному интеллекту // Ученые записки Тартуского ун-та. 1983. Вып. 654.
- ⁷ См., например, *Шайкевич А.Я.* Дисперсионный анализ лексики шекспировских комедий // Сборник науч. трудов / Моск. пед. ин-т иностр. языков. 1974. Вып.81. С. 159-163; *Она же.* Дистрибутивно-статистический анализ текстов: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1982. С. 30.
- ⁸ *Она же.* Лексика русской прозы XIX в. на фоне Национального корпуса русского языка // Вестник РГГУ. Серия Языкознание/МЛЖ. 2012. № 8. С. 110-129.
- ⁹ См.: *Гладкий А.В.* Синтаксические структуры естественного языка. Изд.2. М.: УРСС, 2007. 152 с.

Н. А. Коротаев

Синтаксические группы А. В. Гладкого: анализ конструкций с сочинением¹

На примере сочинительных конструкций русского языка демонстрируются основные понятия и возможности анализа синтаксической структуры в терминах синтаксических групп по А. В. Гладкому. Показывается, что в рамках исходной редакции аппарата, успешно справляющейся со случаями сочинения функционально однородных членов, невозможно адекватно описать сочинительные конструкции с лексико-семантической однородностью. Для исправления этого недостатка предлагается внести ряд изменений в формальное определение системы синтаксических групп (ССГ) и в процедуру построения ССГ.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, формальные модели, синтаксические группы, сочинение, однородность.

Несколько слов об А.В. Гладком

С аппаратом синтаксических групп А.В. Гладкого мы, студенты, поступившие на факультет теоретической и прикладной лингвистики РГГУ в 1997 году, познакомились примерно в середине третьего семестра – на курсе общего синтаксиса. Знакомство было не слишком подробным: времени на освоение не самой простой формальной модели выделялось не много, тема была далеко не центральная. Зато автора модели многие из нас знали уже весьма хорошо. Не как тонкого исследователя русского синтаксиса, не как разработчика формальной теории падежа или автора работ по семантическому описанию «логических» лексем *И* и *ЕСЛИ*, и даже не как человека, за полгода «с нуля» выучившего венгерский язык (все это выяснится позже). Алексея Всеволодовича мы знали как преподавателя математики. И тут нам, конечно, очень повезло.

В ряду ярких лекторов, работавших в то время на факультете, А. В. Гладкий занимал свое, особенное, место. Его занятия не отличались театральной увлекательностью или, тем более, эксцентрич-

ностью – любителям внешних эффектов они, возможно, казались пресноватыми. Зато была тщательная вдумчивость и какое-то трепетное, *классическое*, уважение к читаемому предмету. «Математика – единое прекрасное здание» – в чем-либо другом исполнении эти слова, наверное, показались бы банальными, но А. В. произносил их с подкупающим сочетанием торжественности и неловкости. Так говорят о чем-то личном и важном, и так же, судя по рассказам однокурсников, в конце одной лекции А. В. целиком прочитал пушкинскую «Осень» (сам я, к сожалению, это занятие пропустил).

Вскоре выяснилось, что «единое прекрасное здание» Алексея Всеволодовича – это далеко не только математика. Пробираясь сквозь теоремы Коши и «замечательные пределы», мы «вдруг» понимали, что перед нами – ценитель классической поэзии, знаток древних и современных языков, а также один из создателей той самой математической лингвистики, бурный всплеск которой в той или иной форме повлиял на решение многих из нас поступать на ФТиПЛ.

Что же касается синтаксических групп, то разобраться в них как следует некоторым из нас удалось чуть позже – уже в рамках соответствующего спецкурса. Оказалось, что тут все почти как в математике: красота модели открывается тому, кто вдумчиво изучает ее шаг за шагом. Так уж получилось, что автор этих строк потратил на изучение больше времени, чем другие: именно аппарату синтаксических групп была посвящена серия его студенческих работ, в том числе и дипломная, в которой предпринималась несколько самонадеянная попытка усовершенствовать модель. 11 лет спустя, когда появилась возможность опубликовать фрагмент этой работы, выяснилось, что необходима не только композиционная, но и содержательная правка: в «усовершенствования» вкрались неточности и недочеты. Автор надеется, что новая серия модификаций будет принята создателем аппарата с благосклонным вниманием.

1. Введение

В настоящей статье речь пойдет о способах формального описания синтаксической структуры конструкций с сочинением. Известно, что сочинительные контексты плохо поддаются анализу в рамках аппарата деревьев зависимостей (ДЗ). Связано это с двумя обстоятельствами. Во-первых, при использовании стандартных ДЗ игнорируется способность словоформ объединяться в группы, выступающие в предложении как единое целое. Во-вторых, все связи

между словоформами сводятся к подчинительному формату. В результате структуры, приписываемые сочинительным конструкциям, не нарушают формальных ограничений древесности, но едва ли адекватно отражают интуицию носителей языка и действительные синтаксические роли словоформ (отдельные примеры будут рассмотрены ниже, в разделах 2 и 3).

Более адекватный анализ сочинительных контекстов возможен в терминах непосредственных составляющих (НС) – ровно потому, что при данном подходе словоформы не просто могут, а должны объединяться в функциональные группы, а характер синтаксической связи в явном виде обычно не указывается. Вместе с тем последнее свойство является и определенным недостатком аппарата НС, причем не единственным: помимо этого, НС должны представлять собой непрерывные отрезки, что затрудняет анализ контекстов с дистантными синтаксическими связями. Наконец, как будет показано ниже, адекватному анализу в терминах НС не поддаются и некоторые сочинительные конструкции.

В качестве основного метода формального описания сочинительных конструкций мы будем использовать аппарат синтаксических групп (СГ) А. В. Гладкого, подробно описанный в книге 1985 года² и уточненный в статье 1998 года³. Сумму исследовательских решений, зафиксированных в этих двух работах, мы будем далее называть исходной редакцией аппарата. Описание в терминах СГ основано на трех следующих принципах:

1) в явном виде указываются группы словоформ, функционирующие во фразе в качестве единого целого; при этом они не обязательно должны быть отрезками;

2) указываются также и подчинительные связи, причем не только между отдельными словоформами, но и между группами любых уровней;

3) указываются только «настоящие» подчинительные связи; нет необходимости в постулировании связей «по договоренности» в словосочетаниях со связью неподчинительного характера.

По сути, аппарат СГ представляет своего рода синтез непосредственных составляющих и деревьев зависимостей. При анализе в терминах СГ предложению приписывается **система синтаксических групп (ССГ)** – граф, узлами которого являются некоторые подмножества множества всех словоформ предложения, а стрелки указывают на наличие и тип подчинительной связи между узлами.

Адекватную ССГ удается приписать большинству русских предложений с сочиненными членами, однако с некоторыми типами

конструкций аппарат СГ в его исходной редакции не справляется. Для исправления этого недостатка необходимо внести в аппарат определенные модификации. Именно описание соответствующих изменений и является главной задачей настоящей работы.

Наше изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 будут представлены основные положения исходной редакции аппарата СГ, а также проведен анализ «стандартной» сочинительной конструкции; здесь же мы рассмотрим способы разбора этого же примера в терминах ДЗ. В разделе 3 мы покажем недостаточность анализа в терминах НС, ДЗ и СГ (в исходной редакции) для сочинительных конструкций с лексико-семантической неоднородностью. Предложения по изменению аппарата СГ будут описаны в разделе 4. В разделе 5 мы подведем основные итоги работы.

2. Сочинительные конструкции в исходной редакции аппарата СГ

Аппарат СГ включает в себя три компонента: формальное определение ССГ, набор критериев разложимости / неразложимости связанных групп слов и процедуру построения ССГ.

2.1. Формальное определение ССГ

Пусть P – множество всех словоформ некоторого предложения. Говоря формальным языком, P – конечное линейно упорядоченное множество, элементы которого называются точками. Введем два понятия. Если A и B – подмножества P , и в множестве A есть хотя бы одна точка, слева и справа от которой имеются точки множества B , говорится, что A **расщепляет** B . A и B **зацепляются**, если A расщепляет B и B расщепляет A . Теперь можно привести формальное определение ССГ.

Граф $\langle C, \rightarrow \rangle$, где C – некоторое множество непустых подмножеств P называется (сильной) системой синтаксических групп (ССГ), если он удовлетворяет следующим аксиомам (аксиомы серии S задают ограничения на устройство множества C , аксиомы серии R описывают свойства отношения \rightarrow).

С1. C содержит в качестве элементов множество P и все одноэлементные элементы этого множества (т.е. само предложение и все словоформы предложения). Таки СГ называются **тривиальными**, все остальные – **нетривиальными**.

С2. Для любых двух СГ верно, что либо они не имеют точек пересечения, либо одна из них содержит другую.

С3. Никакие две СГ не зацепляются.

R1. Если $E_1 \rightarrow E_2$, то E_1 и E_2 непосредственно вложены в одну и ту же СГ.

R2. Невозможно $E \Rightarrow E$ (где знак \Rightarrow означает зависимость (не обязательно непосредственную), т.е. наличие пути отношения \rightarrow от одной СГ к другой).

R3. Если $E_1 \rightarrow E$ и $E_2 \rightarrow E$, то $E_1 = E_2$.

R4. Если $E_1 \rightarrow E_2$ и E – произвольная СГ, то множества E и $E_1 \cup E_2$ не зацепляются.

R5. Если $E_1 \rightarrow E_2$ и $E_3 \rightarrow E_4$, то множества $E_1 \cup E_2$ и $E_3 \cup E_4$ не зацепляются.

R6. Если $E_1 \rightarrow E_2$, то E_1 не расщепляет E_2 .

R7. Если $E_1 \rightarrow E_2 \rightarrow E_3$, то E_1 не расщепляет $E_2 \cup E_3$.

Отметим, что аксиомы **C1** и **C2** совпадают с условиями, входящими в определение систем составляющих, а аксиомы **R2** – **R3** предоставляют аналог древесности (деревом оказывается всякая связная компонента графа). Аксиомы **R4** – **R7** задают аналоги условий проективности.

2.2. Критерии разложимости / неразложимости

Выделение нетривиальных СГ происходит в результате проверки на разложимость, которой подвергаются связные (в некотором интуитивном смысле) группы слов. Связная группа слов X выделяется в СГ в том случае, если синтаксическую связь между этой группой и некоторым другим элементом предложения Y нельзя «разложить» на (а) связь между Y и какой-нибудь одной частью X и (б) связи между частями X . Если связная группа слов выделяется в СГ при любом ее вхождении в любое предложение, она называется **абсолютно неразложимой**. **Контекстно неразложимыми** называются связные группы слов, которые выделяются в СГ только при выполнении некоторых контекстных условий. Соответственно, уместно говорить о двух видах критериев: о критериях абсолютной неразложимости и о критериях контекстной разложимости.

А. Лексический критерий

Согласно критерию А, **все составные слова абсолютно неразложимы**. Под составными словами при этом понимаются связные группы слов, «в некотором интуитивно более или менее понятном смысле “эквивалентные” отдельным словам»⁴. Сюда, в частности, относятся аналитические формы будущего времени и сложные предлоги.

Б. Связностный критерий

В формулировках этого и следующих трех критериев используется термин «словосочетание», понимаемый максимально широко –

как любая группа словоформ, не являющаяся составным словом. Согласно критерию Б, **словосочетание абсолютно неразложимо, если либо (а) граф, образованный его членами, не является деревом, либо (б) его корень не способен подчиняться ни одному из тех слов и словосочетаний, которым способно подчиняться оно само.** Для дальнейшего изложения наиболее важен пункт (а) приведенной формулировки: на его основании абсолютно неразложимыми являются все сочиненные группы.

В. Операторно-контекстный критерий

В критериях В и Г под *контекстом* слова или словосочетания А понимается словосочетание, для которого А служит одним из членов и в котором либо имеется, кроме А, еще только один член С, связанный с А подчинительной связью (в этом случае контекст называется подчинительным, А – его первым членом, а С – вторым членом), либо подчинительные связи между членами отсутствуют (такой контекст называется неподчинительным). Подчинительные контексты, в качестве второго члена которых выступает однозначное слово (словосочетание) или слово (словосочетание)-заместитель, называются *термовыми*, все остальные контексты (в том числе неподчинительные) – *операторными*. Согласно критерию В, **в операторном контексте всякое словосочетание неразложимо.**

Г. Термовый критерий

Согласно критерию Г, **словосочетание разложимо в термовом контексте тогда и только тогда, когда семантически разложимо семантическое или глубинно-синтаксическое отношение между членами данного контекста, если он семантически согласован, и членами соответствующего семантизирующего контекста в противном случае.** Стоит отметить, что данный критерий в целом является наиболее продуктивным, однако для нашего исследования менее важен, чем три предыдущих. Поэтому – в целях экономии места – мы позволим себе не комментировать приведенную формулировку. Подробное обсуждение всех четырех критериев читатель сможет найти в книге 1985 года⁵.

2.3. Процедура построения ССГ

Проверку на разложимость проходят не все словосочетания, которые можно выделить в рамках разбираемого предложения: для построения адекватной ССГ обычно бывает нужно «выбросить» из множества проверяемых некоторую часть словосочетаний. Кроме того, важен и порядок, в котором производится проверка. Иными словами, необходима определенная процедура, регламентирующая

процесс построения ССГ. Ниже мы продемонстрируем принцип действия этой процедуры на примере следующего предложения, включающего в себя сочиненную группу:

(1) *Дружбой с писателями щеголяют маршалы и киноактеры.*

Прежде чем переходить к описанию процедуры, отметим, что хотя в формальном определении ССГ присутствует только некоторое «общее», недифференцированное отношение подчинения, процедура построения ССГ подразумевает, что все стрелки получают метки с именами конкретных поверхностно-синтаксических отношений. Адекватной ССГ можно назвать лишь такую, в которой каждая стрелка имеет лингвистически адекватную метку.

1. Процедура состоит из двух этапов. На первом этапе в СГ на основании критерия А выделяются все составные слова. Делается это автоматически, т. е. каждая связная группа слов, которая может быть проинтерпретирована в разбираемом предложении как составное слово, выделяется в СГ без каких-либо дополнительных условий. Внутри составных слов устанавливается отношение \rightarrow ; при этом должны соблюдаться все аксиомы сильной ССГ. В примере (1) на первом этапе процедуры в СГ выделяется предложно-падежная форма *с писателями*.

2. Второй этап состоит в последовательном выполнении циклов. Отдельный цикл завершается либо выделением какого-нибудь словосочетания в СГ на основании критериев Б, В и Г, либо завершением всей процедуры – успешным или безрезультатным. Для анализа примера (1) на втором этапе процедуры требуется выполнить два цикла. Рассмотрим их по очереди.

2₁.1. К началу i -того цикла всегда определено \mathbf{V}_{i-1} – множество всех СГ, отличных от всего предложения, выделенных на предыдущих циклах. Для первого цикла оно состоит из всех словоформ и составных слов, в последующих циклах к нему добавляются новые нетривиальные СГ. Через \mathbf{D}_{i-1} обозначается множество тех СГ из \mathbf{V}_{i-1} , которые не являются собственными частями каких-либо других СГ из \mathbf{V}_{i-1} (так сказать, множество «внешних» СГ). К началу i -того цикла на множестве $\mathbf{V}_{i-1} \setminus \mathbf{D}_{i-1}$ (т.е. на множестве «внутренних» СГ) уже определено отношение \rightarrow , причем множество $\mathbf{V}_{i-1} \cup \{\Pi\}$ (где Π – все предложение) удовлетворяет аксиомам **C1** – **C3**, а граф $\langle (\mathbf{V}_{i-1} \setminus \mathbf{D}_{i-1}) \cup \{\Pi\}, \rightarrow \rangle$ – также и аксиомам **R1** – **R7**. Для $i = 1$ это условие выполняется автоматически.

В нашем случае $\mathbf{V}_0 = \{\text{дружбой, с писателями, щеголяют, маршалы, и, киноактеры}\}$; $\mathbf{D}_0 = \mathbf{V}_0$ (последнее верно всегда для первого цикла).

2.1.2. Через M_{i-1} обозначается множество всех интуитивно допустимых словосочетаний, отличных от P , членами которого являются элементы D_{i-1} . Между элементами множества $M_{i-1} \cup D_{i-1}$ устанавливаются «предварительные» – всевозможные интуитивно допустимые – подчинительные связи. Только некоторые из этих связей обретут в итоге статус «окончательного» отношения \rightarrow . Пока что же граф этого предварительного отношения подчинения не обязан удовлетворять аксиомам **R1** – **R7**.

Для примера (1) $M_0 = \{\text{дружбой с писателями, щеголяют дружбой, щеголяют дружбой с писателями, маршалы и киноактеры, щеголяют маршалы и киноактеры, щеголяют дружбой маршалы и киноактеры}\}$. Устанавливаемые предварительные отношения таковы: *дружбой* \rightarrow *с писателями* (1-е комплетивное), *щеголяют* \rightarrow \rightarrow *дружбой (с писателями)* (1-е комплетивное), *щеголяют* \rightarrow *маршалы и киноактеры* (предикативное).

2.1.3. На следующем шаге из множества M_{i-1} выбрасываются все словосочетания, зацепляющиеся с элементами множества $D_{i-1} \cup M_{i-1}$ (в частности, если два словосочетания зацепляются, то они оба выбрасываются), а также все словосочетания, которые расцепляются подчиняющими их в смысле предварительного отношения подчинения элементами $D_{i-1} \cup M_{i-1}$. Полученное множество обозначается через M'_{i-1} . Таким образом предотвращаются нарушения двух аксиом проективности – **S3** и **R6**. Отметим, что ни в одном из рассматриваемых в настоящей статье примеров на данном шаге процедуры не выбрасывается ни одного словосочетания, т. е. M'_{i-1} во всех случаях совпадает с M_{i-1} .

2.1.4. На этом шаге используется крайне важное понятие «**правильного словосочетания**». Приведем его определение дословно: «Словосочетание $D \in M'_{i-1}$ называется правильным, если никакому его члену X , не являющемуся корнем, не подчинен (в смысле интуитивного отношения подчинения) никакой член какого-либо другого словосочетания из M'_{i-1} , пересечение которого с D состоит из единственного элемента X »⁶. Словосочетания, не удовлетворяющие этому определению («неправильные»), по одному выбрасываются из множества M'_{i-1} . Делается это до тех пор, пока либо не будут выброшены все элементы M'_{i-1} , либо все оставшиеся словосочетания не станут правильными по отношению к получившемуся множеству, которое обозначается через N_{i-1} .

Содержательный смысл этой операции заключается в том, что при проверке на разложимость «младшим» словосочетаниям отдается предпочтение перед «старшими». Например, если A подчиняет B ,

а $B-C$, то проверяться должно словосочетание BC , а не словосочетание AB . Для примера (1) неправильным в множестве \mathbf{M}_0^p является словосочетание *щеголяют дружбой*, поскольку в этом же множестве имеется словосочетание *дружбой с писателями*. Таким образом, $\mathbf{N}_0 = \{\text{дружбой с писателями, щеголяют дружбой с писателями, маршалы и киноактеры, щеголяют маршалы и киноактеры, щеголяют дружбой маршалы и киноактеры}\}$.

2_{1.5}. Если \mathbf{N}_{i-1} пусто, то процедура завершается: либо успешно (если предварительное отношение на \mathbf{D}_{i-1} удовлетворяет аксиомам **R1 – R7** на множестве $\mathbf{D}_{i-1} \cup \{P\}^7$), либо безрезультатно (в противном случае). Если \mathbf{N}_{i-1} не пусто (как в случае \mathbf{N}_0 для примера (1)), процедура переходит к следующему шагу.

2_{1.6}. На этом шаге все словосочетания из \mathbf{N}_{i-1} проверяются на неразложимость по критериям Б, В и Г. При этом порядок выбора словосочетаний и проверяемых контекстов регулируется набором правил, из которых для наших целей необходимо упомянуть два:

(а) словосочетания с меньшим числом членов проверяется раньше словосочетаний с большим числом членов;

(б) каждое словосочетание проверяется сначала на предмет абсолютной неразложимости по критерию Б, а затем, если оно оказывается потенциально разложимым, – на предмет контекстной неразложимости в контекстах, членами которых служат элементы \mathbf{D}_{i-1} .

Процесс проверки продолжается до тех пор, пока либо не будет установлена неразложимость какого-нибудь словосочетания $D \in \mathbf{N}_{i-1}$, либо все словосочетания из этого множества не окажутся разложимыми. В первом случае D объявляется СГ, предварительное отношение подчинения на множестве членов D отождествляется с отношением \rightarrow (если это не ведет к нарушению аксиом **R1 – R7** на сумме этого множества с $\{D\}^8$), и цикл заканчивается. Во втором случае предварительное отношение подчинения на \mathbf{D}_{i-1} отождествляется с отношением \rightarrow (с аналогичной оговоркой для множества $\mathbf{D}_{i-1} \cup \{P\}$), и завершается уже вся процедура. В обоих случаях при нарушении аксиом **R1 – R7** процедура обрывается безрезультатно.

Для примера (1) первым из входящих в \mathbf{N}_0 словосочетаний должно проверяться словосочетание *дружбой с писателями*: оно состоит из двух членов (напомним, что *с писателями* уже выделено в СГ как составное слово). Данное словосочетание разложимо в единственном возможном контексте – *щеголяют дружбой с писателями*: семантическое отношение между *щеголяют* и *дружбой с писателями* может быть представлено как сумма отношений между *щеголяют* и *дружбой* и между *дружбой* и *с писателями*⁹. Также

разложимо (в контексте, равном всему предложению) трехчленное словосочетание *щеголяют дружбой с писателями*. Что же касается другого трехчленного словосочетания, *маршалы и киноактеры*, то оно абсолютно неразложимо как неподчинительный контекст. Соответственно, данное словосочетание выделяется в СГ, и первый цикл на этом завершается.

Шаги второго цикла мы опишем в более сжатой форме.

2₂.1. $B_1 = \{\text{дружбой, с писателями, щеголяют, маршалы, и, киноактеры, маршалы и киноактеры}\}$; $D_1 = \{\text{дружбой, с писателями, щеголяют, маршалы и киноактеры}\}$.

2₂.2 и **2₂.3.** $M'_1 = M_1 = \{\text{дружбой с писателями, щеголяют дружбой, щеголяют дружбой с писателями, щеголяют маршалы и киноактеры, щеголяют дружбой маршалы и киноактеры}\}$. Устанавливаемые предварительные отношения совпадают с теми, которые были выделены в шаге 2₁.2.

2₂.4. По-прежнему неправильным является словосочетание *щеголяют дружбой*. Соответственно, $N_1 = \{\text{дружбой с писателями, щеголяют дружбой с писателями, щеголяют маршалы и киноактеры, щеголяют дружбой маршалы и киноактеры}\}$.

2₂.6. Все словосочетания, входящие в N_1 , оказываются разложимыми во всех возможных контекстах. Предварительные отношения подчинения, установленные на шаге 2₂.2, отождествляются с отношением \rightarrow , и процедура завершается, давая на выходе следующую ССГ:

(2) Анализ примера (1) в исходной редакции аппарата СГ

Рассмотрим теперь два известных варианта анализа сочиненных групп подобного рода в терминах ДЗ. В модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» вершиной сочиненной группы предлагается считать ее первый по порядку член, от которого в свою очередь выходит стрелка с однородным ПСО¹⁰. Поверхностно-синтаксическое представление фрагмента примера (1) выглядело бы в МСТ следующим образом:

Помимо определенной «искусственности» однородного и отсоюзного ПСО, данный метод страдает по меньшей мере еще одним существенным недостатком. В его рамках не различается анализ

омонимичных конструкций вида (1а) *щеголяют прославленные маршалы и киноактеры*: вне зависимости от того, относится прилагательное *прославленные* только к *маршалы* или целиком к *маршалы и киноактеры*, стрелка с определительным отношением проводится от первого сочиненного члена.

Другой способ «примирить» сочинительные конструкции с деревьями зависимостей представлен в работе Е. В. Падучевой 1974 года¹¹. Репрезентантом всей сочиненной группы предлагается считать сочинительный союз; в примере (1) именно в него должна входить стрелка с предикативным отношением. Члены сочиненной группы, в свою очередь, «подчинены» союзу при помощи сочинительного отношения:

При таком подходе удается разграничить значения омонимичных конструкций вида (1а): в зависимости от семантической интерпретации прилагательное оказывается подчиненным либо существительному *маршалы*, либо союзу *и*. Однако в целом идея о вступлении сочинительного союза в актантные или определительные отношения выглядит контринтуитивной.

3. Проблема лексико-семантической однородности

Анализ сочинительных конструкций в терминах СГ, пример которого был приведен в предыдущем разделе, основывается на следующем традиционном допущении: синтаксическая функция всей сочиненной группы совпадает с синтаксической функцией любого из ее членов, и поэтому во внешних связях участвует только вся сочиненная группа целиком. Для примера (1), в котором сочиненная группа *маршалы и киноактеры* и в самом деле характеризуется подобной однородностью, это допущение верно. Однако в русском языке возможен и другой тип сочинения.

Подробное описание типов однородности и обсуждение связи между однородностью и сочинением приводится в работе В. З. Санникова 1989 года¹². В ней выделяется четыре типа однородности, в их числе – функциональная и лексико-семантическая. При функциональной однородности все сочиненные члены выполняют в рамках предложения однотипную функцию (см. (1)). Лексико-грамматическая однородность представлена в примерах вида (3) *Я говорил с художником и о художнике* или (4) *Кто и что говорил?* Сочиненные

члены в них функционально разнотипны, а возможность их сочинения обеспечивается за счет равнолексемности или принадлежности к одному и тому же разряду вопросительных слов.

Нетрудно заметить, что адекватный анализ сочинительных конструкций с лексико-семантической однородностью затруднен и в рамках деревьев зависимостей, и при использовании непосредственных составляющих, и в исходной редакции аппарата СГ.

Рассмотрим возможные способы анализа конструкции (4). При описании в терминах НС неизбежно выделение сочиненной группы в отдельную составляющую, что дает структуру [*кто и что говорил*], никак не учитывающую того факта, что в нормальной ситуации последовательность *что говорил* должна образовывать главную группу.

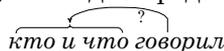
При анализе в духе Е. В. Падучевой оказывается невозможным определить характер отношения между вершинным глаголом и «зависимым» союзом. Оно не может описываться ни как предикативное (ср. *говорил* → *кто*), ни как 1-е комплетивное (*говорил* → *что*). Можно было бы постулировать тут какое-нибудь гибридное «1-е предикативно-комплетивное» отношение, но тогда таких отношений *ad hoc* пришлось бы вводить едва ли не бесконечное число: сочетаться могут различные типы зависимых, их количество в принципе неограниченно, кроме того, необходимо учитывать и линейный порядок.

В модели «Смысл ↔ Текст» конструкциям с лексико-семантической однородностью удастся приписать размеченную поверхностно-синтаксическую структуру, однако она оказывается слишком неспецифицированной. Например, два предложения, в которых заполнены разные валентности глагола **ГОВОРИТЬ**: (4) *Кто и что говорил?* и (5) *Кто и кому говорил?* – получают одинаковое ПСО-представление: в обоих случаях от союза ко второму сочиненному члену будет идти стрелка с семантически пустым отсоюзным отношением.

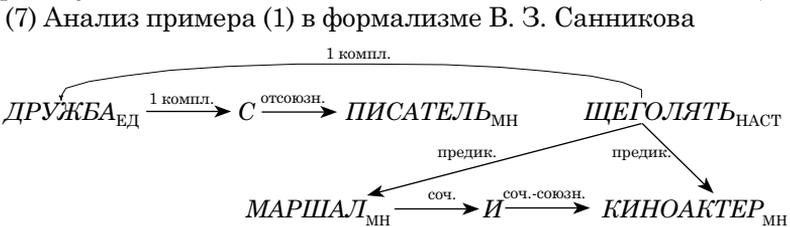
Наконец, в исходной редакции аппарата СГ при попытке применить описанную в подразделе 2.3 процедуру к предложению (4) мы либо сталкиваемся с невозможностью задать набор предварительных отношений между элементами множества $M_{i-1} \cup D_{i-1}$ на шаге 2_i2, либо получаем на выходе следующую ССГ:

(6) Анализ примера (4) в исходной редакции аппарата СГ

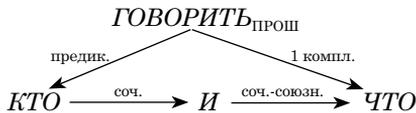

Как видно, проблемы, возникающие при анализе примера (4) в исходной редакции аппарата СГ, – содержательно те же, что и при использовании деревьев зависимостей в духе Е. В. Падучевой. Камнем преткновения становится представление о сочинении и подчинении как о двух независимых процессах. Между тем, как отмечает В. З. Санников, возможность построения сочинительных конструкций с лексико-грамматической однородностью указывает на то, что сочинительные связи «не употребляются самостоятельно, а как бы “накладываются” на подчинительные связи»¹³. Аналогичную точку зрения на природу сочинения высказывал еще А. М. Пешковский: «мы имеем, собственно, (...) явление соподчинения с той только разницей, что соподчиненные элементы здесь, кроме того, еще сочинены между собой»¹⁴.

Используя идею соподчинения, В. З. Санников анализирует сочинительные конструкции следующим образом: каждый сочиненный член связан не только сочинительным отношением с другими членами сочиненной группы (непосредственно или через сочинительный союз), но и подчинительными отношениями с элементами, не входящими в сочиненную группу. В соответствии с этим соглашением предложения (1) и (4) получают следующие структуры (узлами графов служат те же единицы, что и в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст»):

(8) Анализ примера (4) в формализме В. З. Санникова

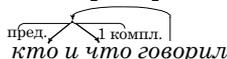

В следующем разделе мы внесем ряд изменений в аппарат СГ, которые позволят учесть идею соподчинения, но при этом сохранят «нетронутыми» нарушаемые в формализме В. З. Санникова принципы единственности «хозяина» и единственности выражения обязательных валентностей (см. две стрелки с предикативным отношением в структуре (7)).

4. Модификация аппарата СГ

Внося изменения в аппарат СГ, мы преследуем следующие задачи: (а) предложить адекватный (новый) анализ конструкций с лексико-семантической однородностью и (б) сохранить адекватный (старый) анализ всех прочих типов конструкций, в том числе и конструкций с функциональной однородностью. Пункт (б), в частности, означает, что примеру (1) по-прежнему должна приписываться структура (2). Что же касается пункта (а), то для описания конструкций с лексико-семантической однородностью мы предлагаем использовать два отношения подчинения: «размеченное» и «неразмеченное». Вся сочиненная группа целиком (как и в первоначальной редакции аппарата, она должна выделяться в СГ) подчинена своему синтаксическому «хозяину» неразмеченной связью, которая, в свою очередь, проясняется размеченными отношениями между сочиненной группой и ее отдельными элементами. Так, примеру (4) в модифицированном аппарате СГ приписывается следующая структура:

(9) Анализ примера (3) в модифицированной версии аппарата СГ

Для того чтобы приведенный разбор стал возможным, требуется видоизменить и формальное определение, и процедуру построения ССГ. Заметим при этом, что критерии разложимости/неразложимости (см. подраздел 2.2) остаются неизменными.

4.1. Новое формальное определение ССГ

Главное отличие от первоначального варианта состоит в том, что теперь, вместо одного отношения подчинения \rightarrow , ССГ включает в себя два отношения: размеченное \rightarrow_p и неразмеченное \rightarrow_n . Эти отношения никогда не дублируют друг друга, неразмеченное отношение при этом обязательно должно проясняться размеченными – так, как это продемонстрировано в структуре (9) выше.

Итак, биграф вида $\langle C, \rightarrow_p, \rightarrow_n \rangle$, где C , как и раньше, – множество непустых подмножеств Π , называется (сильной) ССГ, если он удовлетворяет аксиомам **C1** – **C3** и **R'1** – **R'9**. Аксиомы **C1** – **C3** остаются без изменений (см. подраздел 2.1). Самым важным формальным отличием от определения ССГ в исходной редакции является введение аксиом **R'1** – **R'3**. Эти аксиомы описывают правила взаимодействия отношений \rightarrow_p и \rightarrow_n ; кроме того, в **R'2** и **R'3** дается аналог прежней аксиомы **R1**.

R'1. Если $E_1 \rightarrow_p E_2$, то невозможно $E_1 \rightarrow_n E_2$; если $E_1 \rightarrow_n E_2$, то невозможно $E_1 \rightarrow_p E_2$.

Для формулирования последующих аксиом введем новое обозначение:

$E_1 \rightarrow E_2 \equiv E_1 \rightarrow_P E_2$ или $E_1 \rightarrow_H E_2$ (в силу аксиомы **R'1** дизъюнкция тут строгая). Знак \Rightarrow будет по-прежнему означать наличие пути \rightarrow от одной СГ к другой, но будет теперь иметь несколько другой смысл.

R'2. Если $E_1 \rightarrow_H E_2$, то

а) существуют такие E_3, E_4, \dots, E_n ($n \geq 4$), что E_3, E_4, \dots, E_n вложены (не обязательно непосредственно) в E_2 и $E_2 \Rightarrow E_3, E_2 \Rightarrow E_4, \dots, E_2 \Rightarrow E_n$;

б) E_1 и E_2 непосредственно вложены в одну и ту же СГ; либо E_2 непосредственно вложена в E_1 и при этом существует такая E , что $E \rightarrow_H E_1$.

R'3. Если $E_1 \rightarrow_P E_2$, то

а) либо существует такая СГ E , что $E \rightarrow_H E_1$, и существуют такие E_3, \dots, E_n ($n \geq 3$), что E_2, E_3, \dots, E_n непосредственно вложены в E_1 и $E_1 \rightarrow_P E_2, E_1 \rightarrow_P E_3, \dots, E_1 \rightarrow_P E_n$;

б) либо таких СГ не существует, и тогда E_1 и E_2 непосредственно вложены в одну и ту же СГ.

Аксиомы **R'4** – **R'9** аналогичны прежним аксиомам **R2** – **R7**:

R'4. Невозможно $E \Rightarrow E$.

R'5. Если $E_1 \rightarrow E$ и $E_2 \rightarrow E$, то $E_1 = E_2$.

R'6. Если $E_1 \rightarrow E_2$ и E – произвольная СГ, то множества E и $E_1 \cup E_2$ не зацепляются.

R'7. Если $E_1 \rightarrow E_2, E_3 \rightarrow E_4$, то множества $E_1 \cup E_2$ и $E_3 \cup E_4$ не зацепляются.

R'8. Если $E_1 \rightarrow E_2$, то E_1 не расщепляет E_2 .

R'9. Если $E_1 \rightarrow E_2 \rightarrow E_3$, то E_1 не расщепляет $E_2 \cup E_3$.

Заметим, что в определении по-прежнему присутствует аналог древесности (раньше он задавался аксиомами **R2** – **R3**, теперь – аксиомами **R'4** – **R'5**), а также условия слабой и сильной проективности (соответственно **R'6** – **R'7** и **R'8** – **R'9**).

4.2. Новая процедура построения ССГ

В соответствии с новым формальным определением в процедуру построения ССГ нужно, прежде всего, внести ряд очевидных изменений: на всех шагах, на которых раньше упоминались предварительное отношение подчинения, окончательное отношение \rightarrow и аксиомы **R1** – **R7**, мы теперь будем говорить о двух предварительных отношениях: размеченном и неразмеченном, о двух окончательных отношениях \rightarrow_P и \rightarrow_H и об аксиомах **R'1** – **R'9**. Помимо этих тривиальных преобразований необходимо модифицировать работу процедуры на шагах 2_{1.4}, 2_{1.5} и 2_{1.6} (см. подраздел 2.3), а также пере-

смотреть одно содержательное решение, касающееся состава множества M_{i-1} и установления предварительных отношений подчинения на множестве $M_{i-1} \cup D_{i-1}$.

Проследим работу нового варианта процедуры для примера (4) *Кто и что говорил?* Нумерация шагов процедуры в дальнейшем изложении полностью соответствует приведенной выше в подразделе 2.3. Это же относится к используемым обозначениям – за исключением специально оговариваемых случаев.

1. На первом этапе процедуры никаких СГ не выделяется: составных слов в (4) нет.

2₁. Второй этап. Первый цикл.

2₁.1. $B_0 = \{\text{кто, и, что, говорил}\}$; $D_0 = B_0$. Поскольку $B_0 \setminus D_0 = \emptyset$, биграф $\langle (B_0 \setminus D_0) \cup \{P\}, \rightarrow_P, \rightarrow_H \rangle$ тривиальным образом удовлетворяет всем аксиомам ССГ.

2₁.2. Напомним, что на этом шаге нужно (а) построить M_0 – множество всех интуитивно допустимых словосочетаний (отличных от всего предложения), членами которых выступают элементы D_0 , и (б) установить предварительные подчинительные связи между элементами $M_0 \cup D_0$. Оба этих процесса выполняются не автоматически: они требуют обращения к лингвистической интуиции. В новой версии процедуры построения ССГ предлагается иное содержательное решение, чем в исходной редакции. В ситуации, когда сочиненные члены соподчинены одной вершине X и при этом каждый из них способен образовывать с X грамматически правильное словосочетание, все такие словосочетания включаются в множество M_{i-1} , и внутри них также устанавливаются предварительные отношения подчинения.

В соответствии с этим решением для примера (4) $M_0 = \{\text{кто говорил, что говорил, кто и что}\}$; предварительные подчинительные связи между элементами $M_0 \cup D_0$ устанавливаются следующим образом: *говорил* \rightarrow_P *кто* (предикативная связь), *говорил* \rightarrow_P *что* (1-я комплетивная связь), *говорил* \rightarrow_H (*кто и что*) (последняя связь – размеченная ввиду функциональной разнородности сочиненных членов).

2₁.3. Так как в множестве M_0 нет словосочетаний, зацепляющихся с элементами $M_0 \cup D_0$, и словосочетаний, которые расцепляются подчиняющими их в смысле любого из предварительных отношений подчинения элементами $M_0 \cup D_0$, $M'_0 = M_0$.

2₁.4. Для успешной дальнейшей работы процедуры необходимо сузить понятие правильного словосочетания. Будем теперь называть словосочетание D , принадлежащее множеству M'_{i-1} , правиль-

ным, если никакой его член X , не являющийся корнем, не входит в качестве неподчиненного элемента в какое-либо другое словосочетание из \mathbf{M}'_{i-1} , пересечение которого с D состоит из единственного элемента X .

Это определение отличается от используемого в исходной редакции аппарата ССГ (отличающееся место подчеркнуто; ср. формулировку, приведенную выше в подразделе 2.3). Смысл поправки очевиден: «выкидываются» не только такие словосочетания, зависимые члены которых сами имеют зависимые в других словосочетаниях, но и такие, зависимые члены которых входят в неподчинительные контексты (в частности, в сочинительные конструкции). Таким образом, в (4) неправильными оказываются словосочетания *кто говорил* и *что говорил*; $\mathbf{N}_0 = \{\text{кто и что}\}$.

Отметим, что если бы двучленные словосочетания *кто говорил* и *что говорил* признавались правильными, любое из них могло бы подвергнуться проверке на неразложимость на шаге 2_{1.6}, причем раньше, чем трехчленное словосочетание *кто и что*. Каждое из них оказывалось бы неразложимым в контексте всего предложения, так как данный контекст является неподчинительным (см. подраздел 2.2, критерий В). Соответственно, словосочетание *кто и что* уже не могло бы выделиться в СГ, и адекватной ССГ построить не удалось бы.

2_{1.5}. Поскольку $\mathbf{N}_0 \neq \emptyset$, переходим к шагу 2_{1.6}.

2_{1.6}. Единственное словосочетание множества \mathbf{N}_0 , *кто и что*, является абсолютно неразложимым по критерию Б – как неподчинительный контекст. В силу этого оно объявляется СГ. Однако – и в этом состоит отличие нового варианта процедуры от старого – на этом цикл не заканчивается. На шаге 2_{1.6} нужно выполнить еще одно действие.

После того как некоторое словосочетание D выделяется в СГ, необходимо проверить, не было ли в \mathbf{M}_0 (в общем случае – в \mathbf{M}_{i-1}) словосочетаний A_1, A_2, \dots, A_n ($n \geq 2$), таких что хотя бы для двух из них верно следующее: в одно из них входил один член D (далее – X), в другое – другой член D (далее – Y), в обоих этих словосочетаниях главным членом выступала одна и та же СГ, и при этом либо (а) X и Y были связаны с этой СГ разноименными размеченными отношениями, либо (б) X и Y были связаны с этой СГ неразмеченным отношением. Если проверка (будем называть ее **проверкой на разнофункциональную соподчиненность**) дает положительный результат, то все члены D , которые являлись зависимыми элементами в словосочетаниях A_1, A_2, \dots, A_n , помечаются специальными метками, указывающими, от какой СГ они зависели в этих словосочетаниях и

каков был характер этой связи (неразмеченный или размеченный с именем отношения). Если же данная проверка дает отрицательный результат, то цикл заканчивается без каких-либо дополнительных преобразований.

В примере (4) проверка на разнофункциональную соподчиненность дает положительный результат; местоимение *кто* помечается меткой с указанием на то, что оно было связано с *говорил* предикативным отношением; у *что* ставится аналогичная метка с 1-м комплетивным отношением. На этом первый цикл второго этапа завершается. Переходим ко второму циклу.

2₂.1. $B_1 = \{кто, и, что, кто и что, говорил\}$, $D_1 = \{кто и что, говорил\}$.

2₂.2. $M_1 = \emptyset$, предварительное отношение подчинения на множестве $M_1 \cup D_1$ одно: *говорил* \rightarrow_H *{кто и что}*.

2₂.3. $M'_1 = M_1$.

2₂.4. $N_1 = M'_1$.

2₂.5. Поскольку $N_1 = \emptyset$, нужно проверить, удовлетворяют ли предварительные отношения на $D_1 \cup \{I\}$ аксиомам **R'1 – R'9**. Очевидно, проверка дает отрицательный результат: от *говорил* к *{кто и что}* идет неразмеченная стрелка, больше никаких стрелок нет, что нарушает аксиому **R'2**. Чтобы процедура не обрывалась безрезультатно, следует произвести определенное преобразование.

Во всех случаях, когда по процедуре требуется проверить, удовлетворяют ли предварительные отношения на некотором множестве F аксиомам **R'1 – R'9** (а это бывает нужно сделать на шагах 2₂.5 и 2₂.6), сначала необходимо провести другую проверку. Нужно проверить, включает ли в себя множество F (а) СГ X , элементы которой снабжены метками, проставленными в шаге 2₂.6 (где j – один из предыдущих циклов процедуры, т. е. $j < i$); (б) словосочетание, состоящее из X и другой СГ Y , такое что $Y \rightarrow_H X$. Будем называть эту операцию **проверкой меток**. Если проверка меток дает положительный результат, то:

1) все элементы X , снабженные метками, включаются в состав множества F ;

2) от X ко всем элементам X , снабженным метками, проводятся соответствующие этим меткам стрелки;

3) метки стираются;

Если же проверка меток дает отрицательный результат, никаких преобразований не производится и процедура сразу переходит к проверке на соответствие отношений на множестве F аксиомам **R'1 – R'9**.

Для примера (4) проверка меток на шаге 2_{2.5} дает положительный результат – см. шаг 2_{1.6} выше. Соответственно, в состав множества $D_1 \cup \{P\}$ добавляются элементы *кто* и *что*, от СГ $\{кто\}$ и $\{что\}$ проводится стрелка с предикативным отношением к *кто* и стрелка с 1-м комплетивным отношением к *что*. В результате этих преобразований предварительные отношения подчинения на $D_1 \cup \{P\}$ удовлетворяют аксиомам $R'1 - R'9$, поэтому они отождествляются с окончательными отношениями \rightarrow_p и \rightarrow_n и процедура успешно завершается, выдавая приведенную выше ССГ (9).

Покажем теперь, что анализ конструкций с функциональной однородностью приводит в модифицированном аппарате СГ к тем же результатам, что и в исходной редакции. Рассмотрим ключевые моменты работы новой процедуры для предложения (1) *Дружбой с писателями щеголяют маршалы и киноактеры*.

1. На первом этапе, как и раньше, выделяется в СГ составное слово *с писателями*.

2₁. В отличие от исходной версии процедуры, в M_0 включаются словосочетания *щеголяют маршалы* и *щеголяют киноактеры*. Однако в дальнейшем они «выбрасываются», как неправильные, и потому не проверяются на разложимость. Как и раньше, неразложимым оказывается словосочетание *маршалы и киноактеры*, при этом проверка на разнофункциональную однородность, в отличие от примера (4), тут дает отрицательный результат.

2₂. Все словосочетания, входящие в N_1 , оказываются разложимыми во всех возможных контекстах. Проверка меток дает отрицательный результат, предварительные отношения подчинения на множестве $D_1 \cup \{P\}$ удовлетворяют аксиомам $R'1 - R'9$, отождествляются с отношением \rightarrow_p (отношение \rightarrow_n в данном предложении не представлено), и процедура завершается, давая на выходе ССГ, идентичную приведенной выше в (2).

4. Заключение

Подведем краткие итоги работы. Сочинительные конструкции, не получающие адекватного анализа в рамках деревьев зависимостей, в целом значительно успешнее описываются при помощи аппарата синтаксических групп (СГ). Однако исходная редакция этого аппарата, изложенная в работах А. В. Гладкого, не позволяет провести адекватный разбор конструкций с так называемой лексико-семантической однородностью. Для устранения этого недостатка в аппарате СГ был внесен ряд изменений.

1) Сформулировано новое формальное определение системы синтаксических групп (ССГ). Основным отличием нового определения от старого стало введение двух отношений подчинения вместо одного. Различаются размеченное отношение \rightarrow_P и неразмеченное отношение \rightarrow_H . В набор аксиом включены две дополнительные аксиомы, описывающие правила взаимодействия этих отношений.

2) Уточнено понятие правильного словосочетания, используемое на шаге 2_{1.4} процедуры построения ССГ.

3) На шаге 2_{1.6} введена проверка на разнофункциональную соподчиненность. Совместно с последующей проверкой меток эта операция позволяет добиться требуемого взаимодействия отношений \rightarrow_P и \rightarrow_H .

В результате структуры с лексико-семантической однородностью получают новое описание в терминах ССГ – в большей степени, чем ранее, соответствующее их внутреннему устройству. При этом конструкции с «традиционной», функциональной однородностью в новой редакции аппарата ССГ анализируются в целом так же, как и в исходной редакции.

Примечания

- 1 Статья представляет собой переработанный фрагмент прежде не публиковавшейся квалификационной работы автора: *Коротаев Н. А. Усовершенствование аппарата синтаксических групп*. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2002.
- 2 *Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения*. М.: Наука, 1985.
- 3 *Гладкий А. В. К процедуре построения систем синтаксических групп // Московский лингвистический журнал*. 1998. Т. 4. С. 32-45.
- 4 *Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка... С. 58.*
- 5 Там же. С. 57-67.
- 6 *Гладкий А. В. К процедуре построения систем... С. 43.*
- 7 Отметим, что в исходной редакции аппарата СГ в действительности не делается оговорки о том, что проверять предварительное отношение подчинения на соответствие аксиомам **R1** – **R7** следует именно на множестве $D_{i-1} \cup \{I\}$. Нам представляется, что тут допущена неточность: ведь без включения в состав релевантного множества СГ, равной всему предложению, невозможно удостовериться в истинности аксиомы **R1**. Аналогичные поправки были внесены нами и в формулировки пункта 2_{1.6} далее.
- 8 Ср. предыдущее примечание. Без включения в релевантное множество СГ, равной всему словосочетанию, невозможно удостовериться в истинности аксиомы **R1**.

- ⁹ Подробнее см. *Гладкий А. В.* Синтаксические структуры естественного языка... С. 62-67.
- ¹⁰ *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Языки русской культуры, 1999 [1974]. С. 229.
- ¹¹ *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. С. 170-171.
- ¹² *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989. С. 14-23.
- ¹³ Там же. С. 29.
- ¹⁴ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 60.

М.Р. Кауль

«... Статистика – это только у Шайкевича»

Рассказ о первых контактах с А.Я. Шайкевичем в годы студенчества и аспирантуры, впечатление от его научных работ и общественного поведения.

Ключевые слова: А.Я. Шайкевич, педагогический стиль, труды по дистрибутивно-статистическому анализу, борьба с бессодержательностью в науке, гражданское мужество, научная скромность.

Дорогой Анатолий Янович!

Поздравляю Вас с очередным юбилеем и счастлива, что могу это сделать, да ещё и публично. Бог знает, сколько лет прошло с первой нашей встречи, – страшно вспоминать, а помнится ясно, как совсем недавно.

Я тогда только что была переведена на 3 курс Иняза из Ивановского пединститута, где у меня было задание «выяснить, что такое инверсия». Я сидела в библиотеке, выясняла – нашла специальную работу и честно её законспектировала. На курсе, куда меня перевели, полагалось писать курсовую работа, с которой меня послали к Вам. Я, ничтоже сумняшеся, заявила с работой по инверсии (а как же, ведь «отлично» уже стояло!). К моему удивлению, Вы нашли оригинал законспектированного труда, отметили в нем недостатки и, поставив мне «удовлетворительно» за отсутствие собственных мыслей и некритическое отношение к читаемому, оставили неизгладимый след в моей душе и судьбе. С тех пор я читаю любой труд с пристрастием и никогда не заявляю о себе, если мне нечего сказать своего. Спасибо Вам за урок.

Я не была Вашей непосредственной студенткой, но и в студенческие годы, и в аспирантские сталкивалась с работами Ваших учеников. Всегда помню и цитирую в лекциях работу Вашей студентки об артиклях у Шекспира. Ни до, ни после не встречала такого подхода. Подумать только, посчитали артикли и сделали социологические выводы! А ведь ни в одном пособии по артиклям, ни в одной грамматике этого до сих пор нет.

Потом пошли Ваши работы по дистрибутивному анализу. Мы, аспиранты, их все изучали. Особенно помню и опять же цитирую при случае анализ поля «образование» (кажется, я тогда была рецензентом). Мне тогда многое открылось в этой семантической области английского языка.

Как только дело в моей работе дошло до количественного метода, меня опять направили к Вам. «Ну, статистика это только у Шайкевича. Он все объяснит», – сказала мне Розалия Семеновна Гинзбург. Как же давно это было! Вы учили меня считать по-библиотечарски десятками-квадратиками – доисторическая мгла по сегодняшним понятиям. Специалистом по статистике я не стала, но уроки Ваши усвоила, руководствуюсь ими и по сей день.

Когда дело дошло до защиты, была масса волнений – все аспиранты с ужасом ждали самых умных и убойных вопросов от секретаря Ученого Совета. Как подумаю об этом, то и сейчас физически ощущаю: все уже отвечено и вот слева от тебя поднимается молодой голубоглазый красавец и разбивает в пух и прах все твои построения одним вопросом. Вопросы, которые Вы задавали, ходили среди аспирантов как легенды. А на эти вопросы нужна была смелость, так как они часто задевали разные устоявшиеся авторитеты.

Читая псевдонаучные нагромождения терминов, моментально вспоминаю конференцию – было время безумного терминотворчества на вдруг открывшихся семантических просторах, – на которой Вы выступили с самым серьезным видом. Все слушали внимательно, пытаюсь понять, что нового, потому, видать, и непонятого можно извлечь. А закончилась речь (жаль, не могу процитировать) насмешкой, что, мол, вся ваша конференция и умные речи столь же бессодержательны, как и мое выступление, которое являет собой лишь очередную «глокую куздру» – форма есть, а содержания – пшик! Кто бы мог тогда на такое отважиться?!

Вот видите, дорогой Анатолий Янович, даже не будучи Вашей ученицей, соприкасаясь с Вами лишь по касательной, я получила уроки, которые сопровождают меня всю жизнь. Это свойство большого учителя, педагога, ученого. Спасибо Вам за Ваши труды, которые учат думать, открывают горизонты, за личный Ваш пример, который учил гражданскому мужеству, честности в науке и при этом необыкновенной интеллигентской скромности.

В.И. Перебейнос

Как я стала заниматься лингвостатистикой

Рассказ о том, как конструктивная критика со стороны А.Я. Шайкевича раскрыла перед автором задачи и методы статистического изучения языка.

Ключевые слова: А.Я. Шайкевич, статистическое изучение языка, стиль научных отношений.

Мое знакомство с Анатодем Яновичем Шайкевичем началось в октябре 1961 года во время обсуждения моей кандидатской диссертации на кафедре лексикологии и стилистики английского языка I-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. Перед заседанием кафедры одна из аспиранток сказала: «Бойтесь Шайкевича: у него есть серьезные замечания».

Безусловно, серьезные замечания ученого секретаря совета, на котором мне предстояло защищаться, могли привести к серьезным неприятностям для меня, поэтому я с некоторой внутренней дрожью ожидала его выступления. Но, вопреки ожиданиям, оно не столько испугало, сколько обрадовало меня. Замечание касалось проведения количественного анализа исследуемого материала. Анатолий Янович показал его несостоятельность, указал на ошибки и предложил проконсультировать меня. Конечно, я с радостью согласилась: это была существенная помощь, так как тогда я имела весьма приблизительное представление о статистике. Так, с легкой руки Анатолия Яновича, я стала заниматься лингвостатистикой.

И сегодня, более чем через пятьдесят лет, я благодарна Анатолию Яновичу за то серьезное замечание, которое раскрыло предо мной важное и интересное направление научных поисков, способствовало становлению научных интересов, формированию меня как исследователя.

Дорогой Анатолий свет-Янович! Сердечно поздравляю тебя с юбилеем, желаю тебе всего-всего, чего только можно пожелать по такому поводу! Многих радующих душу научных свершений, приносящих счастье и чувство удовлетворения: годы не впустую прошли, есть чем поделиться с людьми, быть полезным и друзьям, и коллегам, и науке. Многих лет тебе, многих успехов и радостей, многих сил и крепкого здоровья!

БУДЬ!!!

М.Я. Гловинская

«Гармония» в «Активном словаре русского языка»¹

Предлагаются словарные статьи *гармонировать* и *гармония* из «Активного словаря русского языка» интегрального типа.

Ключевые слова: Активный словарь, Анатолий Янович Шайкевич.

А.Я. Шайкевичу к юбилею

В настоящее время в Институте русского языка РАН коллектив авторов под руководством ак. Ю.Д. Апресяна составляет «Активный словарь русского языка». Это словарь интегрального типа, включающий, помимо примеров и толкований, гораздо более подробные сведения о морфологии, синтаксических свойствах, сочетаемости слов, чем в обычных словарях. Кроме того, даются сведения о синонимах, аналогах, антонимах, конверсивах и дериватах каждого слова. Подробно принципы составления «Активного словаря» описаны в его проспекте²; в этом же проспекте содержатся и образцы словарных статей.

Для статьи, посвященной юбилею А.Я. Шайкевича, я выбрала две свои словарные статьи, связанные с понятием гармонии. Это то, чего автор желает юбиляру. Обращаю внимание на то, что когда мы желаем человеку чего-то хорошего, это не значит, что человек этим не обладает.

ГАРМОНИ́РОВАТЬ, ГЛАГ; -ую, -ует; НЕСОВ; СОВ нет.

ПРИМЕРЫ: *Гармонировать с цветом неба и моря; Цветы в саду должны гармонировать с цветом беседок.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 гармонизирует с А2* 'Объекты А1 и А2 обладают такими свойствами, что, будучи воспринимаемы вместе, приятны для восприятия' [по аналогии о самих свойствах объектов: Темно-синий цвет хорошо гармонизирует с белым].

КОММЕНТАРИИ.

1. Применительно к ментальным объектам указывает на отсутствие противоречия между ними: *Слова «Вы не знаете, какого вы духа» и далее – отсутствуют в древнейших рукописях, но смысл их*

вполне гармонирует с учением и стилем речей Иисуса (А. Мень).

2. Иронические употребления применительно к ситуации, когда оба объекта неприятны говорящему: *В былые времена во всяком советском ресторане оркестр обязательно играл шлягер под названием «Жемчужина у моря». Пошлость названия вполне гармонировала с пошлостью тогдашнего ресторанного бытия* («Криминальная хроника», 2003.07.08).

УПРАВЛЕНИЕ³.

A1 % ИМ: *Шарфик гармонирует (с платьем).*

A2 % с ТВОР: *(Шарфик) гармонирует с платьем.*

A1% + A2% ИМ МН: *Здания хорошо гармонируют (друг с другом).*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Идеально <превосходно, удивительно, хорошо, вполне> гармонирует; плохо <мало> гармонирует.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Яркие сочные краски — голубые, зеленые, красные — удачно гармонировали с белизной яичной скорлупы, создавая праздничное радостное настроение (В. Егоров). В Большом Петергофском дворце на торжественных балах дамы и кавалеры должны были надевать особые «петергофские платья», гармонирующие с наружной окраской дворца (В. Дормидонтова). Ее короткая стрижка, энергичная походка и умное костлявое лицо без малейших следов помады плохо гармонировали с костюмом светской дивы (Л. Юзефович). Его смокинг как-то уж очень резко не гармонировал с его плоским лицом и раздавленными ушами (Г. Газданов). Плохо выполненное, безвкусное, это полотно в нелепой раме никак не гармонировало со скромной, но исполненной изящества обстановкой комнаты (Б. Окуджава).*

СИН: *соответствовать, согласовываться, подходить, сочетаться, перекликаться, идти (кому-л.) [Мне идет каре], уходящ., идти (к кому-л.) [Держит голову кверху, и это к нему идет (З. Гиппиус)]; АНАЛ: совпадать; АНТ: дисгармонировать, диссонировать, контрастировать, противоречить; ДЕР: гармония.*

ГАРМО́НИЯ, СУЩ; ЖЕНСК; -ии; МН нет, кроме 2.1

гармония 1.1 'приятное для восприятия сочетание': *гармония красок.*

гармония 1.2 'приятное для восприятия соотношение между частями и целым': *гармония композиции.*

гармония 2.1 муз. 'созвучие': *законы гармонии.*

гармония 2.2 муз. 'наука о созвучиях': *экзамен по гармонии.*

гармония 3.1 'отсутствие противоречий': *семейная гармония.*

гармония 3.2 'единый закон в основе мироздания': *высшая <мировая> гармония.*

гармония 1.1

ПРИМЕРЫ. *Гармония красок; гармония звуков; гармония слов.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такое соответствие свойств объектов А1 и А2, что А1 и А2 приятны для человека, когда они воспринимаются вместе'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 + А2 % РОД МН: *гармония движений.*

% РОД и РОД: *гармония запаха и вкуса.*

% КАКАЯ: *цветовая гармония.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Совершенная <полная> гармония; законы гармонии; искать гармонию, добиваться гармонии; нарушать гармонию; наслаждаться гармонией.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Эти почти музыкальные переходы света, теней и цветов сообщали миру блаженство гармонии (И. Ефремов). Чистые линии. Гармония светло-бежевых оттенков. Иникакой декоративной суеты! (Т. Тронина). Но и увиденного оказалось достаточно, чтобы насладиться гармонией замечательной боснийской природы и большого города (М. Долматова). [Для других] анализировать поэзию, поверять алгеброй гармонию значит убивать художественное наслаждение от нее (М. Гаспаров).*

СИН: *соответствие, согласованность; АНАЛ:* *красота; АНТ:* *дисгармония, диссонанс, противоречие; ДЕР:* *гармоничный; гармонизировать.*

гармония 1.2

ПРИМЕРЫ. *Архитектурная гармония; гармония целого; гармония в искусстве; настоящий оазис гармонии и покоя среди городской суеты.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такое отношение между целым и частями объекта А1, что А1 приятно воспринимать'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % РОД: *гармония природы.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Совершенная <полная> гармония; законы гармонии; быть исполненным гармонии.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Даже босая, без спасительных каблучков, она выглядела очень соразмерно, пропорционально – эту телесную гармонию наметанный глаз Ганина-архитектора уловил сразу же (Т. Тронина). Весь день я купался, лежал на солнце, лежал в лесу, рассматривал песок, травинки, муравьёв, шишки – подобно японцам, я старался искать гармонию в природе и находил её – мне было хорошо (В. Аксенов). Я пишу, и это бессознательный процесс. Когда правлю – должна быть гармония. Лишние слова убираю (В. Токарева). Ведь если одна труба смотрит вверх, а дру-*

гая – вниз, то есть в этом какая-то гармония и уравновешенность (И. Курьянова). – *Потоцкий, вы своим обликом нарушаете гармонию здешних мест* (С. Довлатов).

СИН: гармоничность, соразмерность, пропорциональность, стройность, лад, ладность; АНАЛ: равновесие, соответствие, уравновешенность; АНТ: диспропорция; ДЕР: гармоничный.

гармония 2.1 муз.

ПРИМЕРЫ. *Тональная гармония; гармония барокко; гармония Прокофьева; законы <свойства> гармонии; развитие <видоизменение> гармонии.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Объединение звуков в созвучия, согласованные друг с другом по определенным законам’.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *И ведь в конце концерта он опять напоминает эту сладкую тему. Но очень коротко и с измененной гармонией* (Ю. Башмет). *Помню покупку слепого клавира «Бориса Годунова» (изд. В. Бесселя), помню – поразили аккорды, неожиданные гармонии* (Г. Свиридов). *Моя душа разрывалась от звуков музыки, новых странных гармоний* (Л. Гурченко). *Я готовлю для издательства «Музыка» сборник из двадцати пяти его [Окуджавы] песен с мелодиями и буквенным обозначением гармонии* (В. Фрумкин).

СИН: аккорд, созвучие; АНАЛ: консонанс, звукоряд; благозвучность. ДЕР: гармоничный, гармонический; гармонизировать, гармонизовать.

гармония 2.2 муз.

ПРИМЕРЫ. *Экзамен по гармонии; разработать всеобщую теорию гармонии.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Наука о созвучиях’.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Как учебный предмет гармония составляет основу музыкально-теоретического образования* (Энциклопедический музыкальный словарь). *Музыкальные предметы я сдавал с шиком, всем писал диктанты и задачи по гармонии, потому что делал за полторы минуты то, на что давалось два часа* (Ю. Башмет).

гармония 3.1

ПРИМЕРЫ. *Душевная гармония; гармония тела и духа.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Положение дел, при котором между объектами А1 и А2 или частями одного объекта А1 нет противоречий’.

УПРАВЛЕНИЕ.

А2 % с ТВОР: гармония с собой.

А1 % + А2 % РОД с ТВОР: гармония (души) с Богом.

% РОД и РОД: гармония души и тела.

% РОД МН: гармония классов.

% между ТВОР и ТВОР: гармония между работниками и работодателями.

% между ТВОР МН: гармония между классами.

% в ПР: гармония в семье.

% КАКАЯ: семейная гармония [между членами семьи].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Социально-политическая гармония; долгая <многолетняя> гармония; гармония с самим собой и окружающими; состояние гармонии; утратить гармонию; обрести гармонию; ощущать себя в гармонии с мирозданием.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Скрипка нежно пела, увлекая Лилиан и Виктора куда-то вдаль, вселяя в их сердца гармонию и покой (В. Аксенов). Это был человек, пишущий стихи лишь в минуты абсолютной душевной гармонии (С. Довлатов). И как разглядеть гармонию в том, что на первый взгляд представляется полным хаосом? (В. Пелевин). Больше всего их раздражал мезальянс. Тоже искали социальной гармонии (А. Геласимов). Ум плюс воля плюс чувство – вот это и есть гармония в человеке (В. Давыдов). Традиции помогают жить в гармонии с собой, людьми, природой, космосом («Народное творчество», 2004.06.21).

СИН: лад, согласие, согласованность, единство; **АНТ:** дисгармония, разлад, противоречие; смятение; **ДЕР:** гармоничный.

гармония 3.2

ПРИМЕРЫ. Высшая <мировая> гармония; гармония мироздания; В мире царят законы гармонии.

ЗНАЧЕНИЕ. Идеальная согласованность всех элементов мира А1 друг с другом'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % КАКАЯ: всемирная <мировая> гармония.

СОЧЕТАЕМОСТЬ: Всеобщая гармония; ощущение гармонии; нарушение гармонии; единый закон гармонии; гармония, управляющая миром; нарушать гармонию.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. В гармонии мира она [смерть] будет, если я этого захочу, тоже золотым светилом (И.Ф. Анненский). Гармония, озаренная высшей правдой, восторгается над ожесточенной материей (А. Н. Толстой). Было всякое, и восторги, граничащие с безумием, перед непостижимой гармонией сущего, и приступы отчаяния перед бессилием, и обмирания перед зыбкой надеждой (В. Тендряков). Ему нужно увидеть отблеск высшей гармонии во всем, что он делает (В. Пелевин). Если же в явлениях природы обнаруживается какая-то асимметрия, то физик-теоретик получает трудную, но захватывающе интересную задачу – найти

место этой асимметрии в гармонии мироздания (Г. Горелик). Чудо – это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом (митрополит Антоний (Блум)).

СИН: равновесие, цельность; соответствие; АНАЛ: миропорядок; космос; АНТ: хаос, стихия.

Примечания

- ¹ Данная работа была поддержана грантом РГНФ № 13-04-00307а, грантом НШ-6577.2012.6 и грантом Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики».
- ² *Апресян Ю.Д.* Часть первая. Введение. Часть вторая // Инструкция по составлению словарных статей активного словаря (АС) русского языка. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 17–55; С. 56–152. Проспект активного словаря русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 779 с.
- ³ Знак % – техническая условность, на которую читателю предлагается не обращать внимания.

Бегать и *бежать*: словарные статьи «Активного словаря русского языка»¹

В статье приведены тексты словарных статей глаголов *бегать* и *бежать* из готовящегося к публикации первого выпуска «Активного словаря русского языка», снабженные пространным лингвистическим комментарием. По замыслу, словарь должен содержать такую информацию о слове в каждом из его актуальных значений, которая необходима и достаточна не только для его понимания в произвольном тексте, но и для его правильного употребления в собственной речи говорящих. Реализация этого принципа приводит к существенному расширению объема обычной лексикографической информации и к появлению совершенно новых типов информации о слове. К ним относятся аналитическое толкование лексического значения и модификации толкования в различных контекстуальных условиях, описание сложных взаимодействий лексических и грамматических значений, подробные модели управления и их трансформации, характерные для слова невалентные синтаксические конструкции, семантически упорядоченное описание лексико-семантической сочетаемости слова, сведения о его синонимах, антонимах, дериватах и других типах слов, связанных с ним по смыслу, и ряд других.

Ключевые слова: Активный словарь, типы лексикографической информации, аналитические толкования, семантические модификации, взаимодействие лексики и грамматики, модели управления, невалентные синтаксические конструкции, лексико-семантическая сочетаемость.

Толе Шайкевичу – старинному товарищу

1. Вводные замечания

Активными называются словари, содержащие такую информацию о слове в каждом из его актуальных значений, которая необходима и достаточна не только для его понимания в произвольном тексте, но и для его правильного употребления в собственной речи говорящих. Реализация этого принципа приводит к существенному расширению объема обычной лексикографической информации о слове и к появлению совершенно новых типов информации.

«Активному словарю русского языка» (далее – АС) посвящена обширная монография², в которой подробно описана его родословная, теоретические принципы и установки, лежащие в его основе, и используемая в нем лексикографическая техника. Поэтому в данной работе в качестве введения к ее основной теме достаточно будет рассмотреть зонную структуру типовой словарной статьи АС и виды включаемой в него лексикографической информации. Я сделаю это на материале двух написанных мной словарных статей, имена которых вынесены в заглавие.

Предварительно необходимо сделать два замечания. Одно касается главного используемого нами теоретического понятия, а именно понятия лексемы, а другое – метаязыка описания грамматических свойств лексем.

Напомним, что лексемой в Московской семантической школе называется слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности существенных для этого слова в данном значении свойств. Существенными для лексемы признаются свойства, к которым обращаются различные правила языка («грамматика» в самом широком смысле слова). Сказанное задает, в сущности, принцип интегральности лингвистических описаний: лексемы в словаре – в идеале – должны быть описаны таким образом, чтобы словарь мог эффективно взаимодействовать с грамматикой.

Указанной целью диктуется и необходимость серьезно расширить метаязык описания грамматических свойств лексем. Они описываются в АС с гораздо большей подробностью, чем это принято в традиционных толковых словарях русского языка. Начнем с примера.

В словарной статье глагола **БЕЖАТЬ** выделяется лексема **бежать 2.3** со значением ≈ ‘покинуть какое-то место, где человеку по какой-то причине было неприятно или опасно оставаться, и направиться в другое место’, ср. *бежать из больницы <из госпиталя, из психушки>*, *бежать от наводнения <от лесных пожаров>*, *Крестьяне бежали из деревни в город*. Для этой лексемы характерны два круга употреблений в форме НАСТ.

В первом круге употреблений подлежащее имеет форму ЕД, как во фразе *В 1943 году Нильс Бор бежит из Дании*. Нетрудно заметить, что в этой фразе форма *бежит* употреблена в настоящем историческом значении, притом результативном. Во втором круге употреблений подлежащее имеет форму МН, как во фразе *Жители бегут от войны в горы*. В данном случае форма *бегут* допускает и дуративную интерпретацию (значение «широкого настоящего»). Этот факт представляет безусловный лексикографический интерес³, хотя ни в каких толковых словарях не описывается.

Для того, чтобы фиксировать такие факты в АС, необходимо решить один терминологический вопрос, связанный с его целевой установкой. Как сказано в упомянутой выше монографии, АС предназначен для широкого круга пользователей, у которых не предполагается знания специальной лингвистической терминологии, в частности, аспектологической. Из этого следует, что содержание терминов типа «настоящее историческое», «дуративное (процессуальное) значение», «актуально-длительное значение» и т.п. должно передаваться на общедоступном языке. Вместо этих и им подобных терминов в нашем грамматическом метаязыке используются нестрогие перефразировки типа «форма НЕСОВ НАСТ *бежит* описывает прошлое действие, достигшее результата», «форма НЕСОВ НАСТ *бегут* может обозначать действие в процессе его развития»; вместо «употребляется в актуально-длительном значении» мы говорим «об актуально наблюдаемом действии или процессе» и т.п.

После этих предварительных замечаний можно перейти к зонной структуре словарной статьи и типам лексикографической информации о слове и его лексемах в АС.

2. Структура словарной статьи (список зон с комментариями)

2.1. Имя вокабулы, часть речи и перечень ключевых грамматических форм с указанием номеров лексем, которые каких-то грамматических форм не имеют или – в порядке исключения – имеют какие-то формы, которых у других лексем нет.

2.2. Синописис – краткий перечень входящих в данное слово лексем. Уже в синописисе каждая лексема снабжается позиционным номером, который в аннотируемых словарных статьях содержит две позиции: номер блока семантически наиболее близких друг к другу лексем и номер данной лексемы внутри блока. Затем следует стилистическая помета, пояснение значения данной лексемы, иногда с кратким комментарием в квадратных скобках, и одно-два предложения в качестве иллюстрации⁴.

2.3. Корпус словарных статей лексем – основная часть словарной статьи данной вокабулы. Словарная статья лексемы в общем случае состоит из следующих основных зон: 1) имя лексемы, 2) примеры, 3) значение, 4) комментарии к значению, 5) управление, 6) комментарии к управлению, 7) невалентные синтаксические конструкции, 8) сочетаемость, 9) иллюстрации, 10) синонимы, аналоги, конверсивы, антонимы и дериваты данной лексемы.

Рассмотрим коротко содержание каждой из них.

2.3.1. Имя лексемы (например, **бегать 1.2**, **бежать 2.1** и т.п.), простейшие грамматические сведения и стилистические пометы.

Грамматические сведения в этой зоне словарной статьи бывают двух типов: (а) сведения о наличии или отсутствии каких-то форм в парадигме данной лексемы; (б) сведения о распределении форм одной грамматической категории, например, вида, внутри форм другой грамматической категории, например, времени.

Сведения типа (а): о лексеме **бегать 1.2** (*бегать в магазин за молоком, бегать на речку купаться* и т.п.) сообщается, что у нее (единственной из всех лексем глагола **БЕГАТЬ**) есть (неточная) форма СОВ *сбежать*. Подробнее об этом нетрадиционном решении см. ниже.

Сведения типа (б): о двувидовой лексеме **бежать 2.1** ≈ ‘панически отступать’ сообщается, что НЕСОВ обычно реализуется в форме НАСТ (*Противник бежит, бросая технику и раненых*), а в формах ПРОШ чаще представлен СОВ (*Противник бежал*). Этот тип сведений – новшество АС.

Что касается даваемых в этой зоне стилистических помет, то их номенклатура в некоторых отношениях расширена по сравнению с традиционной. В частности, введена новая помета наррат. (из нарратив, нарративный режим общения), которая на материале глагольной лексики оказывается семантически весьма насыщенной.

О внутренней связи нарратива вообще с видо-временной семантикой существует большая литература. Особенно много писали о связи нарратива с семантикой настоящего исторического⁵. В нашем материале прослеживается другая связь – между нарративностью лексемы и разными степенями ее тяготения к употреблению в актуально-длительном значении НЕСОВ НАСТ. Мы проиллюстрируем этот феномен ниже на материале лексем **бегать 2**, **бегать 4** и **бежать 4.2**, **бежать 4.4** и **бежать 5.2**.

2.3.2. В зоне ПРИМЕРЫ даются представительные примеры употребления данной лексемы типа тех, что приведены выше.

2.3.3. В зоне ЗНАЧЕНИЕ дается толкование лексемы. Собственно толкованию предшествует так называемый сентенциальный вход – схема словосочетания с данной лексемой в центральной позиции и как можно более полным набором ее актантов в виде переменных A_1, A_2, \dots, A_i , после чего в марровских кавычках дается само толкование. Приведем в качестве примера толкования лексем **бегать 1.1** (*По дворику туда и сюда бегали цыплята*) и **бежать 1.1** (*Олени бегут на водопой*).

A1 бежит по A2 ‘Существо A1 перемещается бегом по поверхности или в пространстве A2, обычно в разных направлениях A3’.

A1 бежит в A2 из A3 по A4, чтобы (сделать) A5 ‘Существо A1 перемещается бегом в место A2 из места A3 по поверхности A4 с целью A5’.

Толкования строятся в соответствии с принципами Московской семантической школы, которые предполагаются известными. Единственное, к чему стоит привлечь внимание в контексте данной работы, – установка на постепенность редукции сложного значения к комбинациям более простых смыслов, в частности, установка на использование в толкованиях хотя и более простых, но как можно более крупных смысловых компонентов. В толкованиях лексем **бегать 1.1** и **бежать 1.1** таким компонентом является, в частности, адвербиальный смысл ‘бегом’. Формально наречие *бегом* образовано от глагола *бежать*, однако семантически оно проще обеих наших лексем, и поэтому его естественно использовать в их толкованиях. Чтобы читатель мог убедиться в справедливости этих соображений, мы включаем в текст данной работы – в качестве вспомогательной и справочной – словарную статью **БЕГОМ**.

Говоря о зоне значений, необходимо прокомментировать принцип выделения какого-то круга употреблений слова в отдельное значение, или, что почти то же самое, основания для постулирования отдельной лексемы. Выше лексема была определена как слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности существенных для этого слова в данном значении свойств. К числу таких свойств относятся, кроме самого значения, лексикализованная просодия, грамматические формы и допустимые значения этих форм, модель управления, невалентные синтаксические конструкции, лексико-семантическая сочетаемость, а также парадигматические семантические связи данной лексемы в словаре, т.е. ее синонимы, аналоги, конверсивы, антонимы и дериваты.

Допустим, что мы имеем дело с двумя кругами употреблений одного и того же слова, которым соответствуют различные наборы его свойств S_i и S_j . Основанием для постулирования двух разных лексем L_i и L_j является невыводимость S_i из S_j (или наоборот) с помощью общего правила.

Рассмотрим упрощенный пример – глагол *бегать*, представленный следующими двумя кругами употреблений: (а) *Хотелось бегать и смеяться, Дети бегали по двору, Куры бегали туда и сюда <взад и вперед> VS* (б) *Она бегала с работы на курсы <в детский сад>, По утрам он бегал за газетой <купаться>, Девушки бегали из*

общезития в клуб <на танцы>. Перечислим некоторые различия в наборах свойств глагола *бегать* в кругах употреблений (а) и (б).

1. В (а) *бегать* может употребляться в актуально-длительном значении, а в (б) – нет.

2. В (б) *бегать* имеет форму \approx СОВ (*Сбегай за газетой*), а в (а) – не имеет⁶.

3. В (б) у *бегать* есть валентности начальной точки (*бегать с работы <из общезития>*), конечной точки (*бегать в детский сад <в клуб>*) и цели (*бегать за газетами <на занятия>*, *бегать купаться*), а в (а) этих валентностей у *бегать* нет.

4. В (а) у *бегать* есть валентность «разных направлений» (*туда и сюда, туда-сюда, туда и обратно, из конца в конец, от письменного стола к книжному шкафу* и т.п.), а в (б) ее нет.

5. В (а) *бегать* допускает употребление в абсолютной конструкции, особенно в сочетании с наречиями оценки (*хорошо <плохо> бегают*), а в (б) абсолютное употребление невозможно.

6. Синонимы *бегать* в (а) – *носиться, летать, разг. гонять*; синоним *бегать* в (б) – *ходить*.

7. Дериваты *бегать* в (а) – *беготня, бегающий [бегающие птицы моя], забе^гать*, и ряд других; у *бегать* в (б) названных дериватов нет.

Очевидно, что нельзя предложить общее правило, отличное от полного списка различий 1–7, с помощью которого можно было бы получить на основании употреблений типа (а) все семь свойств употреблений типа (б), или наоборот. Следовательно, в (а) и (б) представлены разные лексемы глагола *бегать* – **бегать 1.1** и **бегать 1.2** соответственно.

В пользу того, что перед нами два отчетливо разных значения, свидетельствует и факт несовместимости некоторых фраз из (а) и из (б); ср., например, неправомерность **Дети бежали по двору купаться*, **Девушки бежали в клуб туда и сюда* и т.п.

Удивительным образом все толковые словари русского языка усматривают в контекстах (а) и (б) одно и то же лексическое значение глагола *бегать*⁷.

К толкованию в той же зоне может быть дан краткий комментарий в квадратных скобках. Вернемся к упомянутому в пункте 2.3.1 примеру, демонстрирующему связь между нарративностью лексемы и ее тяготением к употреблению в актуально-длительном значении. Для понимания того, о каких значениях идет речь, каждая из приводимых ниже лексем иллюстрируется одним предложением; в квадратных скобках воспроизводится лишь та часть комментария, которая имеет отношение к обсуждаемой теме.

бегать 2 (*По заливу бегали моторки*); [часто об актуально наблюдаемом перемещении].

бегать 4 (*По потолку бегал солнечный зайчик*); [чаще об актуально наблюдаемом процессе].

бежать 4.2 (*Огоньки бегут по сучьям*) [чаще об актуально наблюдаемом процессе].

бежать 4.4 (*У тебя кофе бежит*) [обычно об актуально наблюдаемом процессе].

бежать 5.2 (*За окном бежали московские пригороды*) [об актуально наблюдаемой ситуации].

Полезно обратить внимание на различия в степенях тяготения нарративных лексем к употреблению в актуально-длительном значении, передаваемые кванторами ‘часто’, ‘чаще’, ‘обычно’ и отсутствием квантора, которое по умолчанию предполагает ‘всегда’.

2.3.4. Главным (но не единственным) предметом зоны КОММЕНТАРИИ (к значению) являются семантические модификации словарного толкования лексемы в определенных грамматических, синтаксических, сочетаемостных или иных лингвистически значимых контекстах. Такие модификации рассматриваются в АС как разные употребления одной и той же лексемы – расширенные, ослабленные, суженные, метонимические, образные и другие, – поскольку предполагается, что каждую из них можно получить с помощью определенного правила. Приведем два примера из словарной статьи лексемы **бежать 1.1**, представляющей основное значение этого глагола.

Расширенные употребления применительно к бегу с использованием специальных приспособлений или к не совсем обычному способу бега: *бежать на лыжах <на коньках, на снегоступах>*; *бежать на задних лапах*.

Суженные употребления в контексте предлога *на* с последующим одушевленным существительным, чаще всего именем человека, в значении ‘бежать с целью напасть’: *Немцы бегут по полю прямо на нас* (В. Некрасов); *Мальчик почувствовал, [---] что из темноты на него снова бежит Найда, выдернул из забора кол и шагнул навстречу овчарке* (А. Варламов).

2.3.5. Зона УПРАВЛЕНИЕ состоит из строк, озаглавленных именами актантов (т.е. А1, А2 и т.п.), с учетом вариаций в способах их выражения и примерами реализации актантов. Пример (для **бегать 1.3** = ‘заниматься спортивным бегом вида А2’):

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ.

А2 % на ВИН: *бегать на длинные дистанции*.

% спец. ВИН: *бегал короткий спринт*⁸.

В случае мены диатезы даются вариативные модели управления. Пример – лексема **бегать 3.2** (*Почему у тебя глаза бегают?*).

УПРАВЛЕНИЕ 1.

A1 % ИМ: *Глаза бегают.*

A2 % у РОД: (*Глаза*) *у воришки бежали.*

A3 % по ДАТ МН: *бегать по углам <по сторонам>.*

УПРАВЛЕНИЕ 2.

A2 % ИМ.

A1 % ТВОР: *бегать глазами.*

A3 % по ДАТ МН: *по углам <по сторонам>.*

Какая-то строка модели управления (в наших примерах это A1 для **бегать 1.3** и A2 для **бегать 3.2**) может оставаться незаполненной в тривиальном случае – когда в роли данного актанта выступает человек.

В круглые скобки заключается слово, добавляемое для «удобочитаемости» строки, но не являющееся иллюстрацией способа выражения данного актанта.

2.3.6. КОММЕНТАРИИ к зоне моделей управления. Ограничимся примером такого комментария к лексеме **бегать 1.1** (*по двору* = A2, *туда и сюда* = A3). В сочетании с оценочными наречиями и наречиями скорости и без зависимых A2 и A3 обозначает не собственно действие, а способность к нему: *В биатлоне нужно не только быстро бегать, но и точно стрелять; В свои шестьдесят три года дядя отлично бегал на лыжах и мог успешно подраться* (С. Довлатов).

2.3.7. В зоне КОНСТРУКЦИИ даются, как было сказано выше, типичные для данной лексемы невалентные синтаксические конструкции. Например, в качестве характерной для лексемы **бегать 1.1** упоминается функция глагольной связки в конструкциях с прилагательными или причастиями в формах ИМ или ТВОР и в конструкциях с наречиями или предложно-именными группами, указывающими на состояние A1 во время бега: *бегать голым <голодным>; бегал оборванный; бегать босиком*⁹ *<без пальто, с непокрытой головой>; бегать с портфелем <в сапожках>.*

2.3.8. В зоне СОЧЕТАЕМОСТЬ приводятся основные лексико-семантические типы характерных для данной лексемы словосочетаний, в том числе свободных. В случае, если таких сочетаний достаточно много, серии семантически однородных сочетаний сопровождаются указанием их родового значения, которое дается в конце такой серии и заключается в квадратные скобки. Пример (из материала той же самой лексемы **бегать 1.1**): *Хорошо <плохо>*

бегать [оценка]; *бегать без устали*; *быстро бегать*, *бегать*, как *борзая* <как сумасшедший>, *бегать сломя голову* [скорость]; *бегать трусцой* <рысью, вприпрыжку>, *бегать на цыпочках* <на руках, на носках, на пятках> [различные способы бега]; *бегать наперегонки* <уходящ. в.запуски> [бытовое соревнование по бегу]; *бегать под окнами*, *бегать вдоль дороги* [место, где кто-то бегаёт]; *бегать под дождём* <под палящим зноем>, *бегать под пулями* <под бомбами> [условия, в которых проходит бег].

2.3.9. Зона ИЛЛЮСТРАЦИИ в комментариях не нуждается; скажем только, что они извлекаются главным образом из Национального корпуса русского языка.

2.3.10. В последней зоне словарной статьи лексемы даются семантически связанные с ней лексические единицы, а именно ее синонимы (СИН), аналоги (АНАЛ), конверсивы (КОНВ), антонимы (АНТ) и дериваты, в том числе супплетивные (ДЕР).

2.4. Словарная статья вокабулы завершается, как это принято в большинстве толковых словарей русского языка, зоной фразеологии.

3. Словарная статья БЕГОМ

БЕГО́М, НАРЕЧ.

ПРИМЕРЫ. *Дети бегом бросились из класса; Надо выбираться из оврага и бегом домой; Бегом!* [команда].

ЗНАЧЕНИЕ. 'Равномерно перемещаясь попеременными толчками ног от поверхности так, что на мгновение ноги полностью утрачивают с ней контакт'.

КОММЕНТАРИИ. Обычно сочетается с глаголами перемещения, однако возможны употребления с опущенным глаголом: *А ну бегом спать!*; *Бегом назад, в машину; Эй, ты не слышала, что было сказано? Бегом за вещами, дура* (О. Павлов); *Так что — бегом в бухгалтерию, командировочные и прочее, десять дней, отдохнёшь и так далее* (А. Азольский).

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Кинуться <наррат. пуститься> бегом; спускаться <подниматься> бегом <почти бегом>; бежать <нестись, мчаться, лететь> бегом (куда-л.).*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Мои туристы бегом спустились под гору. Каждый торопился сесть в автобус первым, хотя мест было достаточно и они были заранее распределены* (С. Довлатов). *Когда машина остановилась, я быстро вышла из неё и буквально бегом бросилась в сторону небольшой группки* (И. Архипова). *Таня вылетела из дому и понеслась чуть ли не бегом к Савеловскому вокзалу* (Л. Улицкая). *И вдруг Вика вскочила и стала торопливо, чуть ли*

не бегом, ходить из кухни в комнату и обратно (А. Волос). Возле магазина, едва получив портвейн из её рук, Вовка суёт бутылку в глубокий надёжный карман солдатских брюк и — бегом, бегом — к Рубахину (В. Маканин). Многие годы наша семья дружно просыпалась рано утром, совершала кросс [---], а потом бегом мы возвращались назад («Известия», 2001.11.19).

АНАЛ: *рысью; галопом.*

4. Словарная статья БЕГАТЬ

БЕГАТЬ, ГЛАГ; -аю, -ает; НЕСОВ; СОВ нет, кроме 1.2.

бегать 1.1 'перемещаться бегом в разных направлениях': *бегать по двору туда и сюда.*

бегать 1.2 'перемещаться бегом туда и обратно': *бегать утром на море; Сбегай за хлебом.*

бегать 1.3 'заниматься спортивным бегом': *Он бегаёт на длинные дистанции.*

бегать 1.4 'избегать кого-л. или чего-л.': *От дела не бегай.*

бегать 1.5, уходящ. 'скрываться из места заключения': *Он несколько раз бежал с каторги.*

бегать 2, наррат. 'быстро перемещаться' [о транспортном средстве]: *По заливу бегали моторки.*

бегать 3.1, наррат. 'быстро двигаться' [о части тела или детали приспособления]: *Пальцы пианиста бегали по клавишам; Дворники бегали по лобовому стеклу.*

бегать 3.2 'быстро двигаться' [о глазах]: *Глазки у него что-то бегают.*

бегать 3.3 'переводить взгляд': *бегать глазами по углам.*

бегать 4, наррат. 'мелькать, снова': *Злые огоньки бегали у него в глазах.*

бегать 1.1

ПРИМЕРЫ. *Хочется бегать и смеяться; Он очень быстро бегаёт; По дворику туда и сюда бегали цыплята.*

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бегаёт по А2 'Существо А1 перемещается бегом по поверхности или в пространстве А2, обычно в разных направлениях А3'.

КОММЕНТАРИИ.

1. Расширенные употребления применительно к быстрой ходьбе: *Бегали взад и вперед отъезжающие в сопровождении таможенников, чтобы отдать остающимся запрещенные к вывозу личные вещи (Б. Левин).*

2. Расширенные употребления применительно к быстрому перемещению с использованием специальных приспособлений или к не совсем обычному способу бега: *бегать на коньках <на лыжах, на снегоступах>; бегать на задних лапах.*

3. Расширенные употребления применительно к быстрым перемещениям живых существ без указания на конкретный способ перемещения: *Повсюду бегают тараканы; Пускай гудят пчёллы, ярко светит солнышко и по дорожкам бегают муравьи* (С. Козлов); *Сияла коричневая вода речки, а по ее глянцевой поверхности бегали водомерки* (А. Эшпель).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ.

A2 % по ДАТ: *бегать по двору* <по площади, по поляне>.

% ГДЕ: *бегать вокруг дома; бегать под ногами у покупателей.*

A3 % В КАКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ: *бегать взад и вперед* <туда и сюда, туда и обратно>; *бегать из конца в конец* (по комнате).

КОММЕНТАРИИ. В сочетании с оценочными наречиями и наречиями скорости и без зависимых A2 и A3 обозначает не собственно действие, а способность к нему: *В биатлоне нужно не только быстро бегать, но и точно стрелять; В свои шестьдесят три года дядя отлично бегал на лыжах и мог успешно подражаться* (С. Довлатов).

КОНСТРУКЦИИ. Употребляется в функции глагольной связки в конструкциях с прилагательными или причастиями в формах ИМ или ТВОР и в конструкциях с наречиями или предложно-именными группами, указывающими на состояние A1 во время бега: *бегать голым* <голодным>; *бегал оборванный; бегать босиком* <без пальто, с непокрытой головой>; *бегать с портфелем* <в сапожках>.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Хорошо* <плохо> *бегать* [оценка]; *бегать без усталы; быстро бегать, бегать, как борзая* <как сумасшедший>; *бегать сломя голову* [скорость]; *бегать трусцой* <рысью, вприпрыжку>; *бегать на цыпочках* <на руках, на носках, на пятках> [различные способы бега]; *бегать наперегонки* <уходящ. взапуски> [бытовое соревнование по бегу]; *бегать под окнами, бегать вдоль дороги* [место, где кто-то бегаёт]; *бегать под дождём* <под пальцем зноём>; *бегать под пулями* <под бомбами> [условия, в которых проходит бег].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *В вокзале часто проверяли документы и всё время за кем-то бегали, свистели, ловили* (В. Астафьев). *Я заметил, что очень уж [--] развозились мыши: всё нахальней, всё шумней они бегали под обоями, скребли и попискивали* (А. Солженицын). *Жеребята на длинных, слабых, толстых в коленках ногах бегали рысью кругом матерей* (А.Н. Толстой). *Всю ночь хозяйка гостиницы бегала по берегу с огромным сачком, пытаясь поймать лягушек и гоняя их* (С. Спивакова). *После гола Бузникин около минуты бегал по полю вне себя от радости, не зная, как выплеснуть эмоции* («Известия», 2002.05.14).

СИН: *носиться, летать, разг. гонять*; АНАЛ: *ходить; метаться; шнырять; сновать*; ДЕР: *беганье, беготня; бегун; бегающий [бегающие птицы мои]*; *забе^гать, забе^гаться, избе^гаться* [устать от беготни], *набе^гаться, отбе^гать (свое), побе^гать (немножко), пробе^гать (несколько часов), разбе^гаться, убе^гаться*.

бегать 1.2, ≈ СОВ сбегать.

ПРИМЕРЫ. *Сбегать в аптеку за лекарством; Надоело бегать на чужой участок за постоянно улетающими мячиками.*

ЗНАЧЕНИЕ. Человек или животное А1, бегом или идя очень быстро, перемещается в место А2 из места А3 по поверхности А4 с целью А5, а затем возвращается в А2' [двунаправленное действие].

КОММЕНТАРИИ.

1. В форме НЕСОВ не употребляется для обозначения актуально наблюдаемой ситуации.

2. В форме НЕСОВ может обозначать одно и то же действие, повторяющееся на протяжении какого-то (небольшого или весьма значительного) отрезка времени много раз: *Сколько раз я бегала в школу говорить с учителями сына!*; *В молодости Надежда Матвеевна была горячей поклонницей пения Шаляпина и бегала с друзьями на все его концерты* (И. Архипова); *И еще... чтобы не заставляли бегать за справками неработающих пенсионеров старше 70 лет, инвалидов* («Вечерняя Москва», 2002.05.16). Для этого употребления характерен контекст вида по ДАТ МН: *бегать по кино <по театрам, по выставкам>; бегать по делам <по урокам>*.

3. В форме СОВ обозначает однократное двунаправленное действие, цель которого достигнута: *сбегал за газетами* [газеты куплены или извлечены из почтового ящика и принесены домой], *позавтракал и пошел на работу*.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: *Лошади бегали (на водопой к ручью)*.

А2 % КУДА: *бегать в школу <на речку>; бегать к буфету; бегать по концертам*.

А3 % ОТКУДА: *бегать из столовой (на кухню); бегать с горки; (непрерывно) бегать от буфета (к столу)*.

А4 % по ДАТ: *бегать по лесной тропинке (на озеро)*.

А5 % на ВИН: *бегать на свидание (в семь утра)*.

% за ТВОР: *бегать (на угол) за газетами <(в магазин) за выпивкой>*.

% ИНФ: *бегать искать работу; сбегал (в кафе) перехватить что-нибудь*.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Сбегать один раз; бегать много раз <постоянно, все время>*.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Ее папа «бегал» по делам (он почему-то по делам всегда бегают, никогда не ходит) (С. Чёрный). Мальчиком на посылках этот Фёдор Григорьевич бегал за сельтерской для Лескова, пока тучный, одышливый классик копался в книжном развале (Ю. Давыдов). Данила бегал с солдатской посудиною за кипятком (В. Астафьев). Можно пойти обходной дорогой, где он давно не бывал и по которой когда-то бегал в университет (В. Распутин). Ирина любила бегать к морю и залезать с мальчишками на нефтяную вышку, на самый верх (В. Токарева). Поэтому я бежала искать работу в кроссовках, которые купила тем самым летом (А. Геласимов).*

СИН: *ходить.*

бегать 1.3

ПРИМЕРЫ. *Бегать на длинные дистанции; бегать стометровку за десять секунд.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бегают А2 'Человек занимается бегом А2 как видом спорта'.*

КОММЕНТАРИИ. *Сдвинутое употребление в словосочетании бегать трусцой [в оздоровительных целях].*

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ.

А2 % на ВИН: *бегать на длинные дистанции.*

% спец. ВИН: *бегал короткий спринт.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Играл в волейбол, в баскетбол, бегал и прыгал, в пионерском лагере участвовал в четырехборье (В. Плотников). В этом сезоне вы бегаеете намного быстрее традиционного лидера сборной («Известия», 2002.01.28). Они занялись ненавистной ей физкультурой [---] и по утрам стали бегать трусцой на школьной спортплощадке за домом (Д. Рубина). Правильно бегать «классикой» никто из биатлонистов не умеет («Известия», 2001.11.26).*

ДЕР: *бег; бегун; беговой [беговые коньки; беговая дорожка].*

бегать 1.4, перен. обиходн.

ПРИМЕРЫ. *Бегать от своего счастья <от судьбы>; Ты что от меня бегаешь?; От дела не бегай.*

ЗНАЧЕНИЕ. *'Человек А1 прилагает усилия к тому, чтобы у него не произошло контакта с лицом А2 или чтобы он не попал в положение А2, потому что он считает А2 неприятным или опасным для себя'.*

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ.

А2 % от РОД: *бегать от налоговых органов <от налоговиков>.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Бегать от женщин <от мужчин, от собственных детей>; бегать от алиментов <от призыва>.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Вы низкий и недостойный человек, надеюсь лишь, что вы не трус и не будете бегать от моего секунданта (М. Шишкин). Как получилось у нас с ней это самое, неделю мучился потом и бегал от неё, всё Тамару вспоминал (В. Аксенов). И если он бегал от нас, значит, что-то знает (А. Терехов). Беглых же бить кнутами и ссылать на работы, чтобы новую столицу империи строили, а не от службы бегали (Е. Козырева). Потом [был] Широков, ее гармонист, с которым она в составе фронтовой бригады три года бегала от смерти и от самой себя (А. Мишарин). – Я считаю, судьбу надо встречать лицом к лицу, а не бегать от нее, – ургюмо говорила Анна (М. Елизаров).*

СИН: *избегать, сторониться, чуждаться, обходить стороной, обходить за версту, держаться подальше; АНАЛ:* *шарахаться; уклоняться; игнорировать; скрываться; ДЕР:* *бегство.*

бегать 1.5, уходящ.

ПРИМЕРЫ. *Бегать с каторги <из тюрьмы>.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бегал из А2 'Человек А1 тайно покидал место своего заключения А2, обычно более одного раза'.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *По пути старики бродяги, уже бегавшие с каторги, знакомят молодых с географией острова, [---] с надзором и с теми благами и лишениями, какие сулит побег (А.П. Чехов). Бегая с каторги, с поселений, принимая за побеги плети и розги, Регенов прошел всю Сибирь и добрался до Хабаровска (В. Дорошевич). Я – старый арестант! Семнадцать раз бегал из тюрем... Вот из этой самой каталажки два раза уходил малолетком (Ф. Крюков).*

АНАЛ: *бежать.*

бегать 2, наррат.

ПРИМЕРЫ. *Внизу бегали машины; По озеру <по заливу> бегают моторки <катера>; Вагончики эти бегают до сих пор.*

ЗНАЧЕНИЕ. *'Транспортное средство А1 быстро перемещается в пространстве А2 или по поверхности А2 в разных направлениях' [А1 обычно в форме МН и чаще обозначает небольшие, но автономные транспортные средства – легковые автомобили, моторные лодки и т.п.; часто об актуально наблюдаемом перемещении].*

КОММЕНТАРИИ. В сочетании с наречиями времени типа *уже, еще, до сих пор, по-прежнему* и т.п. и без зависимого А2 может обозначать не собственно перемещение, а способность к нему: *Но тратить время на покупку нового автомобиля, когда старый еще бегают, выбирать, болтать с продавцами-подхалимами...* (Т. Тропина).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ: *(По улицам) «запорожцы» бегают.*

A2 % по ДАТ: *(«Запорожцы») бегают по улицам.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Наверное, их автомобили бегают еще медленнее, чем раздолбанный «Форд», на котором ехали мы (М. Баконина). Лет десять — пятнадцать назад, здесь даже пассажирские теплотходы были не редкость [---]. Моторки бегали, катера, байды (Б. Екимов). Рядом с «ЗИЛами» по тем же трассам «роллс-ройсы» бегали, «линкольны», «кадиллаки» и «мерседесы» («Столица», 1997.01.06).*

СИН: *сновать; АНАЛ:* *ездить; ходить.*

бегать 3.1, наррат.

ПРИМЕРЫ. *Перо бегало по бумаге; Челнок бегает все быстрее.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 бегает по A2 'Часть A1 тела, механизма или приспособления быстро двигается по поверхности A2 какого-то объекта или в пространстве A2' [чаще об актуально наблюдаемом процессе].*

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ: *Пальцы пианиста быстро бегали (по клавишам).*

A2 % по ДАТ: *(Пальцы пианиста) быстро бегали по клавишам.*

% ГДЕ: *(Стрелки приборов) бегали под стёклами <на приборной панели>.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Его пальцы бегали, нащупывая незримые следы очертаний и рельеф рисунка (Ю. Домбровский). Губами не шевелишь, пальцы твои не бегают по чёткам: чем ты занят? (митрополит Антоний (Блум)). Ловкость пальцев, бегających по струнам и ладам, дробность переборов напоминали им искусство собственное, воровское (А. Слаповский). Дворники бегали по стеклу, собирая дождь в мягкие складки (М. Вишневецкая).*

СИН: *сновать, скользить, летать; АНАЛ:* *двигаться.*

бегать 3.2

ПРИМЕРЫ. *Почему у тебя глаза бегают?*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 бегает у A2 'Взгляд глаз A1 человека A2 все время меняет направление на A3, обычно из-за того, что A2 чувствует себя неуверенно или скрывает что-то'.*

УПРАВЛЕНИЕ 1.

A1 % ИМ: *Глаза бегают.*

A2 % у РОД: *(Глаза) у ворюшки бегали.*

A3 % по ДАТ МН: *бегать по углам <по сторонам> [см. тж 3.3].*

УПРАВЛЕНИЕ 2.

A2 % ИМ.

A1 % ТВОР: *бегать глазами.*

АЗ % по ДАТ МН: *бегать по сторонам*.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Расерянно <смущенно> бегать глазами, нервно <беспокойно, тревожно> бегать глазами, воровато бегать глазами.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *На его щеках горели пятна, и глаза бегали в полной тревоге (М. Булгаков). Если [---] глаза бегают, значит, обманывает (А. Трушкин). Этот тип мне сразу не понравился, скользкий такой, глазки бегают, болтает ерунду всякую (М. Бако-нина). Однажды она сказала ему – будто в шутку: – Чего-то глаза у тебя бегают. Ты там ни с кем не это самое? (А. Слаповский). Угрем ускользал от прямых ответов, но глаза бегали по сторонам (Н. Островский).*

ДЕР: *бегающий [бегающие глаза].*

бегать 3.3

ПРИМЕРЫ. *Бегать глазами по лицам учеников <по лежащим на столе бумагам>; Старик бегал глазами по строчкам письма.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бегаёт глазами А2 по АЗ 'Человек А1 быстро переводит взгляд своих глаз А2 с одного объекта АЗ или одной части АЗ объекта на другой объект или другую его часть с целью узнать что-то об АЗ или извлечь содержащуюся в АЗ информацию'.*

УПРАВЛЕНИЕ 1.

А1 % ИМ.

А2 % ТВОР: *бегать глазами (по голым стенам).*

АЗ % по ДАТ: *бегать (глазами) по голым стенам <по комнате> [см. тж 3.2].*

% с РОД на ВИН: *бегать (глазами) с предмета на предмет.*

УПРАВЛЕНИЕ 2.

А1 % ИМ: *Глаза старика бегали (по строчкам письма).*

АЗ % по ДАТ: *(Глаза старика) бегали по строчкам письма.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Быстро бегать глазами; бегать глазами по сторонам <по дверям, по листу бумаги>.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Пряхина бегала глазами по серому анкетному листу и вдруг оттолкнула его: – Ах, пишете вы сами, пишете, я ничего не понимаю в этих делах! (М. Булгаков). Явился в лавку господин, очень по моде одетый, и, бегая глазами по лавке, попросил почтовую марку в восемь пфеннигов (В. Набоков). Я долго потом наблюдал, как его жена нервно бегаёт глазами по рядам сидящих (А. Курков). – Здесь мы их увидим, – быстро сказал Виктор, бегая глазами по бархатной черной стене (С. Бабаян). А я невольно бегаю глазами по комнате, разглядывая жилище небожителя (В. Розов). Его [Прохора] глаза бегали по лицам присутствующих, как бы ища поддержки (В. Шишков). Мои глаза еще бегали по простыне, мозг*

еще анализировал смысл черных закорючек — но я уже знал, что это правда (В. Пелевин).

АНАЛ: водить [бегать глазами по потолку – водить глазами по потолку].

бегать 4, наррат.

ПРИМЕРЫ. Тени бегают по стенам; По потолку бегал солнечный зайчик; Злые огоньки бегали у него в глазах.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бегают по А2 Порции А1 света, его отражения или тени А1 быстро перемещаются в разных направлениях АЗ по поверхности объекта А2' [А1 обычно лучи, тени, огоньки, искры и т.п.; чаще об актуально наблюдаемом процессе].

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: Огоньки бегали (по тонким сучьям).

А2 % по ДАТ: (Огоньки) бегали по тонким сучьям.

АЗ % В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ: бегать туда и сюда <туда-сюда>.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Фонарь качался, как безумный, тени бегали (И. Грекова). За окном сияло солнце, блики от воды бегали по прибрежным кустам (Э. Рязанов). Глаза у него [кочета] были с вишню, такие же черные с кровинкой и блестящие, перья красно-золотые с искрой, причем искорки бегали туда-сюда, как живые (М. Успенский).

СИН: мелькать; АНАЛ: ходить.

{ бегать за (кем-л.) уходящ. разг. 'ухаживать за кем-л.': Не из тех вульгарных, широкомордых, знаете, типов, кто бегает за женщинами с килограммами конфет [---]. Он не бегал за ними, он имел у них успех (Э. Лимонов); бегать как чёрт от ладана см. ЧЁРТ; Мурашки бегают (по спине <по телу, по коже>) (у А2 от АЗ) см. МУРАШКИ.

5. Словарная статья БЕЖАТЬ

БЕЖАТЬ, ГЛАГ; бегу́, бежи́т, бегу́т, ПОВЕЛ бегу́, ПРИЧ НАСТ бегу́щий, ДЕЕПР неупотр.; НЕСОВ и СОВ; СОВ только в 2.1, 2.2 и 2.3.

бежать 1.1 'перемещаться бегом в какое-л. место': Олени бегут на водопой.

бежать 1.2 'участвовать в спортивном соревновании по бегу': бежать марафон.

бежать 2.1 'панически отступать': Армия бежит.

бежать 2.2 'скрыться из места заключения': бежать из тюрьмы.

бежать 2.3 'покидать небезопасное место': бежать от войны; бежать на Запад.

бежать 2.4, уходящ. ‘избегать кого-л. или чего-л.’: *бежать от воспоминаний.*

бежать 3, наррат. ‘быстро ехать’ [о транспортном средстве]: *По мосту бежали машины.*

бежать 4.1, наррат. ‘быстро перемещаться в пространстве’ [о тучах и т.п.]: *Тучи бегут по небу.*

бежать 4.2, наррат. ‘мелькая, быстро перемещаться’: *Огоньки бегут по стене дома.*

бежать 4.3, наррат. ‘течь’: *Из раны бежала кровь.*

бежать 4.4, редк. или **уходящ.** ‘переливаться через край при кипении’: *Копе бежит.*

бежать 5.1, наррат. ‘пролегать на местности’: *Прямо от ворот бежит дорожка.*

бежать 5.2, наррат. ‘казаться перемещающимся’: *За окном бежали московские пригороды.*

бежать 6.1 (наррат.) ‘протекать’: *Время бежит; Дни бегут.*

бежать 6.2, уходящ. ‘показывать более позднее время’: *Часы бегут.*

бежать 1.1

ПРИМЕРЫ. *От леса наперерез бандиту бежал полицейский; Олени бегут на водопой.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бежит в А2 из А3 по А4, чтобы (сделать) А5* ‘Существо А1 перемещается бегом в место А2 из места А3 по поверхности А4 с целью А5’.

КОММЕНТАРИИ.

1. Расширенные употребления применительно к очень быстрому перемещению, особенно по срочному делу: *К кому бежать, от кого ждать помощи?; Надо немедленно бежать к врачу <в милицию>; И тогда он бежал к соавтору, чтобы тот помог ему хоть что-то вспомнить* (Г. Горин).

2. Расширенные употребления применительно к бегу с использованием специальных приспособлений или к не совсем обычному способу бега: *бежать на лыжах <на коньках, на снегоступах>; бежать на задних лапах.*

3. Расширенные употребления применительно к быстрым перемещениям живых существ без указания на конкретный способ перемещения: *То мышшь скребётся, то бежит таракан* (Ю. Трифонов); *В дождь водомерки со всех ног бегут на берег, пережидая здесь, когда в их исконном царстве [---] вновь воцарится тишь да гладь* («Знание – сила», 2003).

4. Суженные употребления в контексте предлога *на* с последующим одушевленным существительным, чаще всего именем человека, в значении ‘бежать с целью напасть’: *Немцы бегут по полю прямо на нас* (В. Некрасов); *Мальчик почувствовал, [---] что из темноты на*

него снова бежит Найда, выдернул из забора кол и шагнул навстречу овчарке (А. Варламов); Не успели они развернуть строй, как слон уже бежал на них, сметая всё на пути («Трамвай», 1990).

5. Образные употребления: *Извлекут опыт и бегут дальше по жизни, и торопятся, и ищут, где бы этот опыт теперь использовать* (В. Маканин).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ.

A2 % КУДА: *бежать на площадь <в убежище, под навес, за сарай>;*

бежать к дому <к лифту, к маме>; бежать до самой аптеки.

A3 % ОТКУДА: *бежать с площади <из переулка>; бежать от ангаров (на летное поле).*

A4 % по ДАТ: *бежать по лестнице <по безлюдной улице, по полю>.*

A5 % на ВИН: *бежать на свидание <на обед>.*

% за ТВОР: *бежать за газетами <за выпивкой>.*

% по ВИН: *бежать по^ воду.*

% ИНФ: *бежать купаться.*

КОНСТРУКЦИИ. Часто употребляется в функции глагольной связки в конструкциях с прилагательными или причастиями в формах ИМ или ТВОР и в конструкциях с наречиями или предложно-именными группами, указывающими на состоянии A1 во время бега: *бежал голодный <голодным> в институт, бежал голый по улице; бежать голышом, бежать в пальто нараспашку <без шапки>, бежать в майке и трусах.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Бежать быстро <резво, шустро>, бежать бегом, бежать как угорелый, бежать изо всех сил <со всех ног>, бежать во всю мочь <во весь дух, во всю прыть>, бежать что есть мочи, бежать опрометью, бежать очертя <сломя> голову, бежать без оглядки [большая скорость перемещения]; бежать медленно, еле бежать [небольшая скорость перемещения]; бежать вприпрыжку, бежать задом наперед [способ перемещения]; бежать впереди всех, бежать следом, бежать за хозяином [порядок перемещения]; бежать мимо, бежать по кругу <между камней, вдоль дороги, через улицу> [маршрут перемещения]; бежать рысью <галопом> [аллюр]; бежать легко <тяжело, с трудом, из последних сил> [затрачиваемые усилия]; бежать по лесу <лесом> [пространство перемещения]; бежать на собрание <на свидание, на встречу, на танцы> [цель перемещения]; бежать за поездом [при проводах на вокзале: *Шимба провожала нас на вокзале и бежала за поездом, пока перрон не кончился* (С. Спивакова)]; бросился <кинулся> бежать.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *То и дело он натыкался на сучья и деревья,*

падал и вскакивал, бежал путано, словно заяц, обдирая лицо и руки (В. Быков). Таня плохо помнила, как, не дождавись троллейбуса, добежала до метро, как доехала до «Парка культуры», а потом снова бежала по длинной Пироговке (Л. Улицкая). Хочу — еду шагом, хочу — скачу, да так, что всякая тварь бежит прочь, всякая птица [---] с криком разлетается (В. Астафьев). Видно, олени были хороши, бежали шибко, нарты скользили по весенней грязи легко, будто по снегу (Ю. Коваль). Бежавшая рысью запаренная лошадь тяжело разбрасывала копытами снег (К. Симонов). Двое бегут на лыжах: сначала по лыжне вдоль путей, потом сворачивают в лес (Ю. Трифонов).

СИН: мчаться, нестись, лететь, разг.-сниж. дуть, разг.-сниж. чесать; АНАЛ: идти; спешить; скакать; труси^ть; АНТ: ползти, тащиться; ДЕР: бег; бегун; вбежать, выбежать, добежать, забежать, набежать, обежать, отбежать, перебежать, побежать, подбежать, прибежать, пробежать, разбежаться, сбежать, сбежаться, убежать.

бежать 1.2, спорт.

ПРИМЕРЫ. Нам предстояло бежать кросс.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежит А2 'Человек А1 является участником спортивного соревнования вида А2 или на расстояние А2 по простому бегу, бегу на коньках или бегу на лыжах и преодолевает это расстояние за время А3'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ.

А2 % на ВИН: бежать на десять тысяч метров.

% ВИН: бежать марафон.

А3 % за ВИН: бежать (стометровку) за десять секунд.

КОММЕНТАРИИ. Бежать в сочетании с А3 употребляется только в форме НАСТ, но при этом всегда описывает прошлое действие: Он бежит стометровку за десять секунд и становится обладателем золотой медали на этой дистанции.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Бежать эстафету, бежать в эстафете [участвовать в эстафете], бежать с эстафетой [нести эстафету], бежать первый <заключительный> этап в эстафете; бежать (на) марафонскую дистанцию; бежать на короткую <длинную> дистанцию, бежать на двести метров.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. На чемпионате мира я бежал с ним в одном забеге и заметил, как он прибавил за последнее время («Известия», 2002.01.28). Молодым спортсменам приходилось соревноваться [---] в традиционных видах спорта, например, играть в волейбол,

футбол, бежать эстафету («Вечерняя Москва», 2002.05.16). На Дворцовой площади 30 тысяч человек бежали кросс («Известия», 2001.06.28). Конькобежец, которого заставили бежать на длинную дистанцию, — это наш советский труженик, которого замордовали заведомо невыполнимыми планами (В. Емельянов).

ДЕР: забег; бегун; спринтер [бегун на короткие дистанции]; стайер [бегун на длинные дистанции]; пробега^ть [Усайн Болт пробежал стометровку за 9,63 секунды и установил новый мировой рекорд].

бежать 2.1, НЕСОВ и СОВ; НЕСОВ обычно в форме НАСТ, в форме ПРОШ чаще СОВ.

ПРИМЕРЫ. Противник бежит, бросая технику и раненых.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежит из А2 на А3 'Военная часть А1 или военнослужащие А1 воюющей стороны в результате наступления противника быстро и беспорядочно отступают из места или с позиции А2 в направлении А3'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: Войска <наемники> бегут.

А2 % ОТКУДА: бежать с передовой; бежать из Москвы.

А3 % В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ: бежать на запад <к русской границе>.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Бежать в панике; бежать из укрепрайона <с оккупированных территорий>; Враг бежит, Армия <полк> бежит, Солдаты бегут.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Задыхаясь от радости, сосед сообщает, что наши войска перешли в наступление и немцы бегут (В. Гроссман). Нельзя же было утверждать всерьез, что армия бежит из-за большевистских призывов к неповиновению (Н. Суханов). Товарищи, противник бежит, не давай ему опомниться! (А.Н. Толстой). Враг бежит на всех фронтах, наши войска приближаются к его логову (Л. Утесов). Враг бежал, оставив у стен крепости штурмовые лестницы, веревки с крючьями и свыше четырехсот трупов (Б. Васильев). А эти братья и сёстры бежали как бараны, и никто не хотел постоять насмерть, хотя им ясно было приказано стоять насмерть (А. Солженицын).

СИН: отступить, отходить, откатываться, уходящ. разг. драпать, разг. удирать; АНАЛ: оставлять [Противник бежал из города – Противник оставил город]; АНТ: наступать; ДЕР: бегство.

бежать 2.2, преим. СОВ.

ПРИМЕРЫ. Бежать из советского лагеря никому не удавалось; Наполеон бежал с Эльбы.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежал из А2 'Человек А1 тайно и, возможно, с риском для жизни покинул место А2, где он удерживался против своей воли'.

КОММЕНТАРИИ. В форме НЕСОВ НАСТ всегда описывает прошлое действие, достигшее результата: *Серийный убийца вновь бежит из тюрьмы.*

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: *Пленный бежал; Заложники бежали.*

А2 % из РОД: *Бежать из гетто.*

% с РОД: *бежать с каторги.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Бежать из тюрьмы <из застенка, из лагеря, из ссылки>, бежать из неволи <из плена, из заключения>.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Упомянут Солженицыным в «Архипелаге» как почти единственный зек, успешно бежавший из магаданского лагеря (С. Довлатов). Подсудимый был приговорён к тюремному заключению, но вскоре бежал (В. Комаров). Абстрактный заключенный, преодолевая немалые трудности, бежит из тюрьмы и обнаруживает, что тюрьма — везде (А. Городницкий). Дэниел Бартелм [---] был арестован на днях по обвинению в убийстве двух полицейских и ограблении банка, однако умудрился бежать из изолятора строгого режима (В. Аксенов). Он бежал из плена в Италию и там стал партизаном, перекрасив свои светлые волосы в черный цвет... (В. Давыдов).

АНАЛ: *скрыться; ДЕР: побег; беглец; беглый.*

бежать 2.3, преим. СОВ.

ПРИМЕРЫ. *Бежать из стационара <из города>; бежать с любовником; бежать под защиту кого-л.; бежать от большевиков.*

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежал из А2 в А3 из-за А4 'Человек А1 быстро покинул место А2, где ему по причине А4 было неприятно или опасно оставаться, и направился в место А3'.

КОММЕНТАРИИ. Если А1 обозначает одного человека, то форма НЕСОВ НАСТ обычно описывает прошлое действие, достигшее результата: *В 1943 году Нильс Бор бежит из оккупированной фашистами Дании.* Если А1 обозначает массу людей, то форма НЕСОВ НАСТ может обозначать и действие в процессе его развития: *Жители бегут от войны в горы; По последним сведениям из Сан-Франциско, весь город охвачен пожаром; население бежит, не хватая средств для передвижения* («Русское слово», 1906).

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ.

А2 % ОТКУДА: *бежать из Германии.*

A3 % КУДА: бежать во Францию <на Запад, за границу>.

A4 % от РОД: бежать от войны <от опасности>.

% из-за РОД: бежать (из школы) из-за издевательств учеников.

КОММЕНТАРИИ. Если A4 = от РОД и если существительное в составе этой группы обозначает положение дел, действие или деятельность, возникает синкретичное значение 'по причине A4 и из того места, где имеет место A4': *Харар основан лет девятьсот тому назад мусульманскими выходцами из Тигре, бежавшими от религиозных преследований, и смешавшимися с ними арабами* (Н. Гумилев).

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Бежать безоглядно <без оглядки>; бежать из деревни <из родительского дома, из страны, из Советской России>; бежать из больницы <из госпиталя, из психушки>; бежать (из деревни) в города; бежать от наводнения <от лесных пожаров>, бежать от дождя <от грозы>; бежать от кого-л. на край света; Схватил кошелек и бежать.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Кортес часами беседовал с ацтекским жрецом, который бежал от своих соплеменников, после того, как откасался принести в жертву свою дочь* (А. Геласимов). *После победы большевиков [Курлов] бежал за границу, где и создал свои «Воспоминания»* (Ю. Рахаева). *Готлиб был не здешнего происхождения: когда-то его предки, спасаясь от кровожадных мавров, бежали сюда из Андалузии* (В. Быков). *В гражданской войне победил Франко, и они бежали в 1938-м через испано-французскую границу* (В. Крейд). *Оценив его заслуги, большевики семью репрессиям не подвергли, однако Егиазаровым пришлось срочно бежать из Москвы в Армению* (А. Тарасов). *Кипренский не выдержал травли и бежал из Рима в Париж* (К. Паустовский).

СИН: убежать, сбежать; АНАЛ: скрыться; ДЕР: бегство; беженец.

бежать 2.4, (уходящ.) перен.

ПРИМЕРЫ. *Бежать от воспоминаний <от мыслей о нем>; бежать от греха подальше.*

ЗНАЧЕНИЕ. A1 бежит от A2 'Человек A1 прилагает усилия к тому, чтобы не оказаться или перестать находиться в ситуации A2, потому что она ему неприятна'.

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ.

A2 % от РОД: бежать от одиночества.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Зубр бежал от политики как мог, уклонялся от всяких высказываний* (Д. Гранин). *Живущие в эпоху перемен*

люди бегут прочь от реальности, подменяют действительный мир желаемым (И. Новикова). Многие люди, родившиеся и выросшие в городе, бежали от городской жизни и, живя среди природы, находили своё счастье («Сад своими руками», 2002.12.15). То же ведь есть такое свойство ума — бежать от повседневности («Частный корреспондент», 2010). Эти разговоры наводили на Георгия Владимировича тоску. Хотелось бежать (В. Крейд).

СИН: *избегать*; АНАЛ: *спасаться*; *сторониться*, *чуждаться*; ДЕР: *бегство* (от реальности).

бежать 3, наррат.

ПРИМЕРЫ. *По шоссе бегут машины; Поезд стремительно бежит по рельсам.*

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежит по А2 'Транспортное средство А1 быстро перемещается по поверхности или специальному пути А2' [чаще об актуально наблюдаемом процессе].

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: *(По реке) бегут суда.*

% по ДАТ: *бежать по дороге <по автостраде>; бежать по реке <по морю>.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Он поглядывал вниз, на гигантскую излучку моста, по которому бежали машины и полз трамвайчик (Ю. Трифонов). Газик бежал по дороге, таща за собою небольшое облако пыли (И. Грекова). Впрыгивать в бегущий поезд уже страшно, не хватает куража (С. Спивакова). Старое судно бежало по морю со скоростью десяти узлов (И. Ефремов).*

СИН: *мчаться*, *нестись*; АНАЛ: *идти*; *ехать*; *плыть*; АНТ: *ползти*, *тащиться*.

бежать 4.1, наррат.

ПРИМЕРЫ. *Над городом низко бежали тучи; По небу бегут облака.*

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежит по А2 на А3 с А4 'Газообразная масса или скопление мелких частиц А1 быстро перемещается в пространстве А2 со стороны А4 в сторону А3' [о природных объектах, переносимых ветром; чаще об актуально наблюдаемом процессе].

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: *Тучи бегут (по небу).*

А2 % ГДЕ: *бежать по небу; бежать над деревней; За окном бежали (низкие тучи).*

А3 % КУДА: *бежать прямо на нас; бежать навстречу.*

А4 % ОТКУДА: *бежать с севера <от гор>.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Все тот же дождик, все те же облака бе-*

гут над берегом свинцовой Сены (Н. Берберова). Свинцовые, тяжёлые тучи бегут над головой. Хлопает полами шинели ветер (В. Некрасов). Солнечное пятно еле наметилось в пасмурных облаках, низко бегущих над крышей мелькомбината (Ю. Коваль). По земле с шорохом бежали сухие листья, сломанные ветки (И. Грекова). Навстречу машине бежала и бежала позёмка дымными змеистыми струями (Б. Екимов). Скоро дождь хлестал вовсю: было видно, как он чёрными полосами бежит по дороге, и ветер швыряет его вправо и влево (А. Волос).

СИН: мчатся [Мчатся тучи, вьются тучи (А.С. Пушкин)]; АНАЛ: идти, плыть [Облака плывут в Абакан, / Не спеша плывут облака (А. Галич)].

бежать 4.2, наррат.

ПРИМЕРЫ. Луч фонарика бежит по земле; Огоньки бегут по сухим сучьям.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежит по А2 'Порции А1 света, их отражения или тени А1 быстро перемещаются по поверхности А2' [А1 обычно лучи, тени, огоньки, искры и т.п.; чаще об актуально наблюдаемом процессе].

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 % ИМ: Тени бегут (по стенам).

А2 % по ДАТ: (Тени) бегут по стенам.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. От свечи по голым стенам бесшумно передвигаются тёмные пятна, [---] бегут по стенам к ситцевой занавеске (Ф. Горенштейн). Искры, как золотые муравьи, бежали гуськом по отшлифованным стенам (А. Дорофеев). Бежали [на экране телевизора] ругательные титры (И. Грекова).

СИН: скользить; АНАЛ: мелькать.

бежать 4.3, наррат.

ПРИМЕРЫ. Из раны бежит кровь; Вода бежала из крана прямо на пол.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 бежит из А2 на А3 по А4 'Жидкая субстанция А1 вытекает из объекта А2 и сплошной массой быстро перемещается по поверхности или сосуду А3 на объект А4 или внутрь объекта А4' [часто об актуально наблюдаемом процессе].

КОММЕНТАРИИ.

1. Образные употребления применительно к свету в роли А1: От лампочки расходятся во все стороны сотни прозрачных волосков. Это световоды. Свет бежит по ним, как вода по шлангу («Трамвай», 1990).

2. Образные употребления применительно к волнам: Белый

Воронцовский маяк отражался в бегущих черноморских волнах, пенящихся у его подножия (В. Катаев).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ: *Слёзы бегут (из глаз).*

A2 % из РОД: *Из крана бежит (тонкая струйка воды).*

A3 % на ВИН: *(Кровь) бежит на грудь <на рубашку>.*

% в ВИН: *(Вода) бежит в раковину <в таз>.*

A4 % по ДАТ: *(Слезы) бегут по щекам.*

КОНСТРУКЦИИ. Конструкции вида *Из раны бежит тонкая струйка крови* допускают преобразование в конструкции вида *Кровь бежит из раны тонкой стружкой.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *По ущелью <под горой> бежит река; Ручей бежит через весь лес; Струйка крови бежит по спине.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Когда выйдешь на улицу [---], слышно, как, не умолкая, с чеканным клёкотом бежит вода в арыке* (Ю. Трифонов). *Однако постоянное движение, струйки пота, бегущие по лицу, возвращают к реальности, появляется спортивный азарт* (И. Вольский). *И он падает лицом вперёд и стучается головой. Из рта у него бежит кровь. И он плачет, потому что он меня испугался* (А. Геласимов). *Он держался за живот, из-под руки бежала кровь* (Л. Шарова). *Все трубопроводы, по которым бежит пиво, медные* («Автопилот», 2002.05.15).

СИН: *течь, литься, струиться, идти, хлестать, бить, лить; устар. точиться; АНАЛ: капать, сочиться, исходить, испускаться; ДЕР: бегущий.*

бежать 4.4, редк. или уходящ.

ПРИМЕРЫ. *Кофе бежит.*

ЗНАЧЕНИЕ. A1 бежит 'Жидкая субстанция A1 переливается через край сосуда A2, в котором она находится, потому что она кипит' [обычно об актуально наблюдаемом процессе].

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ: *Молоко бежит.*

A2 % из РОД: *бежать из кастрюли.*

СИН: *убегать.*

бежать 5.1, наррат.

ПРИМЕРЫ. *Из леса <от ворот, отсюда> бежит дорожка.*

ЗНАЧЕНИЕ. A1 бежит по A2 на A3 с A4 'Протяжённый объект A1, предназначенный для перемещения по нему, расположен на поверхности или в пространстве A2 в направлении от A4 к A3 так, что у наблюдателя возникает образ быстрого перемещения' [о дороге, тропе и т.п.].

КОММЕНТАРИИ. Сдвинутые употребления применительно к следам: *Одинокий след ее с заячьей тропы бежит в болото, на край по молодому осиннику* (М. Пришвин).

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ: *Тропинка бежит (вдоль ручья).*

A2 % по ДАТ: *бежать по полю <по склону горы>.*

% через ВИН: *бежать через лес.*

% вдоль РОД: *бежать вдоль железнодорожного полотна.*

A3 % КУДА: *бежать к деревне; бежать вниз.*

A4 % ОТКУДА: *бежать из ельника; бежать с пригорка <с перевала>.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. (Все) тропы <тропки, тропинки> бегут к озеру, Дорожки в парке бегут в разные стороны, Сюда бегут все ходы сообщения, Шоссе бежит под гору; Тропка змеей бежала вниз.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Глебу привиделось: Он — маленький мальчик, один в густом и дремучем лесу, сосны космато качаются, машут ветвями, угрюмые камни нависли над малой тропинкой, и тропинка бежит все вниз (И. А. Новиков). Вдруг кончается подъем, веет горным воздухом, дорожка бежит вниз, и глазами открываются бесконечные синие дали (А. Ельчанинов). Хотелось пить или отдохнуть в тени, но не было вокруг ни воды, ни деревьев, а дорога всё бежала и бежала (А. Варламов). Тропа бежит под ветвями фисташек; подъем ступенчатый, легкий (С. Мстиславский).

СИН: *идти*; АНАЛ: *пролегать; лежать; тянуться; простираются; вести [Тропинка бежит к озеру – Тропинка ведёт к озеру]; виться, вилять*; АНТ: *ползти [Тропа бежит вниз – Тропа ползет в гору].*

бежать 5.2, наррат.

ПРИМЕРЫ. *За окном бежали московские пригороды.*

ЗНАЧЕНИЕ. A1 бежит 'Неподвижный объект A1 кажется быстро перемещающимся в пространстве или в направлении A2 наблюдателю, который перемещается мимо него или над ним на транспортном средстве' [об актуально наблюдаемой ситуации].

УПРАВЛЕНИЕ.

A1 % ИМ: *(Навстречу) бегут подмосковные лесочки.*

A2 % ГДЕ: *бежать под крылом самолета; бежать за окном.*

% В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ: *бежать мимо; бежать навстречу.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Они стояли в коридоре и обсуждали бегущий мимо них довольно скучный новороссийский пейзаж (В. Катаев). Мимо бежали пёстрые подмосковные рощи в последних клочьях золотой осени (И. Грекова).

СИН: *плыть* [*Навстречу плыли огни большого города*].

бежать 6.1, (наррат.)

ПРИМЕРЫ. *Время бежит; Дни бегут.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бежит <бегут>* 'Говорящему кажется, что время А1 или отрезки А1 времени протекают быстрее обычного'.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Время бежит неделя за неделей <месяц за месяцем>; Минуты <часы, дни, годы> бегут (минута за минутой <час за часом, день за днем, год за годом>).*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Подумать только, мы с Лорой тут скоро месяц, время бежит, условий никаких, жара, мухи, койки жёсткие, на плёнке эмульсия так и ползёт, дешифрируй, как хочешь* (И. Грекова). *Дни действительно бежали один за другим. Саше исполнилось восемнадцать лет* (В. Токарева).

СИН: *лететь*; АНАЛ: *идти; протекать*; АНТ: *ползти*; ДЕР: *бег (времени)*.

бежать 6.2, (уходящ.)

ПРИМЕРЫ. *Часы сильно бегут.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 бежит* 'В момент наблюдения функционирующие часы А1 показывают время, более позднее, чем правильное'.

СИН: *спешить, убежать*; АНАЛ: *идти, ходить*; АНТ: *отставать*.

{} *Бежать с тонущего корабля* см. **КОРАБЛЬ**; *Мурашки бегут по коже <по спине>* см. **МУРАШКИ**.

Примечания

- ¹ Данная работа была поддержана грантом РГНФ № 13-04-00307а, грантом НШ-6577.2012.6 и грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики».
- ² Проспект активного словаря русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М., Языки славянских культур, 2010. 779 с.
- ³ Напомним в связи с этим (с некоторой адаптацией и в переводе на русский язык) классический пример З. Вендлера, показывающий роль числовой формы подлежащего при выборе видо-временного значения «слабоментального» глагола в роли сказуемого: *Бегун пересекает финишную черту* (невозможно каноническое актуально-длительное значение) VS *Бегуны пересекают финишную черту* (актуально-длительное значение вполне возможно в случае, когда бегуны вытянулись в цепочку). См. *Vendler Z. Verbs and Times //*

Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y., 1967. На самом деле имеет место еще более общая закономерность: любая форма плюрализации любого актанта слабомоментального глагола создает для него возможность употребления в каноническом актуально-длительном и других процессных видо-временных значениях; ср. *Первая группа бегунов пересекает финишную черту, Капель-динер впускает зрителей в зал* и т.п.

- ⁴ Синописом снабжаются вокабулы, в состав которых входит не менее пяти лексем.
- ⁵ См., например, *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., Просвещение, 1971. 239 с.; *Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., Наука, 74–146; *Она же.* Две загадки praesens historicum // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А.Зализняка. М.: Индрик, 1996, 451–457; *Она же.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001, 319 с.; *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М., Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- ⁶ ВАС не совсем точные видовые корреляты отмечаются знаком приближительности (≈). В данном случае использование этого знака мотивировано тем, что моторно-кратные глаголы с приставкой *с-*, во-первых, носят более разговорный характер, чем соответствующие бесприставочные, и, во-вторых, обозначают действие, выполненное за более короткий промежуток времени; ср. *бегал за газетой – сбегал за газетой, летал в Лондон – слетал в Лондон*. Тем не менее, формы на *с-* от моторно-некратных глаголов со значением двунаправленного (туда и обратно) перемещения можно считать неточными формами СОВ соответствующих бесприставочных глаголов, потому что они сохраняют главный элемент семантики СОВ – указание на результативность действия; ср. *бегал в киоск за газетой* (может быть, купил, а может быть и нет) VS *сбегал в киоск за газетой* (бегал и купил).
- ⁷ На основании аналогичных соображений употребления типа *бежать из плена* <из тюрьмы, из неволи, с каторги>, с одной стороны, и *бежать от войны* <от наводнения, от пожара>, *бежать с любовником, бежать за границу* <на Запад, в США>, с другой, разбиваются в АС на две разные лексемы – **бежать 2.2** и **бежать 2.3**. Толковые словари и здесь усматривают одно значение.
- ⁸ Знак % – условность, вызванная несущественными техническими причинами; читателю предлагается не обращать на него внимания.
- ⁹ Ср. *Обувь они сняли; кто был босиком, кто в носках* (А. Рыбаков).

Л.П. Крысин

Специальный термин в русском просторечии¹

В статье рассматривается процесс взаимодействия разных подсистем русского национального языка, в частности использование носителями городского просторечия специальной (медицинской, технической и др.) терминологии. При этом происходит формальная и смысловая переделка терминов, которые осваиваются в чуждой для них языковой и культурной среде с большими трудностями.

Ключевые слова: национальный язык, языковая подсистема, специальная терминология, городское просторечие, освоение слова.

*Анатолию Яновичу Шайкевичу – дорогому Толе –
к его 80-летию,
с давним и неизменным восхищением.*

1. Проблема лексикографического представления специальной терминологии в общефилологических² толковых словарях связана с кругом вопросов, касающихся бытования термина не только в привычной для него профессиональной среде (скажем, математических терминов – в текстах по математике, физических – в работах по физике и т.д.), но и в таких разновидностях национального языка, которые далеки от целенаправленного и регулярного использования терминологической лексики. Процессы детерминологизации, вообще характерные для современных национальных языков (не только русского), имеют свои результаты как в обиходно-бытовой речи носителей литературного языка, так и в речевой практике носителей некодифицированных подсистем языка, коими являются, например, территориальные диалекты и городское просторечие. Поскольку общефилологические толковые словари фиксируют, наряду с традиционно используемой литературной лексикой, и некоторые лексические элементы, принадлежащие таким некодифицированным подсистемам (ср. пометы *прост.*, *обл.*, *диал.* в существующих слова-

рях), постольку возникают вопросы об отборе подобных лексических элементов, их лексикографическом и нормативном статусе, о типах словарной информации, касающейся диалектного или просторечного слова, и т.п. Отнюдь не праздным является и вопрос о тех трансформациях, которые переживает слово, принадлежащее литературному языку, попадая в стихию живой речи, не регулируемой сознательными усилиями кодификаторов. Как показывают наблюдения, особенно значительным «переделкам» подвергаются лексические элементы книжного языка и, в частности (и в особенности), лексика терминологическая.

В сознании большинства говорящих термин связан со специальными, научными или техническими, сферами использования языка. И действительно: каждая современная научная дисциплина при изучении своего объекта создает целые системы специальной терминологии, ни одна отрасль техники не в состоянии обойтись общелитературным языком, не прибегая к специальным словам, оборотам, конструкциям. Целенаправленное, последовательное «конструирование» терминосистем, характерное для большинства областей знания и практики, является наиболее концентрированным выражением стандартизирующих и кодификационных усилий общества, направленных на регулирование объективно развивающихся языковых процессов.

Вместе с тем интегративные тенденции, свойственные многим современным языкам и обусловленные социальными причинами (размыванием резких границ между слоями и группами населения, миграционными процессами, «вертикальной» и «горизонтальной» социальной мобильностью людей и т.п.), ведут к интенсивному и многообразному взаимодействию различных подсистем национального языка.

С одной стороны, расширяется круг носителей литературного языка, поскольку получение среднего и высшего образования тесно связано с приобщением людей к литературно-языковой норме; всё более усиливается и без того мощное влияние литературной речи на некодифицированные сферы языка – диалекты, просторечие – через каналы средств массовой информации (прессу, радио, телевидение, Интернет); вследствие популяризации научных и технических знаний, а также в результате внедрения многих достижений науки и техники в быт современного человека понятия и термины, первоначально знакомые лишь узкому кругу специалистов, становятся употребительными в обиходной речи представителей самых разных слоев и групп (ср., например, широкую употребительность в совре-

менной бытовой русской речи химических терминов типа *полимеры, полиэтилен, пенопласт, хлорвинил* и под., компьютерной терминологии типа *дисплей, сайт, файл, перезагрузить, скачать* и т. п).

С другой стороны, территориальные диалекты и просторечие, при их угасающей социальной и коммуникативной значимости в современных условиях, продолжают питать литературный язык новыми средствами, которые используются в качестве стилистически нейтральных, стилистически окрашенных или контекстно ограниченных единиц (ср. историю «олитературивания» таких диалектных и просторечных по своему происхождению слов, как *буханка, глухомань, напарник, неполадки, показуха, проран, умелци, учёба* и под.³

2. В данной статье нас будет интересовать лишь один из частных результатов многообразных процессов взаимодействия литературного языка и неcodифицированных подсистем русского языка, а именно – проникновение специальных, по большей части – иноязычных по своему происхождению терминов в просторечие и особенности функционирования этих терминов в среде носителей современного просторечия.

3. Хорошо известно, что просторечие – достаточно своеобразная подсистема русского национального языка. Если территориальные диалекты и, тем более, литературный язык имеют прямые аналоги в других языках, то у просторечия таких прямых аналогов нет: есть более или менее близкие соответствия, которые, однако, отличаются от просторечия по своим функциональным и структурным характеристикам. Например, в отличие от таких языковых образований, как *langue populaire* во французском, так называемый общий сленг в *American English*, *Halbmundart* в немецком, *obecná čeština* в чешском и т.д., которые являются функционально-стилистическими разновидностями соответствующих языков и, следовательно, могут использоваться всеми носителями этих языков, в том числе (при определенных речевых условиях) и литературно говорящими, – русское просторечие имеет своих носителей. Иначе говоря, это социально обусловленная подсистема национального языка.

Просторечие – это речь малообразованного городского населения, не владеющего нормами литературного языка⁴. Просторечие реализуется главным образом в устной форме и в достаточно ограниченных, преимущественно бытовых ситуациях. Важным свойством носителя просторечия является его «монологсия» (в отличие от диглоссии носителей литературного языка), то есть неспособ-

ность – или недостаточная способность - к кодовым переключениям в зависимости от ситуации общения.

В собственно языковом отношении просторечие характеризуется значительной пестротой коммуникативных средств и способов их использования, что вполне объяснимо: в этой подсистеме русского языка сосуществуют элементы, пришедшие из территориальных говоров, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка (нет лишь прямых, непосредственных заимствований из других языков: иноязычное заимствование как процесс просторечию «противопоказано»).

Перемалываясь в просторечии, разнородные по своим источникам элементы трансформируются: меняется их фонетическая и морфологическая структура, значение, их сочетаемость с другими элементами в речевой цепи. Вид и характер этих изменений нередко специфичны. В особенности это касается просторечной переработки «культурного» языкового материала, то есть слов, оборотов, синтаксических конструкций, идущих из речевого обихода носителей литературного языка.

4. Влияние литературного языка на просторечие проявляется в нескольких формах. Основные из них – это, во-первых, ситуативно обусловленное использование носителями просторечия литературных средств и, во-вторых, заимствование и регулярное использование слов и оборотов литературного языка.

При общении с литературно говорящими лицами, вообще при взаимодействии со средой, которую носитель просторечия оценивает как культурную, он нередко сознательно употребляет в своей речи лексические элементы, свойственные литературному языку. При этом, однако, поскольку носитель просторечия не владеет литературной нормой, эти элементы, как правило, претерпевают фонетико-морфологические и акцентные трансформации или же выступают в не свойственном им лексическом и стилистическом окружении.

Примеры таких трансформаций достаточно хорошо известны. Одним из первых лингвистически интерпретировал это явление В.В. Виноградов в работе, посвященной языку произведений М. Зощенко. Приводя многочисленные примеры «переделок» книжного слова в устах зощенковских персонажей, он писал: «...клише книжной речи ломаются в своей семантике, попадая в не свойственный им контекст. Чаще всего происходит разрушение тех семантических соотношений, которые существуют в системе литературной книжной

лексики и фразеологии, – путем их внелитературных сцеплений или путем морфологического преобразования»⁵.

Например: *Будто вдруг на меня атмосферой пахнуло; Подхожу демонстративно к мельнику. – Так и так, говорю, теперь, говорю, вам, старичок, каюк-компания; В театре она и развернула свою идеологию в полном объеме; А хозяин держится индифферентно – ваньку валяет; А в кухне ихняя собачонка, системы пудель, набрасывается на потребителей и рвет ноги* (из «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова»).

Ср. также наблюдения над современным просторечным использованием книжной, преимущественно иноязычной, лексики: *Товарищ Иванов с апогеем рассказывал; Он говорил с экспромтом; Что нужно сделать, чтобы был правильный дефект речи*²⁶; *Ейный муж с каким-то мужским эффектом был, потому у них детей и не было* (вместо - дефектом); *Она взяла экономический* (вместо - академический) *отпуск; У ней открылась тропическая* (вместо – трофическая) *язва*⁷; *Сказали: надо обращаться по дистанции* (вместо – по инстанции); *Врач констатировал ей лечиться в санатории* (вместо ‘советовал’); *Они цельный день по матафону* (имеется в виду магнитофон) *музыку гоняют* (Записи устной речи, 1988) и т.п.

5. Процессы переименования, переделки литературных слов в особенности характерны для таких единиц литературного словаря, которые осознаются носителями просторечия как социально престижные, как символы культуры, более высокой, чем их собственная. Иноязычные термины – наиболее яркий и типичный пример подобных символов.

Различные виды искажений в просторечии достаточно подробно описаны в работе А.Ф. Журавлёва⁸. Это, например, упрощение фонетической структуры слова (устранение зияний: *шпийн, радио*; ассимиляция и диссимиляция гласных и согласных: *мармалад, карасин, анженер, скапидар, левольвер, секлетарь, транвай*; метатеза: *тубаретка, соше* (вместо *шоссе*); сокращение числа слогов в слове: *струмент, вакуироваться, ниверситет*); изменение его морфологических характеристик (отнесение слов мужского рода к женскому: *крыть крышу толью, занавески из тюли*, женского – к мужскому: *статуй* вместо *статуя* – или к среднему: *моё фамилие*; склонение несклоняемых существительных: *в пальте, без радива*), редукция лексического значения (например, тенденция к моносемичному употреблению таких слов, как *мотив, анализ, дисциплина*,

конституция и под.) или употребление слова в специфическом, нелитературном значении (*куплет* – ‘стихотворная строка’, *квадратный* – ‘прямоугольный’, *инициалы* – ‘имя и отчество’) и т.п.

А.Ф. Журавлёв не выделяет термины из всего корпуса иноязычной лексики. Между тем, особый интерес представляет освоение просторечием именно с п е ц и а л ь н о й т е р м и н о л о г и и, поскольку в этом случае языковая единица из высокоорганизованной сферы литературного языка, где нормализация и кодификация являются определяющими факторами функционирования коммуникативных средств, переносится в сферу, которая вообще лишена какого-либо нормализующего и кодифицирующего начала. Кроме того, термин в общем случае, как известно, отличается строго определенным содержанием, однозначной соотнесенностью с понятием; в просторечии же весьма распространено явление диффузности, неопределенности значений многих слов, в особенности слов оценочных; ср., например, неоднократно отмечавшуюся размытость значений таких глаголов, как *шпарить*, *жарить*, *наяривать* и под.: *Дождь так и шпарит (жарит, наяривает)*; *Смотри, как он «Барыню» шпарит (жарит, наяривает)*; *Он на гитаре с утра до вечера шпарит (жарит, наяривает)*; *У них дочка по-английски с пяти лет шпарит (жарит, наяривает)* и т.п., а также приводимые А.Ф. Журавлёвым примеры неопределенного осмысления слов типа *атом*, *космос* (*Тоже без конца эти с атомом носятся; Вот погода-то! Это всё космос*⁹).

Кажется, что эти обстоятельства должны сказываться в характере просторечных трансформаций специального термина.

6. Наблюдения над использованием научных и технических терминов в современном просторечии показывают, что процессы переделки, касающиеся фонетической, морфологической и семантической структуры слова, сходны с теми, которые характеризуют освоение просторечием иноязычной лексики вообще. Вместе с тем наблюдаются и такие изменения, которые характерны для просторечной обработки именно специального термина. Речь идет прежде всего об изменениях в семантике слова.

Одно из таких изменений, наиболее специфичное и яркое, можно кратко охарактеризовать как п е р с о н и ф и к а ц и ю с в о й с т в а . Суть его заключается в следующем.

Присущие человеку свойства, особенности его отношений с другими людьми и с окружающим миром, а также совершаемые им действия, процессы, в которых он участвует в качестве субъекта или объекта, могут персонифицироваться: названия этих свойств,

действий, процессов выступают как метонимические номинации данного лица.

Необходимо оговориться: метонимические переносы названия действия на его объект, инструмент или результат характерны и для других подсистем, в частности для литературного языка; ср.: *исследование колебаний* (действие) – *интересное исследование* (результат), *передача движения* (действие) – *велосипедная передача* (инструмент), *верстка текста* (действие) – *читать верстку* (объект), *реанимация больного* (действие) – *Больного отвезли в реанимацию* (помещение, где осуществляется это действие), *анализ мочи* (действие) – *У него плохие анализы* (результат действия) и т.д.¹⁰ Однако в тех случаях, когда надо обозначить лицо как носителя определенного свойства, литературный язык, даже в разговорной своей разновидности, прибегает к аффиксальным способам (от слова, обозначающего свойство, с помощью того или иного аффикса образуется существительное со значением лица) или к заимствованию иноязычного элемента. Ср., например, именование лиц по чертам характера и склонностям (*весельчак, склочник, педант, интриган*), социальным, профессиональным, интеллектуальным и т.п. качествам (*властитель, умелец, мастер, виртуоз*), по принадлежности к определенному кругу лиц, обладающих теми или иными дифференциальными чертами (*валютчик, лимитчик, меломан, бизнесмен*), по различным отклонениям в поведении (*чудак, зануда, психопат*), по виду болезни, которой страдает данное лицо (*ревматик, язвенник, диабетик или диабетчик*), и т.п.

Просторечие также использует аффиксацию как способ образования имен лица по определенному свойству, присущему этому лицу (в особенности, если в результате создается оценочное наименование: ср. слова типа *чудик, придурок, очкарик* и под.). Но наряду с этим оно активно пользуется прямым метонимическим переносом: название какого-либо из перечисленных выше аспектов человека и его свойств может становиться названием самого человека. При этом, как правило, такой перенос происходит в случаях, когда внутренняя форма наименования «непрозрачна» и поэтому непонятна носителю просторечия; наиболее характерны в этом отношении как раз иноязычные термины.

Например, в тех ситуациях, когда в разговорной разновидности литературного языка используется слово *лимитчик* ('лицо, приехавшее на работу в Москву из других районов страны и имеющее право на получение жилплощади из резерва, оставляемого для представителей дефицитных профессий'), просторечие наде-

ляет личным значением само слово *лимит*: *В соседней квартире лимит живет; У лимитов еще один ребенок родился.* Ср. также *лимитá*, употребляемое в современном просторечии с пейоративной окраской применительно и к совокупности лимитчиков, и к одному такому лицу: *Понаехала тут всякая лимитá! Эх ты, лимитá несчастная!*

Термин *диабет* используется, помимо своего основного значения, и для называния лица, страдающего сахарной болезнью: *Это всё диабеты без очереди идут* (реплика у дверей процедурного кабинета в поликлинике).

Рентген в просторечии значит не только 'рентгеновский аппарат' (*Мне грудь рентгеном просвечивали*) и 'рентгеноскопия' (*А тебе рентген уже делали?*), но и 'врач-рентгенолог': *Она рентгеном работает; Дочка, это кто – не рентген по коридору-то сейчас прошел?*¹¹

Термин *автоген* употребляется в просторечии не только в значении 'газовая сварка и резка металла' (*Там применяют автоген*) и 'аппарат для газовой резки и сварки металла' (*резать стальной лист автогеном*), в которых этот термин используется и в литературном языке, но и в значении 'лицо, профессионально занимающееся газовой сваркой и резкой; автогенщик': *У ей сын автогеном на заводе [работает].* Ср. подобное употребление в просторечии и слов *автокар*, *бульдозер* и нек. др.: *Он в цеху автокаром работает* (вместо: *автокарищиком*); *У них бульдозеры знаешь сколь получают!* (в значении 'бульдозеристы') и т.п.

Показательно, что термины, «прозрачные» по своей морфологической структуре, в частности содержащие суффиксы неличного значения, не могут претерпевать в просторечии подобные семантические трансформации: так, носитель просторечия не скажет: *Он электросваркой работает* – в смысле 'Он электросварщик'.

Метонимическому переносу в просторечии могут подвергаться термины, в литературном употреблении обозначающие только множества или совокупности и не имеющие значения 'один элемент множества, совокупности'. Ср.: *Она вышла замуж за контингентá* (в речи медсестры) – фраза, понятная лишь при описании соответствующей ситуации: совокупность пациентов, обслуживаемых спецполиклиникой, на «административно-медицинском» языке называется *контингентом*, ср.: *Этот больной принадлежит к контингенту лиц, обслуживаемых нашей поликлиникой.* Естественно, что, приобретая значение 'один из множества лиц', слово *контингент* попало в разряд одушевленных существительных (*вышла замуж за*

контингента). Ср. в речи зощенковского персонажа: *А это кто, не президиум на трибуну вышедши?*

7. Приведенные примеры свидетельствуют о чрезвычайно свободном обращении носителей просторечия с иноязычной терминологической лексикой. Однако эта свобода – не следствие владения соответствующими понятиями, а, напротив, результат незнания их или весьма приблизительного представления об их содержании. Анормативный характер просторечия как определенной подсистемы русского национального языка делает возможным активизацию в нем таких видов метонимии, которые не встречаются в литературном языке (при переносном или расширительном употреблении специального термина).

Как уже было отмечено вначале, в наши дни социальная и коммуникативная роль городского просторечия сходит на-нет. Поэтому возникает вопрос: заслуживают ли внимания исследователей явления, подобные тем, которых мы коснулись в этой статье? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что при всей коммуникативной ущербности просторечие продолжает выступать как источник, питающий литературный язык новыми средствами выражения. Кроме того, некоторые модели, действующие в семантике, словообразовании, синтаксисе просторечия, со временем могут проникать в разговорную речь носителей литературного языка, активизируя системные языковые потенции и преодолевая сопротивление традиции и нормы.

Оценке этих моделей с нормативно-литературной точки зрения (то есть: хороши они или плохи, «пускать» их в литературный оборот или не пускать и т.д.), как кажется, должно предшествовать их объективное изучение, учитывающее как общие тенденции развития русского языка и его подсистем, так и специфику взаимодействия кодифицированных и некодифицированных языковых образований в современных условиях.

Одним из результатов такого изучения могут стать рекомендации к включению/невключению тех или иных терминов, подвергшихся формальной или семантической трансформации в просторечной среде, в общефилологические словари – естественно, с необходимыми ограничительными стилистическими пометами. В связи с этим сошлюсь на опыт разработки «Толкового словаря русской разговорной речи», который составляется сейчас в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН¹². В качестве элементов словника в этом словаре фигурируют медицинские термины *гинекология*, *он-*

кология, реанимация, терапия, хирургия и нек. др., но не как названия соответствующих разделов медицины (в этом качестве они фиксируются толковыми словарями литературного языка и словарями терминологическими), а как просторечные номинации отделений больниц и клиник, имеющие достаточно регулярное употребление в контекстах типа *А где у вас тут гинекология?*; *Маму положили во вторую терапию*; *Дедушку перевели из реанимации в общую палату*; *В хирургии не хватает мест* и т.п. Вполне возможна детерминологизация и своеобразная формальная или семантическая «обработка» и каких-либо иных специальных терминов, их приспособление к условиям неофициального устного общения носителей некодифицированных подсистем языка. Составители словарей, несомненно, должны реагировать на такого рода изменения в статусе термина, в его семантических и функциональных свойствах.

Примечания

- 1 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научно фонда (проект 11-24-01001a/Bel).
- 2 Общефилологическими мы называем здесь толковые словари, ориентированные на обычного пользователя, не связанного какими-либо социально, профессионально и т.п. обусловленными интересами (ср. толковые словари социальных жаргонов, толковые терминологические словари – см. о них, в частности, в работах: *Шайкевич А.Я.* Проблемы терминологической лексикографии. М., 1983; *Шайкевич А.Я., Бергельсон М.Б.* Современное состояние научно-технической лексикографии. М., 1986).
- 3 См. об этом в работах: *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова.* Кн. I. Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968, § 11–15; *Калинин А.В.* Культура русского слова. М., изд. МГУ, 1984. С. 29–32; *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979; *Крысин Л.П.* Показуха [заметка о слове] // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 153–156; *Львов А.С.* Проран [заметка о слове] // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 150–153.
- 4 Определения этой подсистемы русского языка можно найти в работах: *Бараникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. Саратов, 1974. С. 3–22; *Она же.* Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество. Вып. 4. Саратов, 1977. С. 59–77; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 23; *Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев.* М.: Наука, 1984. С. 5; *Крысин Л.П.* Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. С. 51–67.

- ⁵ *Виноградов В.В.* Язык Зощенки (заметки о лексике) // Михаил Зощенко. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 66; статья перепечатана в: *Виноградов В.В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. С. 264–281.
- ⁶ Примеры из книги: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. С. 95.
- ⁷ Примеры из работы: *Черняк В.Д.* Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 497–513.
- ⁸ *Журавлёв А.Ф.* Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 102–124.
- ⁹ Там же, с. 120.
- ¹⁰ См. об этом: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974, гл. 3.
- ¹¹ Ср. любопытный случай просторечного стяжения целого словосочетания *врач – специалист по болезням уха, горла и носа* в слово *ухогорлонос*, имеющее значение лица (*Сегодня ухогорлонос принимает?*); в профессиональном жаргоне медиков в этом значении употребляется усечение *лор* (*Лор у нас на полставке работает*), образовавшееся путем «стяжения» неудобопроизносимого термина *оториноларинголог* (обращает на себя внимание фонемная модификация, произошедшая при стяжении: /a/, находящаяся в слабой, неударной позиции в слове *отоларинголог*, «прояснилась» в /o/ в слове *лор*).
- ¹² Подробнее об этом словаре см.: Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2010; О «Толковом словаре русской разговорной речи» // Слово и язык. Сб. научных статей к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 446–456.

Теоретические и описательные исследования

М.В. Ахметова

Вариантность названий жителей (по материалам электронной базы СМИ «Интегрум»)¹

Статья основана на статистическом анализе употреблений вариантов названий жителей населенных пунктов в местной прессе (на примере Иркутска, Кирова, Пензы, Петрозаводска, Пятигорска, Ставрополя, Тамбова и Твери) по данным электронной базы СМИ «Интегрум». Проведенное исследование позволяет выявить локальные предпочтения тех или иных вариантов либо конкуренцию вариантов, которая может быть обусловлена как редакторской политикой, так и актуальными тенденциями в развитии языка.

Ключевые слова: вариантность, катойконимы, узус, языковая норма, «Интегрум»

Вариантность названий жителей как проблема

Известно, что названиям жителей населенных пунктов (катойконимам) и оттопонимическим прилагательным в русском языке зачастую свойственна вариантность. В частности, ярким явлением советской эпохи стало активное порождение (прежде всего в языке газет — в связи с развитием центральной и местной прессы) новых катойконимов, в том числе от таких населенных пунктов, от которых они ранее не образовывались². Распространение в прессе названий, образованных при помощи суффикса *-чане (-чанин, -чанка)*, в середине XX в. стало предметом полемики, в которой приняли участие писатели, публицисты и языковеды³.

Примечательно, что выход в свет словарей названий жителей РСФСР (Б-1964), а затем и СССР (БЛ-1975)⁴, не положил конца полемике, поскольку составители включали все обнаруженные ими лексемы, вплоть до вышедших из употребления. Данные словари

не позиционировались как строго нормативные (в отличие от тех, что вышли в 2000 и 2003 гг.), в качестве рекомендательного начала в них выступал порядок расположения лексем (более употребительные в литературном обиходе, затем менее употребительные, затем слова с пометами *местн.* и *устар.*)⁵; таким образом, если для одного населенного пункта приводилось несколько вариантов названий жителей без помет, все они фактически признавались в одинаковой степени имеющими право на существование⁶. Такой «плюрализм» не удовлетворял ни тех, кто выступал против распространения названий с суффиксом *-чане* (варианты типа *тамбовчане*, *орловчане* в словарях оказались рядом с более традиционными *тамбовцы*, *орловцы*), ни тех, кто обращался к словарям в поисках одного-единственного, «правильного» варианта.

Позиция самих местных жителей (в том числе сотрудников и редакторов местных газет) пуристически настроенных участников полемики, как правило, интересовала лишь в той степени, в которой она отвечала их собственному мнению о «(не)правильности» тех или иных вариантов. Между тем взаимосвязь языка газет и живой речевой традиции очевидна. Как представляется, именно влиянием местных СМИ можно объяснить вытеснение в речи местных жителей ряда традиционных вариантов в пользу новых. Однако где-то этот процесс проходил успешно, а где-то нет; изменение редакционной политики газет под влиянием местной традиции также может иметь место⁷.

Кроме того, само изобилие словообразовательных моделей (ср. *москвичи*, *архангелогородцы*, *одесситы* и т.д.) свидетельствует об отсутствии единообразия в образовании и употреблении названий жителей и тем более в усвоении этих моделей (в то же время известно, что для различных временных периодов характерны тенденции к употреблению определенных моделей⁸).

Источниками для словарей стали разнообразная литература, местная пресса, исторические документы, а также ответы на анкеты-запросы, которые рассылались краеведам-любителям, сотрудникам краеведческих музеев, газет, вузов и школ. Именно письма корреспондентов с мест послужили основанием для вынесения вердикта об употребительности тех или иных названий. Однако частное мнение отдельно взятого журналиста, краеведа или педагога, особенно если его ответ продиктован интроспекцией («я так говорю — значит, так надо говорить» и даже «...значит, так все у нас говорят»), не обязательно совпадает с общей тенденцией именования жителей в конкретном населенном пункте.

Таким образом, более релевантным представляется вопрос не о «правильности», а о том, какой вариант в действительности употребляется. А если несколько вариантов существуют параллельно – то каков статус каждого из них. Выяснить эти данные можно на основании как количественных методов (т.е. статистического исследования большого массива текстов, что для лексикографов середины XX в. вряд ли было возможно), так и методов качественных (т.е. анализа продуцируемых локальными сообществами текстов, непосредственно затрагивающих проблему именования жителей).

В данной статье рассмотрен ряд примеров, касающихся предпочтения вариантов названий жителей в местных газетах. Источником стала электронная база СМИ «Интегрум».

База «Интегрум» как источник: очевидные плюсы и неочевидные минусы

На сегодняшний день в «Интегруме» хранятся сотни миллионов документов из нескольких тысяч источников (прежде всего российские и зарубежные русскоязычные газеты, журналы и интернет-издания, расшифровки теле- и радиопередач, законодательные документы) преимущественно с 1990-х гг., а также единичные номера некоторых изданий за 1980-е гг.

Корпус «Интегрума» существенно превышает по объему Национальный корпус русского языка и оценивается как самый полный на сегодняшний день⁹. Принципы работы «Интегрума» описаны в издании «Integrum: точные методы и гуманитарные науки» (М., 2006); этот же сборник содержит ряд статей с примерами его использования для лингвистических целей (первые фиксации появления в СМИ того или иного слова/словосочетания, определение частотности, исследования употребимости лексем, словосочетаний, определенных грамматических форм и т.д.). Перспективно также использование «Интегрума» для описания региональных особенностей речи¹⁰.

Однако наряду с преимуществами «Интегрума» как уникального собрания документов он имеет ряд недостатков. Перечислю наиболее существенные из них.

1. **Неполнота и неравномерность материала.** Позиционирование «Интегрума» как базы, содержащей «полные архивы тысяч СМИ, большинство из которых начинается с середины 90-х годов XX века»¹¹, не вполне справедливо. Архивы *большинства*¹² СМИ в «Интегруме» начинаются с первых годов XXI в. и не всегда являются полными. Особенно плохо представлены выпуски

некоторых газет за 1990-е гг. (например, «Пензенская правда» за ноябрь и декабрь 1993 г. представлена всего двумя номерами – по одному на месяц), но лакуны встречаются и позже (например, газета «Аргументы и факты – Омск» за 2008 г. представлена всего четырьмя номерами).

2. **Неполнота выдачи.** Выдача документов зависит от режима доступа к «Интегруму». Демо-версия, предоставляемая по специальному запросу, отличается от основной версии, предоставляемой по подписке (в частности, библиотекам, таким как РГБ и РНБ), при этом возможности первой гораздо шире второй. Так, в демо-версии существует опция поиска по газетам определенного региона (в основной версии выбирать газеты приходится вручную), при этом пользователь открывает доступ к ряду газет, недоступным при подписке. Так, в основной версии недоступны газеты «Аргументы и факты в Твери», более десяти нецентральных газет Тамбовской обл., вологодская газета «Премьер – новости за неделю» с 2008 г. и т.д., материалы которых можно увидеть при поиске по регионам в демо-версии.

3. **Неточность статистики.** Некоторые газеты в «Интегруме» представлены двояко: в виде «обычной» версии (единицей выдачи является конкретная статья) и PDF-версии (единицей выдачи является полоса набора). Периоды времени, которые охватывают данные типы источников, могут частично перекрываться (например, глубина архива воронежской газеты «Берег» – с декабря 2000 г. по сей день, а ее PDF-версии – с февраля 2006 г. по декабрь 2011 г.). Это ведет к выдаче дублей одних и тех же текстов и, соответственно, к искажению статистики. Кроме того, нередко начало некоторых материалов размещается на первой полосе, а продолжение – на последующих, при этом на одной полосе практически всегда расположено несколько материалов, иногда тематически связанных. В первом случае число документов может завышаться, во втором – занижаться¹³.

PDF-тексты и отсканированные источники не всегда распознаются корректно, что ведет к появлению в выдаче опечаток, а иногда и полностью искаженных текстов.

По ряду газет выдаются завышенные данные (например, в газете «Автопремьера» (Набережные Челны) заявленное количество документов может превышать реальное более, чем в 10 раз).

4. **Неполадки поиска.** Непонятно, каким образом производится лемматизация (например, в запросе на *тверичане* выдаются также документы, где упоминаются *тверичи*, и наоборот).

Таким образом, «Интегрум» — хотя и полезный (а во многом уникальный), но далеко не совершенный инструмент для лингвистического поиска. Цифры, выдаваемые им, неабсолютны и демонстрируют скорее определенные тенденции. Для получения более релевантных данных требуется корректировать поисковые запросы.

* * *

Данная статья основана на анализе употребления названий жителей в местной прессе. Все запросы задавались в феврале–марте 2012 г. Выбор источников проводился вручную, PDF-версии источников для описываемого города (региона) исключались. Полученная выдача бегло просматривалась; если обнаруживалось, что в ней присутствует посторонняя лексема, она исключалась из последующего поиска. При запросе лексема задавалась во мн.ч. м.р. Для ряда слов это подразумевало, что в выдаче будут присутствовать также все падежные формы ед.ч. м.р., а также ж.р. (например, при запросе на *тамбовчане* выдаются все формы слова *тамбовчанин*, а также *тамбовчанка*). В случаях, когда это было принципиально, названия в ж.р. исключались из поиска.

Если рассматривается соотношение вариантов в газетах одного города (региона), приводятся названия газет и глубина их архивов. В остальных случаях названия газет не приводятся. Также указываются разделы «Интегрума», в которых производился поиск («СМИ: Региональная пресса», «Архивы. Региональные СМИ» и т.д.).

Распределение вариантов по данным «Интегрума»

1. Преобладание одного варианта

Для ряда городов данные «Интегрума» свидетельствуют о безусловном предпочтении одного варианта. Этот же вариант может преобладать и в остальных региональных, а также центральных газетах.

По данным словарей (Б-83, БЛ-1975, Л-2000, ГЛ-2003), некоторые варианты утвердились еще в середине 1960-х гг. Например, для *Иркутска* словари последовательно (т.е. по мере снижению употребимости) дают варианты: *иркутяне* (*иркутянин*, *иркутянка*) и *иркутчане* (*иркутчанин*, *иркутчанка*). По данным «Интегрума» первый вариант преобладает как в местной, так и в остальной прессе (табл. 1).

Табл. 1. *Иркутяне vs. иркутчане*

	«СМИ: Региональная пресса»: газеты Иркутска (всего 11)	«СМИ: Региональная пресса» (без Иркутска)	«СМИ: Центральная пресса»
<i>иркутяне</i>	12 336	7 935	2 352
<i>иркутчaне</i>	5 (0,04 %) ¹⁴	118 (0,5 %)	66 (2,7 %)

Название жителей Кирова *кировчане* (*кировчанин, кировчанка*), во всех словарях предшествующее варианту *кировцы* (*кировец*), также лидирует в местной прессе (табл. 2). Искомые слова задавались только со строчной буквы, чтобы исключить упоминания имен собственных (трактор «Кировец», теплоход и футбольная команда «Кировчанин» и т.д.); при этом автоматически исключались документы, где с искомого слова начиналось предложение, что искажало статистику, однако полученные цифры все равно показательны. Данные по остальной региональной и центральной прессе не приводятся, учитывая многозначность термина *кировец* (житель Кирова Калужской обл. или Кировска Мурманской обл., рабочий завода им. Кирова, курсант военного училища им. Кирова и т.д.).

Табл. 2. *Кировчане vs. кировцы*

	«СМИ: Региональная пресса», «Архивы. Региональные СМИ»: газеты Кирова (всего 11)
<i>кировчане</i>	11 488
<i>кировцы</i>	8 (0,07 %)

Обратна ситуация с жителями *Петрозаводска*: в местной прессе абсолютно преобладает вариант *петрозаводчане* (*петрозаводчанин, петрозаводчанка*), в словарях следующий за вариантом *петрозаводцы* (*петрозаводец*). Обращает на себя внимание соотношение вариантов в московских газетах: доля не употребляемых в Петрозаводске *петрозаводцев* составляет 16,7 %, что не так уж и мало (табл. 3).

Табл. 3. *Петрозаводчане vs. петрозаводцы*

	«СМИ: Региональная пресса»: газеты Петрозаводска (всего 7)	«СМИ: Региональная пресса» (без Петрозаводска)	«СМИ: Центральная пресса»
<i>петрозаводчане</i>	8 995	1 819	265
<i>петрозаводцы</i>	7 (0,07 %)	137 (7 %)	53 (16,7 %)

В отношении того, какой из вариантов названий жителей Пятигорска (*пятигорцы* или *пятигорчане*) более употребим, словари не единодушны. В Б-1964 приводится вариант *пятигорчане* (*пятигорчанин, пятигорчанка*); в БЛ-1975 г. вслед за ним указаны *пятигорцы* (*пятигорец*); постсоветские же словари (Л-2000, ГЛ-2003) дают последовательно варианты: *пятигорцы* (*пятигорец*) и *пятигорчане* (*пятигорчанин, пятигорчанка*). Между тем данные «Интегрума» свидетельствуют о том, что в газетах как Пятигорска (как минимум с середины 2004 г.), так и Ставропольского кр. в целом употребим вариант *пятигорчане*, в то время как в остальных региональных и центральных газетах оба варианта конкурентоспособны (табл. 4).

При поиске по газетам, не относящимся к Ставропольскому кр., лексема *пятигорцы* задавалась только со строчной буквы, чтобы исключить заглаживания на фамилию Пятигорец.

Табл. 4. Пятигорцы vs. пятигорчане

	«СМИ: Региональная пресса»: газеты Пятигорска (всего 2)	«СМИ: Региональная пресса», газеты Ставропольского кр.: <u>Ставрополь</u> (9), <u>Кисловодск</u> (2), <u>Невинномысск</u> (1)	«СМИ: Региональная пресса» (без Ставропольского кр.)	«СМИ: Центральная пресса»
<i>пятигорцы</i>	0 (0 %)	13 (0,9 %)	242 (51,9 %)	53 (38,7 %)
<i>пятигорчане</i>	4 632	1 445	224	84

2. Конкуренция вариантов

Местные газеты не всегда проявляют приверженность к одному из вариантов. Иногда выбор определяется редакционной политикой газеты; в ряде газет одновременно употребляются различные варианты (с более или менее отчетливым преобладанием одного). Это зависит от предпочтений авторов газетных материалов (корреспондентов и авторов писем в редакцию), которые не обязательно редактируются с этой точки зрения¹⁵, и в данном случае свидетельствует о нестабильности локальной нормы. Далее будет рассмотрено несколько случаев подобного рода.

В качестве названия жителей Пензы словари фиксируют следующие варианты: *пензенцы* (*пензенец*), *пензяки* (*пензяк, пензячка*), устар. *пензовцы*, устар. разг. *пензяне* (Б- 1964), *пензенцы* (*пензенец, пензенка*), *пензяки* (*пензяк, пензячка*), шутл. *пензюк*, устар. *пензовцы*, устар. *пензяне* (БЛ-1975), *пензенцы* (*пензенец, пензенка*) и *пензяки* (*пензяк, пензячка*) (Л-2000, ГЛ-2003). Таким образом, основными

вариантами являются *пензенцы* и *пензяки*; их соотношение по газетам Пензы приводится в табл 5.

Табл. 5. Пензенцы vs. пензяки

«СМИ: Региональная пресса», «Архивы. Региональные СМИ»: газеты Пензы	<i>пензенцы</i>	<i>пензяки</i>	доля <i>пензяков</i> , %
АиФ — Пенза (с 18.10.2000)	63	1 318	95,4
Молодой ленинец (с 25.08.1999)	167	2 490	93,7
Любимая газета (07.11.2001—28.11.2007)	751	243	24,4
Пензен. правда (29.02.1992—31.03.2006)	1 425	373	13,5
Пензен. вести (03.09.1999—15.11.2001)	411	98	19,3
Жизнь (15.02.2005—14.03.2006)	29	4	12,1
Бизнес-журнал (15.01.2011—15.12.2011)	23	3	11,5
Вестник (19.12.2000—17.01.2008)	651	71	9,8
Наша Пенза (с 14.06.1992)	2 644	212	7,4
Новая биржевая газета (16.07.1993— 04.04.2002)	541	41	7,0
Репортер (28.01.2004—10.08.2010)	1 090	27	2,4
Деловая Пенза (14.01.1998—13.08.2010)	825	18	2,1
Комс. правда — Пенза (с 16.02.2007)	938	14	1,5
СМИ: Региональная пресса (без Пензы)	1 057	701	39,9
СМИ: Центральная пресса	499	132	20,9

Разброс широк: на одном полюсе *пензяки* встречаются в 21 раз чаще *пензенцев* («АиФ — Пенза»), а на другом в 67 раз преобладают *пензенцы* («Комсомольская правда — Пенза»). Последние, впрочем, в газетах Пензы более популярны. Что же касается названия жительницы города (*пензячка* или *пензенка*), в местных газетах абсолютно преобладает первый вариант (1185 вхождений на *пензячку* и всего 8 на *пензенку*); в остальных региональных изданиях распределение почти одинаково (40 *пензячек* и 38 *пензенок*), а цифры из московских газет скорее ничтожны (4 и 15 соответственно). Очевидно, это связано как с тем, что названия жительниц образуются менее активно, чем жителей, так и с меньшей актуальностью соответствующих катойконимов для неместных газет.

В этом смысле интересно наблюдение пензенских лингвистов: «Анкетирование и наблюдения за живой и письменной речью показали, что молодёжь предпочитает говорить *пéнзенцы*, а представители старшего поколения, коренная интеллигенция — *пензяки́*. Это

подтверждает выборка из литературного журнала Сура, где только 3 автора употребили патроним *пéнзенцы*, а остальные использовали *пензяки́*. На вопрос, почему отдаётся предпочтение тому или иному патрониму, давались ответы, что патроним *пензяк* – грубый («...»), но именно его употребляют коренные жители Пензы, он кажется им более древним («...»). Молодежь, уроженцы других мест, а также чиновники различных рангов предпочитают патроним *пéнзенцы* (и в областных, и в районных газетах при обращении к читателям они используют именно его или описательный оборот: «Дорогие *пéнзенцы!*», «Уважаемые *жители Пензы / Пензенской области!*»), потому что суффикс *-ец* и его производные очень частотны, и наименования жителей, образованные с их помощью, выглядят современно и нейтрально. А пензяки (sic! – М.А.) считают, что патроним *пéнзенцы* – трудноват для произношения и что образованное от него обозначение жительницы – *пéнзенка* – выглядит искусственно¹⁶.

В качестве названий жителей Ставрополя словари приводят последовательно варианты *ставропольцы* (*ставрополец*) и *ставропольчане* (*ставропольчанин*, *ставропольчанка*). Л.П. Катлинская в статье 1992 г. приводит письмо жителя Ставрополя, сетовавшего, что «года два–три назад» (т.е. на рубеже 1980-х и 1990-х гг.; впрочем, по данным словарей, *ставропольчане* упоминаются в местной прессе с конца 1950-х гг.) привычное название *ставропольцы* «как-то “ползуче” стало заменяться словом “ставропольчане”» и что «всевозможные рекламы, стенды и даже призывы на одной улице обращены к “ставропольцам”, на другой улице или в другом издании – к “ставропольчанам”¹⁷. По данным современных газет края видно, что *ставропольцы* не вытеснились *ставропольчанами* окончательно, последние составляют им конкуренцию, но не слишком серьезную: в трех газетах, где именованья жителей встречаются чаще всего и в сумме дают более 80 % («Вечерний Ставрополь», «Ставропольские губернские ведомости» и «Ставропольская правда»), *ставропольчан* лишь 11,4 % (табл. 6).

Поскольку на запрос *ставропольчане* «Интегрум» выдает также название жительниц, при поиске лексема *ставропольчанка* исключалась.

Наибольший процент *ставропольчан* (свыше 25 %) дают нецентральные газеты Ставропольского края (Пятигорска и Кисловодска). В «Ставропольском меридиане» число *ставропольчан* превышает число *ставропольцев*, а в «Родине» приближается к ним. Центральные газеты явно предпочитают *ставропольцев*. Что касается остальной региональной прессы, соотношение в целом разное,

однако соседи (эти данные в таблице не отражены) демонстрируют различные предпочтения. Например, число *ставропольцев* превышает число *ставропольчан* в газетах Волгоградской обл. (соответственно 178 и 39), Ростовской обл. (235 и 50), Краснодарского кр. (235 и 50) и Адыгеи (66 и 8); *ставропольчане* доминируют в Калмыкии (174 вхождения на *ставропольчане* и 46 – на *ставропольцы*) и Кабардино-Балкарии (80 и 18).

Табл. 6. *Ставропольцы vs. ставропольчане*

«СМИ: Региональная пресса»: газеты Ставропольского кр.	<i>ставропольцы</i>	<i>ставропольчане</i>	доля <i>ставропольчан</i> , %
Вечерний Ставрополь (с 20.08.2002)	3 787	40	1,0
Невинномысский рабочий (с 30.09.2009)	108	11	9,2
Жизнь (Ставрополь) (с 08.07.2003)	41	5	10,9
АиФ – Сев. Кавказ (Ставрополь) (с 12.02.2003)	360	47	11,5
Ставроп. губерн. ведомости (с 20.08.2002)	1 816	239	11,6
На рубежах родины (Ставрополь) (с 23.07.2003)	85	12	12,4
Ставроп. правда (с 10.06.1995)	4 744	1 052	18,2
Ставроп. бизнес (с 22.08.2002)	256	60	19,0
Кисловодская газета (с 05.01.2005)	7	2	22,2
Кавказская здравница (Пятигорск) (с 01.09.2004)	291	93	24,2
Пятигорская правда (с 04.01.2001)	387	175	31,1
Огни Кавминвод (Кисловодск) (с 12.01.2004)	52	24	31,5
Родина (Ставрополь) (с 14.03.2003)	85	57	40,1
Ставроп. меридиан (с 24.01.2000)	152	492	76,4
СМИ: Региональная пресса (без Ставропольского кр.)	2 550	1 159	31,2
СМИ: Центральная пресса	1 118	213	16,0

При количестве вариантов более двух наблюдается еще больший разброс. Показательна ситуация с названиями жителей Твери. Отмечу, что на протяжении значительной части советской эпохи (с ноября 1931 по июль 1990) этот город носил название Калинин, в результате катойконимы от *Тверь* были деактуализированы и употреблялись, как правило, в контекстах, связанных с периодом до 1930-х гг. либо в разговорной речи¹⁸, а также в контексте исторической памяти

(например, в 1964 г. в Твери был создан народный ансамбль «Тверичане»). Когда городу было возвращено прежнее название, газеты столкнулись с необходимостью употреблять новые (а точнее, забытые старые) актуальные именованья жителей Твери.

Словари советского времени для жителей Калинина параллельно *калининцам* приводят следующие варианты: *тверяки* (*тверяк*), *тверитяне* (*тверитянин*, *тверитянка*), как устарелые – *тверичи* (только мн.ч.), *тверитин* (ед.ч.), *тверяне* (*тверянин*, *тверянка*) (Б-1964), *тверяки* (*тверяк*, *тверячка*), *тверитяне* (*тверитянин*, *тверитянка*), *тверичане* (*тверичанин*), *тверичи* (*тверич*), с пометой *устар.* – *тверитин* (ед.ч.), *тверяне* (*тверянин*, *тверянка*) (БЛ-1975); постсоветские – *тверяки* (*тверяк*, *тверячка*), *тверитяне* (*тверитянин*, *тверитянка*), *тверичи* (*тверич*, *тверичка*) и *тверичане* (*тверичанин*, *тверичанка*) (Л-2000), к последнему списку в ГЛ-2003 добавлены также (без помет!) *тверчане* (*тверчанин*), *тверяне* (*тверянин*, *тверянка*) и *тверцы* (*тверец*).

Список в ГЛ-2003 следует оговорить. Примеры на *тверчан* взяты из центральной газеты «Правда» за 1991 г. и местной «Калининской правды» за 1995 г.; на отсутствующих в издании 2000 г. *тверян* (вероятно, составители сочили лексему устарелой) — из «Сказаний русского народа» И.П. Сахарова 1841 г. (!) и произведения современного автора К.П. Ковалева «Глагол таинственный...» (1988), где тверянином именуется Афанасий Никитин (здесь корректно именно употребление исторического, если не архаичного катойконима); *тверцы* подтверждаются примером из очерка 1989 г. писателя «деревенщика» В.В. Личутина, для творчества которого вообще характерно использование диалектизмов и архаизмов.

Поиск по тверским газетам в «Интегруме» («СМИ: Региональная пресса» и «Архивы. Региональные СМИ») показывает серьезный разброс в выборе вариантов. (К сожалению, данные по началу 1990-х гг. недоступны: глубина архива тверских газет в «Интегруме» уходит не далее 1997 г., а для ряда газет заканчивается 2004 г.)

Необходимо оговорить алгоритм поиска. Лексемы *тверяки*, *тверчане* и *тверяне* вводились без ограничений. *Тверцы* задавались только со строчной буквы, чтобы исключить вхождения, где упоминается река Тверца. Поскольку в первоначальную выдачу на слово *тверичане* попадали также *тверичи* (и наоборот), а также с целью исключения названий жительниц запросы на *тверичан*, *тверитян* и *тверичей* ограничивались (на языке запросов «Интегрума» – соответственно *тверичан** не *тверичанка*, *тверитяне* не *тверитянка*, и *тверичи* не *тверичан**). Результаты поиска отражены в табл. 7¹⁹.

Табл. 7. Названия жителей Твери

	<i>тверяки</i>	<i>тверитяне</i>	<i>тверичане</i>	<i>тверичи</i>	<i>тверчане</i>	<i>тверяне</i>	<i>тверцы</i>
Афанасий- Биржа (с 13.02.1997)	7 (0,9 %)	653 (87,8 %) [864] 37	44 (5,9 %) [89] 6	39 (0,2 %)	0	0	1 (0,1 %)
Вече Твери (с 09.06.1999)	12 (0,3 %)	32 (0,9 %) [41] 8	58 (1,7 %) [473] 295	3 403 (97,1 %)	0	1 (0,03 %)	0
Вся Тверь (12.10.1999– 30.01.2004)	9 (5,7 %)	17 (10,8 %) [22] 2	114 (72,2 %) [160] 1	17 (10,8 %)	1 (0,6 %)	0	0
Горожанин (07.03.2006– 23.10.2010)	5 (0,3 %)	412 (25,3 %) [515] 35	51 (3,1 %) [200] 93	1 162 (71,3 %)	0	0	0
Караван + Я (с 24.11.1999)	86 (4,6 %)	1 370 (73,1 %) [1946] 200	238 (12,7 %) [520] 44	178 (9,5 %)	2 (0,1 %)	0	0
Мос. комсомолец (Тверь) (с 20.07.2000)	4 (1,8 %)	64 (28,6 %) [81] 1	145 (64,7 %) [215] 21	9 (4,0 %)	1 (0,4 %)	1 (0,4 %)	0
Позиция (19.10.1999– 21.01.2004)	8 (6,3 %)	9 (7,0 %) [11] 2	10 (7,8 %) [16] 1	100 (78,1 %)	0	1 (0,8 %)	0
Тверская жизнь (с 17.01.1999)	41 (0,7 %)	5 557 (96,9 %) [7047] 806	59 (1,0 %) [325] 8	75 (1,3 %)	0	1 (0,02 %)	1 (0,02 %)
Тверские ведо- мости (с 05.11.2004)	0	353 (97,8 %) 22	3 (0,8 %) 0	5 (1,4 %)	0	0	0
СМИ: Централь- ная пресса	157 (16,1 %)	89 (9,1 %) [107]	185 (19,0 %) [290]	419 (43,0 %)	93 (9,6 %)	30 (3,1 %)	0

В таблице отсутствуют данные по четырем газетам («Аргументы и факты – Тверь», «Комсомольская правда — Тверь», «Тверская газета» и «Грудь 7 – Тверь»), доступные только в демо-версии «Интегрума». При предварительном поиске по демо-версии не задавалось запросов, исключающих формы в ж.р. Для трех из этих газет очевидно

полное предпочтение форм с каким-либо одним суффиксом: *-итянин* (*-итяне*, *-итянка*) или *-ичанин* (*-ичане*, *-ичанка*): в газете «Аргументы и факты – Тверь» (глубина архива – с мая 2008 г.) обнаруживается 408 вхождений на *тверичане* (цифры по остальным запросам не превышают 10), в газете «Комсомольская правда – Тверь» (глубина архива – с июля 2007 г.) на тот же запрос – 1 114 вхождений (остальные цифры не превышают 13), в газете «Труд7 – Тверь» за год (ноябрь 2010 г. – 2011 г.) встретилось 129 *тверичан* при отсутствии других вариантов. Не очень понятна ситуация с «Тверской газетой» (глубина архива с февраля 2004 г.): *тверяки*: 56, *тверитяне*: 449, *тверичан*: 432, *тверичи*: 275; вопрос о предпочтении форм в ж.р. остается под вопросом.

Таким образом, в Твери на сегодняшний день не сложилось единого и общепринятого названия жителей. В трех газетах из представленных в «Интегруме» лидируют *тверитяне*, в двух (а если считать газеты, доступные в демо-версии, то в пяти) – *тверичане*, в трех – *тверичи*. *Тверяки* являются скорее маргинальным вариантом, что же касается вариантов *тверчане*, *тверяне* и *тверцы*, ничтожные данные свидетельствуют об их неупотребимости.

Интересна, хотя и предсказуема, корреляция с употреблением вариантов в ж.р. В газетах, где основным именованием жителей является *тверичи*, для жительницы более предпочтительным оказывается либо вариант *тверичанка* («Вече Твери», «Горожанин»), либо практически в равной степени и *тверичанка*, и *тверитянка* («Позиция»). В газетах, где лидируют *тверитяне*, жительница скорее (или почти всегда) окажется *тверитянкой* («Афанасий-Биржа», «Караван + Я», «Тверская жизнь», «Тверские ведомости»), а газеты, именующие жителей *тверичанами*, более тяготеют к варианту *тверичанка* («Московский комсомолец – Тверь» и, вероятно, «Вся Тверь»).

Анализ материалов конкретной газеты по годам может выявить и более глубокие и частные корреляции. В табл. 8 приведены результаты выдачи по газете «Горожанин» за 2006–2010 гг. (данные по первому и последнему году в базе представлены не полностью, но вполне репрезентативны). В колонках, относящихся к вариантам *тверичане* и *тверитяне*, вначале приводятся цифры, полученные путем исключения форм ж.р., в квадратных скобках — результаты общего поиска на *тверитяне*, *тверичан** и *тверичи не тверичан** (без исключения форм ж.р.), курсивом указаны названия жительниц из выдачи с исключением форм в м.р.²⁰.

Табл. 8. Названия жителей Твери в газете «Горожанин»

	<i>тверитяне</i>	<i>тверичане</i>	<i>тверичи</i>
07.03.2006—31.12.2006	0 [3] 0	11 [75] 52	388
01.01.2007—31.12.2007	0 [1] 3	2 [38] 47	420
01.01.2008—31.12.2008	20 [23] 3	14 [45] 31	320
01.01.2009—31.12.2009	243 [312] 17	1 [6] 5	14
01.01.2010—23.10.2010	145 [176] 12	2 [4] 2	2

Таким образом, в 2006—2007 гг. в данной газете преобладал вариант *тверичи* и название жительницы *тверичанка*. В 2008 г. повышается доля *тверитян* и снижается доля *тверичей*. Наконец, после 2009 г. *тверичи* и *тверичане* вместе с *тверичанками* практически полностью вытесняются *тверитянами* и *тверитянками*. При этом изменение редакционной политики газеты не связано со сменой ее руководства: главным редактором за все это время оставался В.А. Чудин.

Еще один пример касается названий жителей Тамбова. Словари фиксируют последовательно варианты *тамбовцы* (*тамбовец*) и *тамбовчанин* (*тамбовчанин*, *тамбовчанка*) (Б-1964); в словарях 1975, 2000 и 2003 гг. к *тамбовцам* (*тамбовцу*) добавлена также *тамбовка*. Подсчет по базам «Региональные газеты» и «Архивы. Региональные СМИ» (для запроса на *тамбовчане* исключалась лексема *тамбовчанка*²¹) показывает безусловное преобладание *тамбовчан* – при заметной конкуренции *тамбовцев* в двух газетах («Аргументы и факты – Тамбов» и «Тамбовская жизнь»; в первой доля тамбовцев (30 %), соотносима с таковой в остальных региональных и центральных газетах²² (табл. 9).

Интересно соотношение вариантов в последних газетах по годам. При поиске задавались оба варианта для каждого года, затем схожие показатели за 2–3 года суммировались, кроме отдельных годов, для которых цифры особенно показательны. Данные табл. 10 иллюстрируют постепенное вытеснение *тамбовцев* со страниц «Тамбовской жизни» и резкое – со страниц тамбовских «Аргументов и фактов», где они ранее преобладали. Вероятно, причиной тому крайняя непопулярность варианта *тамбовцы* у большей части локального сообщества²³ и активная полемика в местной прессе по поводу данных вариантов.

Табл. 9. Тамбовцы vs. тамбовчане

	<i>тамбовчане</i>	<i>тамбовцы</i>	доля <i>тамбовцев</i> , %
Аргументы и факты – Тамбов (с 13.08.2002)	913	391	30,0
Тамб. жизнь (с 11.02.1993)	5 739	783	12,0
Наш голос (с 15.08.2002)	554	46	7,7
Тамб. вестник (05.01.2001– 19.08.2005)	77	4	4,9
Город на Цне (с 11.04.2000)	1 915	52	2,6
Новости (Тамбов) (09.01.2001– 29.06.2005)	434	11	2,5
Наш город Тамбов (с 29.12.2003)	2 077	47	2,2
Тамб. время (17.02.1999– 24.12.2003)	253	5	1,9
Тамб. курьер (с 19.08.2002)	2 495	44	1,7
Новая Тамбовщина (13.08.2002– 11.02.2009)	993	14	1,4
Дом в Тамбове (14.07.2003– 08.02.2006)	162	2	1,2
Тамб. меридиан (29.01.2003– 10.08.2010)	611	5	0,8
СМИ: Региональная пресса (без Тамбова)	1 890	670	26,0
СМИ: Центральная пресса	573	347	37,7

**Табл. 10. Соотношение тамбовцы/тамбовчане
в газетах «Аргументы и факты – Тамбов» и «Тамбовская жизнь»**

АиФ	1993—2001				2002—2005		2006	2007—2011
	данные отсутствуют				323/13		66/87	2/778
ТЖ	1993— 1995	1996	1997— 1998	1999	2000— 2002	2003— 2005	2006— 2008	2009— 2011
	0/3	16/ 13	163/ 347	91/ 302	211/ 1 052	161/ 1 261	91/ 1 346	50/ 1 410

Данные газет и блогосфера

Материалы газет в целом подтверждаются данными блогосферы, отражающей современный речевой узус. Мною использовался поиск по отдельным городам и регионам в «Яндекс-блогах» (Blogs.Yandex.Ru) с группировкой по авторам, исключающей тексты одного автора²⁴.

В блогах Иркутска доля непопулярных *иркутчан* составляет 4 % (*иркутяне* – 833, *иркутчани* – 35; последнее слово по преимуществу цитируется блогерами как неграмотное и оскорбительное); в блогах Кирова доля непопулярных *кировцев* (выбирались только контексты, где *кировец* не является именем собственным) составляет 0,8 % (*кировчани* – 249, *кировцы* – 2); в Петрозаводске доля непопулярных *петрозаводцев* составляет 1 % (*петрозаводчани* – 101, *петрозаводцы* – 1); в Пятигорске доля непопулярных *пятигорцев* составляет 1,8 % (*пятигорчани* – 54, *пятигорцы* – 1: комментарий жителя Украины в пятигорском блоге).

При этом доля вариантов, отвергаемых в самом населенном пункте, в других городах гораздо больше. Например, *петрозаводцев* в московских блогах уже 25,3 % (39 против 115 *петрозаводчани*), в петербургских – 23,3 % (24 и 79); доля *пятигорцев* (с вычетом контекстов, где *пятигорец* является именем собственным) в целом по России составляет 40,2 % (*пятигорцы* – 133, *пятигорчани* – 198).

О конкуренции вариантов свидетельствуют данные газет Пензы, Ставрополя, Твери и Тамбова. В местных блогах число менее употребимых *пензяков* составляет 29,6 % (*пензенцы* – 202, *пензяки* – 85), тогда как доля этой лексики в пензенских газетах составляет 23,1 %. При этом анализ указываемых в профилях пензенских блогеров данных о возрасте показывает вытеснение второго варианта первым, хотя цифры и невелики (табл. 11).

Табл. 11. Пензенцы и пензяки в местных блогах

	<i>пензенцы</i>	<i>пензяки</i>
... – 25 лет	37	3
от 26 до 39 лет	27	17
от 40 до 69	10	9

Число *ставропольцев* и *ставропольчан* в местных блогах представлено соответственно как 143 и 71 (соответственно, доля менее популярного второго варианта составляет 33,2 % – ср. 22,3 % по газетам Ставрополя: цифры не близкие, но сопоставимые).

Соотношение названий жителей Твери в местных блогах таково: *тверяки* – 20, *тверитяне* – 74 (*тверитянка* – 14), *тверичане* – 98 (*тверичанка* – 40, с исключением имен собственных)²⁵, *тверичи* – 91, *тверчане* – 11, *тверяне* – 2, *тверцы* – 0. Сравнение общих долей по вариантам названий жителей Твери в газетах и в блогах (табл. 12) демонстрирует почти идентичные данные по *тверичанам*, близкие данные по *тверякам* и практически неупотребимым *тверчанам*, *тверянам* и *тверцам*, и большее предпочтение тверскими блогерами варианта *тверичане* (по сравнению с вариантом *тверитяне*).

Табл. 12. Жители Твери в газетах и блогосфере

%	<i>тверяки</i>	<i>тверитяне</i>	<i>тверичане</i>	<i>тверичи</i>	<i>тверчане</i>	<i>тверяне</i>	<i>тверцы</i>
по газетам /	2,3 /	47,6 /	18,9 /	30,4 /	0,1 /	0,6 /	0,01 /
по блогам	6,8	25,0	33,1	30,7	3,7	0,7	0

Наконец, не слишком сильно различается и соотношение *тамбовцев* и *тамбовчан* в местных газетах и блогах: доля менее популярных *тамбовцев* в блогах составляет 14,7 % (*тамбовцы* – 25, включая контексты, где выражается уверенность в неправильности этого слова, *тамбовчане* – 145), в газетах – 5,7 %.

* * *

Данные сравнительного анализа газетных материалов базы «Интегрум» позволяют получить в целом адекватные представления об употребимости или неупотребимости тех или иных вариантов, при этом получение наиболее релевантных результатов зависит от корректности поискового запроса. В частности сравнительный анализ показывает, что в ряде городов один из вариантов является общепринятым (по крайней мере в языке местных СМИ), в других же городах процесс выбора еще не завершен. Анализ соотношения вариантов по годам не только перспективен для выявления редакционной политики конкретных газет, но и может иллюстрировать тяготение локального сообщества к тому или иному варианту.

Сокращения

Б-1964 – Словарь названий жителей (РСФСР): Около 6 000 назв. / Под ред. А.М. Бабкина. М.: Сов. энцикл., 1964. 398 с.

БЛ-1975 – Словарь названий жителей СССР: Около 10 000 назв./ Под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова. М.: Рус. яз., 1975. 616 с.

ГЛ-2003 – *Городецкая И.Л., Левашов Е.А.* Русские названия жителей: словарь-справочник: Более 14 000 назв. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 353, [5] с.

Л-2000 – *Левашов Е.А.* Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 604 с.

Примечания

- 1 Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, тема проекта «Динамика ритуально-мифологических традиций в региональных и социо-культурных контекстах конца XX – начала XXI в.»
- 2 См.: *Суперанская А.В.* Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М.: Наука, 1979. С. 103–104.
- 3 См., например: *Гладков Ф.* О культуре речи // Новый мир. 1953. № 6. С. 231–238; *Тимофеев Б.* Язык и география // Лит. газета. 27 февр. 1960. С. 3; *Беляева А.* Выгеснение суффиксов // Литература и жизнь. 1962. 25 мая. С. 2; *Суперанская А.* Что такое «чане» // Неделя. 16–22 окт. 1966 (№ 43). С. 22; *Абдуллаев А.А.* Давно ли появились -чане? // Русская речь. 1967. № 1. С. 69–70; *Петровичева Г.И.* О неуклюжих -чане и словообразовательной норме // Русская речь. 1967. № 1. С. 65–68; *Левашов Е.А.* «Москвичи и иных мест люди...» / Отв. ред. А.М. Бабкин. Л.: Наука, Ленинград. отд-е, 1968. С. 61–92 и т.д.
- 4 На основе данных изданий в постсоветскую эпоху были созданы словари (ЛЛ-2000, ГЛ-2003).
- 5 Слова с пометой *местн.* понимаются лексикографами как употребляющиеся преимущественно в устной речи местного населения, хотя в действительности они могут быть локально нормативными и использоваться в местной прессе и официальных текстах (см. об этом: *Ахметова М.В.* Топонимическая лексика: региональная норма и данные словарей // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 289–295.
- 6 Критика этого подхода нашла отражение в некоторых рецензиях и отзывах на словарь (например: *Таланов А.* [Рец. на: Словарь названий жителей (РСФСР). М.: Сов. Энциклопедия, 1964] // Новый мир. 1964. № 8. С. 285–286; *Суперанская А.* Что такое «чане»...).
- 7 См. об этом: *Ахметова М.В.* «Своя» и «чужая» грамматика: случай города Бологое // Антропологический форум. № 15. 2011. С. 157–170.
- 8 В XVIII – начале XIX в. наиболее продуктивным для образования катойконимов был суффикс -анин (-ане); в XIX в. окончательно утверждается продук-

- тивность суффикса *-еи*; в XX в. широкую продуктивность получает суффикс *-чанин (-чане)* (Даниленко В.П. Имена собственные как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики русского языка. М.: Наука, 1964. С. 85—86; Левашов Е.А. «Москвичи и иных мест люди»... С. 62—67).
- ⁹ Плузняк В. «Интегрум» и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава; Вступит. ст. Вяч.Вс. Иванов; Предисл. А.Я. Шайкевич. М.: Летний сад, 2006. С. 76—84.
- ¹⁰ См., например: Беликов В.И. С сотового на мобильный // *Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина*. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 61—67.
- ¹¹ Никипорец-Такигава Г. *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки*... С. 7.
- ¹² Точной статистики у меня нет, но это бросается в глаза при просмотре списка источников, где для каждого из изданий указывается глубина архива.
- ¹³ Искренне благодарю В.И. Беликова за данную информацию, а также ряд других полезных замечаний, высказанных во время обсуждения статьи.
- ¹⁴ При подсчете процентов значения округляются до десятой доли процента, кроме тех случаев, когда соотношение составляет от 1 до 9 сотых процента.
- ¹⁵ Впрочем, иногда позиция редакции в этом отношении может быть жесткой. Пример из личного опыта: в 2011 г. я участвовала в конференции в Твери, после которой организаторы попросили меня написать отзыв для газеты. В моем тексте использовалось слово *тверичи*, которые в публикации были исправлены на *тверитян* («Тверская жизнь», 05.03.2011).
- ¹⁶ Моисеева Е.С. Соотношение ойконимической и патронимической субстантивной лексики // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2010. № 15 (19). С. 34.
- ¹⁷ Катлинская Л.П. И все-таки *пятигорцы*, а не *пятигорчане!* // *Русская речь*. 1992. № 5. С. 46—47.
- ¹⁸ Например, в мемуарной повести Б.Н. Полевого (с 1913 по 1941 гг. жил в Твери/Калинине) «До Берлина – 896 километров» (1973) упоминается «Борис Николаевич Николаев, наш тверяк, с которым мы дружили еще на Калининском фронте». Впрочем, не очень понятно, что в данном случае имеется в виду под *тверяком* – житель/уроженец города Твери либо бывшей Тверской губернии.
- ¹⁹ В колонках, где приводятся данные по *тверичанам* и *тверитянам*, после числа вхождений и указанием процентов в квадратных скобках указываются данные по общему числу вхождений на запросы *тверичан** и *тверитяне* (чтобы более наглядным был разброс между предпочтением в употреблении лексем с разными суффиксами, с одной стороны, форм м.р. и общего названия жителей во мн.ч., а с другой, форм ж.р.). Поиск по названиям жилищниц дал не такие наглядные результаты, поскольку для корректной выдачи приходилось исключать катойконимы в м.р., что приводит к выпадению текстов, где, например, *тверичане* и *тверичанки* упоминались в одном документе. Цифры на ж.р. в соответствующих колонках приводятся курсивом (для *тверичанки* поиск проводился только со строчной буквы, чтобы исключить многократные упоминания женской баскетбольной команды «Тверичанка» и спорткомплек-

- са «Тверичанка» – однако таким образом выпадают и документы, в которых с данного слова начинается предложение).
- ²⁰ Цифры, выдаваемые «Интегрумом» на запрос по годам, в сумме несколько отличаются от статистики по газете «Горожанин» за все годы, приведенной в табл. 7. Это связано с некорректной работой «Интегрума» (которая, впрочем, на результаты в данном случае влияет незначительно).
- ²¹ При сравнении упоминаний в газетах *тамбовок* и *тамбовчанок* первых пришлось считать только со строчной буквы для исключения омонимии («Тамбовка» – популярное именование газеты «Тамбовская жизнь»); соотношение 12 к 996 показывает очевидную непопулярность *тамбовки*.
- ²² Лексема *тамбовицы* в центральных и остальных региональных газетах считалась со строчной буквы, чтобы исключить вхождения на фамилию Тамбовцев.
- ²³ Ср., например: «...Преподаватели Института филологии ТГУ им. Г.Р. Державина, как, впрочем, и многие другие языковеды, считают, что со временем одна норма легко заменит другую, тем более, что “тамбовчанин” и “тамбовчанка” гораздо благозвучнее “тамбовца” и “тамбовки”» («АиФ – Тамбов», 14.06.2006) и т.д.
- ²⁴ Все поиски по блогам проводились 7 апреля 2012 г.
- ²⁵ В отличие от «Интегрума», Яндекс выдает отдельно результаты по названиям жителей и жительниц.

Конструирование и имитация как стратегии овладения синтаксисом¹

Статья посвящена рассмотрению особенностей детской речи на этапе перехода от однословных высказываний к двусловным. На материале речи двух детей выявляется два механизма, позволяющих объединять слова в высказывании: имитация (механизм, подразумевающий систематическое воспроизведение ребенком готовых фрагментов речи взрослого или своей собственной) и конструирование (самостоятельное построение ребенком высказываний, не имеющих образцов в речи взрослых). Прослеживается взаимосвязь между преобладающей стратегией и такими аспектами развития языка, как состав раннего словаря и активность ребенка в диалоге; а также описываются происходящие на разных языковых уровнях изменения, сопровождающие переход от одной стратегии к другой.

Ключевые слова: усвоение языка, синтаксис, индивидуальные стратегии.

Переход от однословных высказываний к многословным подразумевает существование промежуточного периода, включающего в себя формирование предпосылок к употреблению ребенком нескольких слов подряд и овладение механизмом объединения слов в целостное построение. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проследить, как происходит формирование и запуск этого механизма у детей, усваивающих русский язык, и понять, что именно движет ими и помогает в этом процессе. Такая постановка вопроса требует от исследователя ответа на целый ряд вопросов, из которых в нашей работе будут затронуты следующие.

1. Существует ли связь между особенностями овладения синтаксисом и особенностями усвоения единиц других уровней?
2. Каковы механизмы, позволяющие ребенку прийти к объединению отдельных слов в высказывание?
3. Что общего и различного в формировании и запуске этих механизмов у разных детей?

Представляется целесообразным подробно рассмотреть такие аспекты языкового развития, как ранний лексикон ребенка и его

поведение в диалоге, чтобы на основе их сопоставительного анализа предложить наш вклад в разрешение поставленных вопросов.

Материалом исследования послужили записи речи двух русскоязычных детей (Вани Я. и Лизы Е.²), которые шли к освоению синтаксиса разными путями, особенно ярко различавшимися в период до 2-х лет. Эти пути представляется возможным описывать как две различные доминирующие стратегии – конструирование и имитация.

Речь Вани и Лизы уже неоднократно становилась объектом лингвистического описания, и в работах разных исследователей они фигурируют как представители различных, и даже почти полярных, стратегий усвоения языка. Так, Г. Р. Доброва³ на основании анализа раннего словаря и грамматических категорий сопоставляет Ваню и Лизу как детей «экспрессивного» и «референциального» типа (по классификации К. Нельсон⁴). Автор предлагает объяснять видимое «отставание» Вани от других детей использованием иной стратегии, благодаря которой недостаточность таких показателей, как объем лексического запаса, наличие падежных и глагольных маркеров и средняя длина высказывания в морфемах, компенсируется общим умением ориентироваться в ситуации, чем, в частности, облегчается усвоение личных местоимений и терминов родства. Наша работа продолжает ряд исследований, посвященных индивидуальным стратегиям в усвоении языка детьми.

Ранний словарный запас

Активный лексикон детей довольно сходным образом описывается в работах многих исследователей. Предлагаются различные классификации первых слов, в которых обычно выделяются термины родства, имена/названия животных и игрушек, движущиеся предметы, обозначения действий, слова для социального взаимодействия и некоторые другие⁵. На материале первых слов (число «первых» слов варьируется в разных работах от 10 до 100) активного лексикона высказываются предположения об общей когнитивной стратегии ребенка – референциальной или экспрессивной. Под стратегией понимается «способ контроля информации и управления ей», который «отражает генетически заданную предрасположенность или усваивается в процессе взаимодействия организма со средой»⁶ (вопрос о природе стратегии остается открытым). К. Нельсон описывает референциальную стратегию как подразумевающую использо-

вание языка, обращенное вовне, на окружающую действительность (object-oriented language), в то время как экспрессивная стратегия свидетельствует о большей степени обращенности языка на самого говорящего (self-oriented language). Поэтому для раннего словаря детей, пользующихся референциальной стратегией, характерна большая доля слов для обозначения предметов, а для детей с экспрессивной стратегией – преобладание единиц, служащих для взаимодействия с другими людьми (имена лиц, слова для выражения чувств и потребностей, этикетные слова, показатели согласия / несогласия и т. д.).

Рассмотрим состав раннего словаря Вани и Лизы. Наличие / отсутствие слов той или иной функционально-семантической группы в активном словаре каждого из детей отмечено в Таблице 1.

Таблица 1. Состав раннего активного словаря Вани и Лизы⁷

Категории слов	Ваня	Лиза
1. Термины родства (<i>мама, папа</i>), иные обозначения лиц (<i>дядя, тетя</i> , имена собственные и т.д.)	+	+
2. Обозначения животных, игрушек, движущихся объектов, предметов небольшого размера	+	+
3. Звукоподражания (ответ на вопрос <i>Как ... делает?</i>)	+	+
4. Действия	+	+
5. Требование / просьба	+	+
6. Согласие, несогласие	+	–
7. Дискурсивные маркеры	+	–

Отметим черты сходства, не вошедшие в таблицу. Во-первых, речь обоих детей сопровождается жестами, и на этапе однословных высказываний отмечены употребления жестов в сочетании со словами. Во-вторых, у Лизы и Вани в составе лексикона имеются как слова, употребляемые только для обозначения действия, предмета (лица) или действия, так и слова, функции которых варьируются от контекста к контексту. Состав обозначений лиц и действий (группы 1, 4) у двух детей в целом сходный.

В группе 2 у Лизы отмечено большое количество названий для нарисованных / изображенных объектов, в то время как у Вани преобладают небольшие движущиеся предметы.

Звукоподражания (группа 3) имеются у обоих детей, но в Лизином исполнении они звучат более отчетливо; Лиза, как правило, охотно отвечает на вопросы взрослого о звуках, издаваемых животными, Ваня же нередко выражает нежелание отвечать на подобные вопросы.

Слова, «специализирующиеся» на выражении требования / просьбы (группа 5), имеются у обоих детей. Однако в Лизином лексиконе больше слов, закрепленных за видом действия, совершения которого ожидает от взрослого ребенок (дать, одеть, посадить на стул, назвать незнакомый предмет и т. д.), в то время как Ваня обходится одним словом (*дай*) в различных ситуациях (просьба открыть коробочку, достать машинку и пр.). Полисемия слова *отдай* [*адай*] (при отсутствии *дай*) отмечена и у Лизы, но только в возрасте 1;6^s (об этом далее).

Наконец, самое яркое и важное для нас различие заключается в том, что в лексиконе Лизы отсутствуют показатели согласия / несогласия и иные «регуляторы» общения (группы 6, 7). Первое (повидимому, единичное) употребление *да* отмечено в возрасте 1;6-1;7 как 76-е слово (до этого – в ответе-цитате: *Есть хотите? – Да-да-да*), однако после слово опять в течение долгого времени не употребляется; показателей несогласия нет вовсе. В Ваниной же речи показатели согласия / несогласия регулярно частотны, причем показатели несогласия (*э-а*, *у-у*) употребляются и как показатели нежелания отвечать на вопрос взрослого или поддерживать разговор на предложенную взрослым тему. Отмечены и различные способы привлечения внимания собеседника к предметам (*О! Э!*), сочетающиеся с указательными жестами (ср. комментариев в записях, относящихся к возрасту 1;8.1: «Когда Ваня показывает на что-то или хочет обратить внимание взрослого на что-то, то он восклицает – *о*, *у*, *э*; иногда получается средний звук между *о* и *у*»).

Анализ раннего словаря позволяет отнести Ваню к детям экспрессивного типа (ориентация на говорящего, регуляция процесса общения), а Лизу – к детям референциального типа (стратегия использования языка, обращенная вовне, в окружающую действительность). Дальнейший рост словаря подтверждает эту закономерность: у Вани растет число единиц, используемых для побуждения и для регулирования процесса коммуникации, происходит дифференциация дискурсивных маркеров (указание, привлечение внимания, отрицание, отказ, требование), у Лизы расширяется набор слов для описания различных ситуаций (предметы, действия, признаки).

Активность в диалоге

При знакомстве с записями речи Вани и Лизы нередко возникает ощущение «ясности», «правильности» речи Лизы и «непонятности» речи Вани. И действительно, в записях Вани зафиксированы случаи откровенного непонимания со стороны взрослых.

В. (мама): *Ваня, что ты хочешь?*

Р. (глядя на маму): *Пру-у.*

В.: *Ваня, учись говорить. Потому что я тебя не понимаю.*

1;8.7⁹

В. (бабушка): *Вытащи игрушку изо рта. А то непонятно, что ты говоришь. И так не понять тебя.*

1;9.22

Лиза, напротив, часто слышит от взрослых подтверждение правильности произносимого и похвалу. Повтор мамой того или иного слова выполняет и корректирующую функцию: так мама дает Лизе возможность услышать его верное звучание.

В. (мама): *Лиза, а бабочку ты видела сегодня? Какая была бабочка?*

Р.: *Красавица.*

В.: *Красавица, правильно.*

Р. (говорит, держа лейку в руках): *Лейка.*

В.: *Это лейка. Ты все помнишь уже.*

1;8.30

Однако вывод о том, что Лиза обладала большими по сравнению с Ваней диалогическими умениями, был бы односторонним, если не вовсе ошибочным. Рассмотрим поведение Вани и Лизы в диалоге, обратив внимание на степень их активности и самостоятельности.

Приведем фрагмент диалога Вани с бабушкой (Ваня пытается объяснить, что он хочет играть: ехать на машинке, используя в качестве машинки диванную подушку).

Р. (заглядывает за диван, громко повторяет): *У-у. Бруу. Бруу. Бруу. Баба. Баба. Баба.*

В. (бабушка): *Что ты хочешь?*

Р.: *Брудидиш. Бруммм.*

Похожими звукокомплексами обозначается все, что связано с машиной и ездой на ней. Комментарий в записях: «Ваня заглядывает за диван, прыгает, похоже, что там за диваном машинка, Ваня просит ее достать».

Р.: *Баба. Баба. Баба.*

В.: *Что бабушка?*

Р.: *Баба.*

В.: *Что надо сделать?*

Р.: *Бруммм.*
 В.: *Машину?*
 Р.: *Да.*
 В.: *Какую машину?*
 Р. (показывает за диван): *У.*
 1;8.22

Приведенный диалог показывает, что в разговоре Ваня не менее инициативен, чем бабушка: если ее активность выражается в постоянных вопросах (при этом многие реплики ребенка остаются без ответа), то ему принадлежит значительное число инициальных побудительных реплик (они сгруппированы в начале приведенного диалога), обладающих силой вынуждения¹⁰. Ребенок побуждает взрослого к некоторому действию, причем для побуждения используются и нерасчлененные имена ситуаций (*бруу*), и имена лиц, которые, по мнению Вани, должны выполнить это действие (*баба*). И те и другие слова обозначают целую ситуацию, которая имеет место или должна иметь место. Эти слова часто вызывают переспросы со стороны взрослого; отметим, что многие из вопросов взрослого представляют собой переспросы, т. е. являются истинными запросами информации, свидетельствуют о желании взрослого понять, что хочет сказать ребенок, а не проконтролировать его речевые или какие-либо другие умения.

Ситуации, когда взрослый не понимает ребенка, в Ванином случае могут быть связаны как с особенностями произношения, так и с «вольным» (не соответствующим системе языка) семантическим и прагматическим наполнением единиц.

Сопоставим эти характеристики с отличительными чертами речи Лизы, для иллюстрации которых приведем фрагмент из диалога Лизы с мамой.

Лиза и мама на даче, у Лизы в руках лейка.
 В.: *Что еще полила?*
 Р.: *Огурчики [игигики].*
 В.: *Что еще, маленький мой?*
 Р.: *Огурчики [игигики].*
 В.: *Опять огурчики?*
 Р.: *Астрочки [асити].*
 В.: *Астрочки полила, да? Что еще? Где ты воду набираешь?*
 Р.: *Тазике.*
 В.: *В тазике?*
 Р.: *Там. Там.*
 Лиза бежит к тазике с водой.
 В.: *Там. Покажи, где ты там.*
 Р.: *Тазике.*

В.: *В тазике.*

Лиза подходит к тазу с водой.

Р.: *Много. Много.*

В.: *Много, да?*

Лиза набирает воду в лейку.

В.: *Ну покажи, сколько набрала воды?*

Р.: *Воды. Много. Много.*

1;8.30

Реплики Лизы – в основном ответы на вопросы контролирующего характера и реплики-имитации. Лиза не уходит от разговора, напротив, с удовольствием в нем участвует, однако с точки зрения поддержания разговора и инициирования новых тем ее участие пассивнее, чем вклад Вани. Следствием этого можно считать и большую понятность речи Лизы по сравнению с речью Вани. Даже если произношение нельзя назвать ясным, большинство слов понятно благодаря тому, что Лиза имитирует слова взрослого или повторяет свой собственный ответ; непонятные же слова и реплики мама теоретически может оставить и без реакции, поскольку в них не содержится требования совершить какое-либо действие и ребенок не настаивает на непременном правильном понимании.

Следовательно, можно говорить о двух стратегиях ведения диалога, характерных для Вани и Лизы: Ванино взаимодействие со взрослым более ориентировано на реализацию собственных идей / действий, в то время как Лизе более свойственно следовать за инициативой взрослого.

Совместное рассмотрение раннего активного лексикона и прагматики реплик, принадлежащих в диалоге ребенку, выявляет изначальную взаимосвязь между лексическим и прагматическим планами (и при этом ничего не говорит о первичности какого-либо из них). Ориентация на себя или на окружающую действительность как общая стратегия отражается и в раннем лексиконе, и в способе ведения диалога. Перейдем теперь к рассмотрению стратегий соединения слов во фразе, характерных на ранних этапах для Вани и Лизы (для простоты обозначим их соответственно как конструирование и имитация), и попытаемся проследить взаимосвязь лексики и прагматики с синтаксисом.

Конструирование: Ваня

Первые двусловные высказывания появляются в речи Вани в 1;11, и значительная часть их содержит слово *дай*. Поэтому пред-

ставляется целесообразным обратить внимание на текстообразующие потенции этого слова: как развивается диалог, инициированный Ваниным *дай*, на этапе однословных высказываний. Это важно для того, чтобы проследить, как в лексиконе ребенка формируются синтагматические связи между словом *дай* и другими единицами и, следовательно, как образуются первые двусловные высказывания.

Одна из реакций взрослых на Ванино *дай* – переспрос. Здесь особенно важную для усвоения языка роль играют ответы на диктальные вопросы, когда ребенку приходится употреблять уточняющие слова или как-то иначе выходить из положения.

В первые месяцы записей самая частотная реакция на частичный диктальный вопрос (*Что тебе дать?*) – указание на желаемый предмет. Указательный жест естественным образом воздействует на речевое поведение взрослого: взрослый называет желаемый объект и тем самым дает ребенку образец правильности. Однако если взрослый не сразу догадывается, на что указывает ребенок, или, к примеру, желаемый предмет отсутствует в пределах видимости, то ребенок сам вынужден попытаться назвать нужный ему предмет. В следующем фрагменте диалога представлен как раз такой вариант построения текста: после неудачных попыток взрослого «отгадать» нужный объект ребенок сам называет его.

Ваня показывает рукой на стол.

Р.: *Дай.*

В. (мама): *А что тебе дать?*

Р. (смеется): *Ха-а.*

В.: *А что ты смеешься?*

Ваня снова показывает рукой.

Р.: *Дай.*

В.: *Покажи.*

Ваня показывает на стол.

В.: *Стакан дать? Булку дать?*

Р.: *Блям. (Масло.)*

В.: *Блям? Да? Возьми. Только масла нет. Масло кончилось.*

1;8.7

По наблюдениям М. Томаселло¹¹, подобная модель диалога составляет основу для будущих комбинаций слов (*word combinations*) – первых высказываний, представляющих ситуацию в расчлененном виде.

Однако не всегда за словом *дай* следует переспрос со стороны взрослого, и уж тем более не всегда следует выполнение желаемого действия. В таких случаях Ване приходится занимать более активную в коммуникативном плане позицию. Так возникают диалоги, в

которых ребенок произносит несколько инициальных (побудительных) реплик подряд. Это скорее псевдиалог, «дуэт», где каждый участник ведет свою партию независимо от другого, выстраивая свой собственный текст. Н. И. Лепская¹² использует термин «дуэт» для обозначения одной из форм коммуникации на доречевом этапе; однако эта форма остается актуальной и на речевом этапе развития ребенка, о чем свидетельствует следующий диалог.

Ваня нашел кузов от машины, пытается в кузов вставить основу машинки, то есть собрать машину.

Р. (несколько раз): *О.*

В. (бабушка): *А, надо починить. Кузов сделать?*

Р.: *Дай.*

Ваня показывает на полку, ему что-то нужно; бабушка ремонтирует машину, не обращает на Ваню внимания.

В.: *Я нашла шину.*

Р.: *Дай. О. О.*

Ваня продолжает показывать на полку, настойчиво просит.

В.: *Ваня, смотри-ка, вот это шина.*

Р.: *О.*

В.: *Смотри, бабушка чинит как. Видишь, вот это покрывка с колеса. Надо ее надеть. О, видишь? Починила бабушка.*

Р.: *Баба. О.*

Показывает на полку, залезает на диван, тянется к полке.

Р.: *Дай.*

В.: *Что тебе дать?*

Р.: *О. О. Овав.*

В.: *Овав. Что это такое – «овав»?*

Ваня берет с полки банку, рассматривает ее содержимое.

Р.: *О.*

Ваня достает монетки.

1;8.22

Из инициальных высказываний Вани складывается целый текст (*Дай. Дай. О. О. О. Баба. О. Дай.*), который на фоне речи бабушки, все это время продолжающей говорить о другом, очевидно прочитывается как настойчивая просьба. По-видимому, ситуации, когда взрослый никак не реагирует на просьбу ребенка, побуждают последнего изыскивать все возможные средства для привлечения внимания. Следовательно, такие ситуации способствуют формированию линейных (синтагматических) связей между имеющимися в лексиконе словами. Ребенок выстраивает длинную цепочку фраз, обрывая, перебивая взрослого, в борьбе за свое мнение и свои интересы. Так, парадоксальным образом, ребенок учится языку не

только *благодаря* речевой и поведенческой тактике взрослого, но и *вопреки* ей.

Анализ цепочек, состоящих из побудительных реплик (пусть и менее продолжительных, чем приведенная выше), выстраиваемых Ваней в подобных ситуациях, позволяет выявить механизм формирования комбинаций слова *дай* с другими компонентами. Рассмотрим еще один диалог.

Ваня выразительно смотрит на бабушку, повторяя *бруу*.

Р.: *Бруу. Бруу. Бруу.*

В. (бабушка): *Что?*

Р.: *Бруу.*

В.: *Что?*

Р.: *Бруу. Бруу. Бруу. Бруу.*

Ваня показывает под столик пальцем.

В.: *Машинка туда закатилась?*

Р.: *Дай [дям].*

В.: *Дать?*

Р.: *Да.*

В.: *Сам возьми.*

1;8.10

После неудачных попыток объяснить бабушке свое пожелание при помощи слова *бруу*, которое потенциально может обозначать и предмет, и действие, Ваня использует слово *дай*. Этот фрагмент хорошо иллюстрирует, как складывается конкуренция голофраз. Словом *бруу* Ваня, очевидно, не просто называет машинку, как если бы он рассматривал картинки в книжке, но указывает на определенную ситуацию и одновременно просит определенного действия – достать машинку из-под столика. Понимания со стороны бабушки (хотя и не выполнения действия) он достигает при помощи другой голофразы – *дай*. Отметим, что оба средства выражения имеют одно и то же (или по крайней мере сходное) содержание: выражают побуждение к одному и тому же действию, т. е. с прагматической точки зрения могут считаться синонимами. Так, у ребенка складывается навык просить об одном и том же разными способами, и в ситуациях, когда есть риск остаться непонятым или не услышанным, он словно перебирает все имеющиеся возможности.

Впоследствии эти конкурирующие друг с другом «синонимы» становятся частью единого целого, членами одного предложения. Иными словами, прежние члены парадигмы объединяются в синтагму. Первые двусловные высказывания, употребляемые Ваней, состоят из того же лексического материала, что и цепочки однословных побудительных высказываний: так, например, фраза *Бруу дай*

(дай машинку, давай поедem на машине, давай играть с машинкой и т. п.) не единожды отмечена в речи Вани в возрасте 2;0–2;2. Есть и другие примеры дву- и многословных высказываний, относящиеся к этому периоду: *На дачу дай* (давай поедem на дачу); *Сломал э-а* (я не сломал / это сломал не я); *Рисуй здесь э-а* (здесь рисовать не будем); *Щуку еще баба* (требование, чтобы бабушка нарисовала щуку); *Наверх клоун баба. Дай. Голову* (требование, чтобы бабушка сняла деталь – голову с клоуна-пирамидки).

Лексические совпадения с однословными высказываниями и абсолютное преобладание высказываний, выражающих побуждение, дают основания считать, что линейные связи, накопленные в период однословных высказываний, действительно играют значительную роль в становлении синтаксиса, а период комбинаций голофраз образует зону качественного перехода от однословных высказываний к двусловным. Такая стратегия соположения слов может называться конструированием, потому что модели, по которым построены эти высказывания, отсутствуют в речи взрослых, Ваня конструирует их самостоятельно.

Имитация: Лиза

Первые двусловные высказывания Лизы во многом похожи на высказывания Вани, однако наблюдаются и существенные различия.

В дневниковых записях, относящихся к возрасту 1;6.20, отмечено высказывание *Мама, отдай!* В его трактовке взрослым выражается некоторое сомнение: «Без паузы, четко, но что просит – неясно, так как я только что дала ей киви; кажется, первое двусловное высказывание». В дневнике также зафиксировано, что слово *отдай* [*adaɪ*], которым было замещено слово *дай*, использовалось Лизой для выражения самых различных просьб и комментариев к собственным действиям: так Лиза просила расстегнуть липучку на кроссовке, достать закатившийся мячик, одеть ее, пыталась оторвать бантик у медвежонка. В полифункциональности слова *дай* / *отдай* заключается одна из особенностей речи, сходных у Лизы с Ваней (такая полифункциональность характерна и для многих других детей, усваивающих русский язык). Однако, в отличие от Вани, Лиза довольно редко употребляет этот глагол, а для выражения просьб использует иные средства, закрепленные за соответствующими ситуациями. Другое отличие состоит в том, что в речи Лизы не происходит варь-

рования какого-либо из компонентов фразы: высказываний вроде *Папа, отдай* не отмечено; возможно, это связано и с тем, что просьба вообще не входит в состав частотных речевых тактик Лизы.

Следующая серия двусловных высказываний у Лизы содержит общий компонент (оператор) *бай*: *Папа бай* – 1;8; *Баба бай*; *Дида бай* – 1;9 (высказывания отмечены в записях, относящихся к разным дням). Эти высказывания, как и рассмотренные высказывания Вани, сконструированы Лизой самостоятельно, а не являются результатом имитации.¹³ Высказывания этой серии являются описаниями (а не просьбами или требованиями); как было показано ранее, этот прагматический тип высказываний в речи Лизы наиболее многочислен. Однако подобная модель построения высказываний, основанная на механизме конструирования, не получает дальнейшего развития. Для выражения сложных значений Лиза поначалу обходится комбинациями синтаксем (*Дает... маме... на!*; *Залез... кот. Залез... на дерево* – возраст 1;10), где границы между компонентами отмечены паузами. Высказывания, не имеющие пауз, возникают на основе другого механизма, – имитации, или цитирования.

Как отмечает М. Б. Елисеева, после 1;7 у Лизы возникает механизм самостоятельной имитации, когда девочка «начинает повторять сама, без нашего побуждения, любое понравившееся ей слово»¹⁴. Наряду с этим происходит лексический (1;8) и морфологический (1;9) взрыв. После 1;9 почти ежедневно фиксируются двусловные высказывания, а вскоре появляются и трехсловные и другие многословные. Здесь можно говорить о том, что имитация проникает в синтаксис и вытесняет процесс самостоятельного конструирования.

Проиллюстрируем имитативный процесс фрагментом диалога Лизы со взрослым.

В. (мама): *А кого тебе дать?*

Р.: *Кенгуренка [гагая].*

В.: *Скажи: дай, пожалуйста.*

Р.: *Пожалуйста [баятия].*

В.: *Скажи: дай, пожалуйста, мамочка.*

Р.: *Мамочка.*

Мама дает Лизе кенгуренка.

В.: *На.*

Р.: *На.*

1;10.12

В данном случае имеет место вынужденная имитация, причем очевидно, что имитируемый компонент выбирается довольно случайно: как правило, это последнее (наиболее интонационно выделенное или просто ближайшее оставшееся в памяти) слово пред-

вдущей реплики. Следующий фрагмент, относящийся к этому же периоду, иллюстрирует самостоятельное использование ребенком имитативной стратегии.

Лиза встала в кресле на ноги.

Р.: *Бойтся бойтся.*

В. (мама): *Правильно бойтся. Можно упасть.*

Р.: *Упасть. Упасть. Упасть.*

Лиза села в кресло.

Р.: *Сама сама.*

В.: *А что сама?*

Р.: *Прыг.*

В.: *Лиза девочка большая. Может прыгать вполне.*

Р.: *Вполне.*

Лиза продолжает ползать по креслу.

Р.: *Баить баить баить.*

1;10.18

Этот диалог позволяет заметить особенности имитативного поведения, свойственного ребенку. Лиза имитирует не только взрослого (из речи которого так же, как и при вынужденной имитации, выделяет последние слова), но и саму себя. В классификации К. Нельсон эти виды имитации различаются функционально. Автор утверждает, что наличие / отсутствие имитации взрослых (imitation) напрямую не связано с усвоением грамматики, а лишь свидетельствует о способности ребенка к запоминанию слов (заметим, лексический взрыв у Лизы начинается спустя месяц после первого случая имитации), в то время как повтор собственной речевой продукции (repetition) позволяет ребенку практиковаться в использовании усвоенных единиц¹⁵. Одним из результатов подобной «практики» можно считать расширение синтагматических границ фразы. Этот «прием» исчезает, когда для Лизы уже не составляет трудности произнести двусловное высказывание и когда двусловные и многословные высказывания становятся нормой речи.

К. Нельсон выделяет еще одну функцию повторов: они могут служить для выделения важной информации. Действительно, в ситуациях, относящихся к возрасту 1;10, можно заметить, что удвоение компонента происходит тогда, когда ребенок выражает собственное намерение или совершает попытку осуществить какое-либо действие, а также при поисках интересующего ребенка предмета. Можно предположить, что этим способом «маркируется» новая для Лизы (ранее нечасто реализуемая) прагматическая функция – разговор о себе и предложение собственной темы разговора.

Лиза забралась в кресло.

Р.: *Села.*

Слезла с кресла, направляется к стулу.

Р.: *На стул на стул [атяю атяю].*

В. (мама): *Ты хочешь под стул?*

Р.: *На стул [атяю].*

В.: *Или на стул?*

Р.: *На [ня].*

Пытается залезть на стул.

Р.: *Залезть залезть [зяить зяить].*

1;10.18

Большая масса двусловных высказываний появляется как результат цитирования – идет ли речь о полном повторе фразы взрослого или фрагмента литературного произведения. Однако бросается в глаза, что многие цитаты используются не в изначальном виде, а с измененным порядком слов: это также может свидетельствовать о «тренировке» Лизы в построении предложений из готового материала.

Лиза листает книжку и комментирует.

Р.: *Бегемота тащить [гиминятя тасить].*

В. (мама): *Из болота тащить бегемота, да.*

<...>

Продолжает листать, увидела сказку про тараканище.

Р.: *Жуют пряник.*

В.: *А, пряник жуют.*

2;0.8

Конечно, не все Лизины двусловные высказывания столь очевидно копируют литературные произведения или речевую продукцию ее матери. Вместе с тем преобладание имитации в Лизином синтаксисе в этот период очевидно, даже если не всегда можно восстановить, из каких исходных фрагментов создается то или иное высказывание. Косвенным доказательством имитативной стратегии можно считать понятность речи Лизы. Благодаря тому, что большинство высказываний строится из недавно прозвучавших слов или единиц, контекст употребления которых мама без труда вспоминает, речь Лизы создает впечатление более понятной, нежели речь Вани (несмотря на то, что фонетический облик слов бывает весьма далек от оригинала, к тому же девочка меняет стратегию со звуковой на слоговую). Однако было бы неправильно говорить о том, что Лиза отказывается от стратегии конструирования и пользуется только имитативной стратегией. По-видимому, она постепенно движется к

нахождению оптимального соотношения между ними, и пока оно не найдено, «непонятные» или «неправильные» высказывания в речи Лизы продолжают существовать, чем подтверждается использование стратегии конструирования.

В. (мама): *Давай уберем книгу про котов.*

Лиза несет книгу к книжному шкафу.

В.: *Ты хочешь ее на место поставить?*

Р.: *Место про кота место.*

2;0.8

Совмещение имитативной и конструктивной стратегий особенно очевидно, когда цепочка высказываний связывается неким стержневым компонентом, который заимствуется из одной фразы в другую. Каждое высказывание, таким образом, состоит из одной «константы» и одной «переменной», причем в следующем высказывании переменная может стать константой, опорным компонентом.

Лиза и мама рассматривают книжку.

В. (мама): *А это?*

Р.: *Улиточка.*

В.: *Улиточка.*

Р.: *Грибке улиточка. Ползет улиточка.*

В.: *Ползет. Правильно.*

Р.: *Гусеница не ползет.*

В.: *Не ползет гусеница, ты считаешь?*

2;0.28

Постепенно дву- и многословные высказывания Лизы становятся все более похожими на высказывания взрослых. Заметим, что, как и в случае с Ваней, расширение границ затрагивает в первую очередь тот прагматический тип высказываний, который был наиболее частотным в ранней диалогической практике ребенка, а именно – высказывания, служащие для описания окружающей действительности.

На пути к совмещению стратегий

Как уже было отмечено выше, применение ребенком стратегии конструирования на практике может проявляться в непонятности его речи для окружающих, так как взрослые не улавливают в детских фразах фрагментов собственной речи. И действительно, речь Вани в течение многих месяцев (с 1;5 до 2;2) понятна практически исключительно тем взрослым, которые проводят с ним много

времени. Далее наступает период быстрого накопления словарного запаса («лексический взрыв»), и происходящие при этом изменения затрагивают не только лексикон и грамматику, но и собственно коммуникативное поведение мальчика. Проиллюстрируем некоторые особенности речи и общения, которые начинают проявляться у Вани после 2;2 и, на наш взгляд, свидетельствуют об активизации имитативной стратегии.

Повторы. В репликах Вани появляются повторы за взрослым (иногда неполные).

В. (бабушка): *Ты мне еще вот эти кубики дай.*

Р.: *Вот эту.*

2;3

Ребенок повторяет в том числе те фрагменты, смысл которых ему, возможно, не до конца ясен.

В. (папа): *Смотри я какую башню построил. Иди сюда, ее ломать будешь?*

Р.: *Да.*

В.: *Ломай.*

Ваня ломает башню.

Р.: *Ломать еще.*

В.: *Ломать не строить.*

Р.: *Ломать строить.*

2;3

Кроме того, в речи Вани появляются фразы, очевидно, услышанные от взрослых в сходных ситуациях прошлого и воспроизводимые целиком.

Р.: *Кран не починить.*

В. (бабушка): *Да, не починить уже.*

Р.: *Металлолом один.*

В.: *Один металлолом остался от этого крана.*

Р.: *Чинить...* (Фразу не заканчивает). *Починить э-а.*

2;3

В последнем диалоге примечательно, что Ваня пользуется двумя различными формами отрицания: в первой фразе – нормативной (по-видимому, эта фраза воспроизводится целиком), в последней – самостоятельно сконструированной. Само по себе существование двух типов форм заставляет предположить, что источники их происхождения различны.

Автоцитация. В Ваниных высказываниях встречаются не только цитаты из речи взрослых, но и повторы его собственных слов и фраз.

Р.: *Сломали дом сломали.*
 В. (бабушка): *Надо новый строить.*
 Р.: *Везти везти.*
 В.: *Привезти ангелочка надо?*
 2;3

Первая фраза в этом диалоге – весьма частотный (не только для речи Вани) случай «кольцевой композиции». За счет повтора фраза удлиняется и приобретает эмоциональную окраску. Фраза *Везти везти*, очевидно, тоже передает определенный эмоциональный настрой – острую необходимость в некотором действии. Подобные высказывания, как правило, не остаются без реакции взрослых.

Нередко в речи Вани появляются целые цепочки однотипных конструкций, когда каждое последующие высказывание словно «кроится» из материала предыдущего.

Р.: *Бабе желтую картошку. Морковку бабе тоже.*
 В. (бабушка): *Картошку тоже.*
 Р.: *Картошку бабе тоже.*
 2;3

Реагирование на переспрос. При переспросе непонятого слова или фразы Ваня повторяет сказанное ранее, стараясь более четко произносить отдельные звуки.

Р.: *Кнопку нажал Ваня.*
 В. (бабушка): *Что Ваня?*
 Р.: *Кнопку нажал.*
 2;3

Одновременно с этим исчезает реакция *не-а / у-у* (отказ от ответа, нежелание отвечать) на просьбы взрослого произнести / повторить то или иное слово.

Удлинение фраз. Ваня начинает произносить даже многословные фразы без пауз, на одном дыхании, например: *Пропала машина [безиня] мама убрала машину [безиню]* (2;3).

В увеличении длины высказываний прослеживается не линейное (от двусловных к трех- и далее четырехсловным), а скачкообразное развитие. Столь быстрое расширение границ высказывания может объясняться тем, что ребенок не конструирует всю фразу вновь, а начинает пользоваться уже готовыми фрагментами, хранящимися в его памяти целиком.

Появление глаголов говорить, сказать. Эти слова, во-первых, вводят в высказывания Вани цитаты (реальные или, возможно, воображаемые), а во вторых, свидетельствуют о том, что в область внимания ребенка входит речь другого субъекта. При этом мальчик

может надолго запомнить ошибки взрослого, связанные с неправильным употреблением слов: *Сказала мама «молоко», оказался пиво* (2;5) – Ваня вспоминает эпизод двухнедельной давности.

Описание собственных действий. Возможно, косвенным свидетельством стратегии имитации является комментирование собственных рутинных действий: последние всегда ритуализированны и зачастую сопровождаются из раза в раз повторяющимися фразами, которые и воспроизводятся ребенком.

Р.: *Несу, несу мишу. Несу мишу.*

В. (бабушка): *Мишу несешь, хорошо.*

2;3

Ванино речевое поведение перестает быть тотально директивным: теперь его высказывания приобретают новые функции, отличные от требования совершения того или иного действия.

Перечисленные особенности появляются в речевом поведении Вани именно в период перехода от самостоятельного конструирования к употреблению фраз, построенных по имеющимся в языке моделям. Интересно заметить, что все эти черты были изначально присущи Лизе, в языковом развитии которой имитация была ведущей стратегией при переходе от однословных высказываний к многословным. Этот факт является еще одним подтверждением тому, что замеченные особенности могут трактоваться как знаки (или, возможно, предикторы) стратегии имитации, необходимой для того, чтобы перейти к зрелому владению синтаксисом.

Заключение

Данные двух детей, разумеется, недостаточны для исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, однако позволяют наметить пути поиска ответа на них. Приведенные ниже положения не стоит воспринимать как выводы в строгом смысле этого слова; они представляют рабочую гипотезу для дальнейших исследований.

1. Существует связь между стратегией построения высказывания и усвоением единиц лексического и морфологического уровня. Особенности раннего речевого развития могут быть предикторами использования той или иной синтаксической стратегии. Так, например, большая доля звукоподражаний в составе раннего словаря может рассматриваться как предиктор использования стратегии имитации (цитирования), а, напротив, наличие застывших в произвольном виде форм – свидетельствовать о том, что ребенок не об-

ращает большого внимания на звучание речи собеседника, следовательно, имитация не будет доминирующей стратегией развития его речи. В данном случае даже не важно, идет ли речь только о самостоятельном имитировании или также о вынужденном. Можно предполагать, что даже факт вынужденной имитации в раннем возрасте является предиктором имитативной стратегии: как показывают диалоги с «неимитирующими» детьми (к числу которых на ранних этапах относится Ваня), вынуждение к имитации со стороны взрослого еще не гарантирует произнесения ребенком желаемого слова.

Бабушка держит медвежонка и говорит за него, медвежонок дает Ване монетку.

В. (бабушка, от лица медвежонка): *На, Ваня. Пойди в магазин и купи чего-нибудь. Возьми деньги.* (Обращается к Ване от своего имени.)
А ты скажи: «Спасибо». Он тебе дает деньги?

Р.: *Да.*

В.: *Надо что сказать? Спасибо. Спасибо. Спасибо. Ой, сколько денег. Раз, два, три.*

Бабушка берет монеты в ладони, складывает ладони лодочкой, Ваня отнимает монеты, бабушка не дает.

Р.: *Дай.*

В.: *Нет.*

1;8.25

Бабушка забирает все монетки, зажимает их в кулаке.

Р.: *Дай.*

Ваня пытается отобрать у бабушки монетку, та не дает, Ваня смеется.

В.: *Ты скажи: пожалуйста. Надо всегда как? Дай, пожалуйста. Волшебное слово.*

Р.: *Дай.*

В.: *Нет.*

Р.: *Дай.*

1.08.25

Специальные показатели согласия / несогласия и другие маркеры регулирования диалога свидетельствуют о присущей ребенку активности в диалоге и, возможно, являются показателями стратегии конструирования как более самостоятельной, не зависимой от взрослого.

Указанные связи не являются прямолинейными и однозначными, так как стратегии с возрастом меняются и комбинируются.

2. Возможные механизмы соположения слов в высказывании мы предлагаем обозначать как конструирование и имитация. По-

видимому, это единственные теоретически возможные стратегии, а любое высказывание представляет собой результат их комбинирования.¹⁶ (Вопрос о природе синтаксических структур остается при этом открытым.)

3. При всех различиях условий, в которых происходит формирование и запуск синтаксических механизмов, общим является то, что двусловные высказывания, появляющиеся в речи детей в первую очередь, принадлежат тому же прагматическому типу, что и наиболее частотные однословные.

Примечания

- ¹ В данной статье получили обобщение более ранние публикации автора: *Бровко Е. Л.* Переход от голофразы к двусловному высказыванию: опыт лонгитюдного анализа // *Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы международной конференции (4–6 мая 2011, Санкт-Петербург)*. СПб.: Златоуст, 2011; *Бровко Е. Л.* На пути к «взрослому» синтаксису: особенности коммуникативного поведения одного ребенка // *Проблемы онтолингвистики – 2012. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. 24–26 апреля 2012 г.* СПб.: Златоуст, 2012; *Бровко Е. Л.* Ваня и Лиза: два пути в синтаксис // *Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: сб. статей к юбилею С.Н. Цейтлин*. СПб.: Златоуст, 2013. С. 9-19.
- ² Становление речи Вани Я. и Лизы Е. на данный момент наиболее полно описано в работах (соответственно): *Гагарина Н. В.* Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008; *Елисеева М. Б.* Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
- ³ *Доброва Г. Р.* Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- ⁴ *Nelson K.* Structure and Strategy in Learning to Talk // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1973. Vol. 38, No. 1/2.
- ⁵ Мы ссылаемся, в частности, на следующие работы: *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961; *Clark E. V.* First Language Acquisition. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009 (second edition); *Pine J. M. et al.* Stylistic Variation at the “Single-Word” Stage: Relations between Maternal Speech Characteristics and Children’s Vocabulary Composition and Usage // *Child Development*. 1997, Vol. 68, No. 5, 807-819; *Tardif T. et al.* Baby’s First 10 Words // *Developmental Psychology*. 2008, Vol. 44, No. 4, 929–938.
- ⁶ *Nelson K.* Op. cit. P. 35.
- ⁷ Данные Вани приводятся по материалам аудио- и видеозаписей, относящихся к возрасту 1;5–1;8; активный лексикон составляет около 30 слов. Сведения об активном лексиконе Лизы почерпнуты непосредственно из монографии М. Б. Елисеевой (см. примеч. 2), где описываются данные дневниковых за-

писей и расшифровок видеозаписей. В нашей таблице были учтены первые 93 слова Лизы (возраст до 1;7). Решение сравнивать разный по объему лексикон объясняется, во-первых, разной скоростью усвоения слов детьми, а во-вторых – наличием дневника речевого развития Лизы и предположением о том, что в нем могут быть зафиксированы единицы, не попавшие в аудио- и видеозаписи. Нас интересовали, прежде всего, функциональные группы слов, которыми дети обходятся на протяжении довольно длительного времени.

⁸ Обозначение точного возраста указывается в следующем формате: ГОД; МЕСЯЦ. ДЕНЬ.

⁹ В работе принята следующая система записи диалогов. Участники беседы обозначаются как В. (взрослый) и Р. (ребенок). Далее могут следовать разного рода уточнения в скобках, например, кому из членов семьи принадлежит фраза и какие действия сопровождают ее произнесение. При необходимости пояснить ситуацию в целом приводятся комментарии, начинающиеся с отдельной строки. В квадратных скобках могут быть отражены (приблизительно) фонетические особенности детского произношения. После каждого диалогического фрагмента указывается возраст ребенка.

¹⁰ Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания, 1992, № 2.

¹¹ Tomasello M. Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition. Cambridge: Cambridge univ. press, 2003.

¹² Лепская Н. И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М.: Изд-во МГУ, 1997.

¹³ К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают возможности понять, каков был механизм появления подобных высказываний, так как они фиксируются уже в самых ранних файлах.

¹⁴ Елисеева М. Б. Развитие и взаимовлияние различных компонентов языковой способности ребенка раннего возраста (на материале лонгитюдного исследования) // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей. М.: Языки славянских культур, 2001. С. 60.

¹⁵ Nelson K. Op. cit. P. 47-56.

¹⁶ Ср. также рассуждения Б. М. Гаспарова об «однократном производстве» и «многократном употреблении» как стратегиях обращения с языковым материалом (Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996).

Синтаксическая структура предложения в кодах знаков препинания¹

В работе исследуются, какие особенности структуры предложения в русском языке кодируются знаками препинания середины предложения. Для решения этой задачи на базе синтаксиса зависимостей определяется модель идеальной структуры предложения. На основе этой модели рассмотрен спектр значений и построена трихотомия функций знаков препинания середины предложения, позволяющая исследовать особенности функционирования знаков препинания в предложениях со сложной структурой в русском и других европейских языках.

Ключевые слова: синтаксис, русская пунктуация, семантика знаков препинания, синтаксическая структура предложения

1. Введение

Русская пунктуация давно стала объектом внимания русских исследователей языка. Но, хотя русская пунктуация многократно была описана, до недавнего времени в лингвистике не ставилась задача эксплицитно сформулировать, какие именно параметры структуры предложения определяются знаками препинания. Для этого нужна модель, позволяющая соотнести идеальную структуру предложения с функциями знаков препинания. В предлагаемой работе представлена гипотеза, позволяющая рассмотреть в первом приближении эту проблему.

Исследование соотношения структуры предложения и функций русских знаков препинания не только позволяет точнее описать значения русских знаков препинания, но может быть использовано в качестве базиса сопоставительного анализа пунктуационных систем основных европейских языков, что важно как для теории языка, так и для решения различных прикладных задач.

2. Русские знаки препинания середины предложения как строевые элементы единиц синтаксического уровня языка

Знаки препинания в письменном предложении, наряду со словами, являются строевыми элементами синтаксического уровня языка.

Для определения смыслоразличительных признаков строевых элементов морфологического уровня – фонем – используются минимальные пары слов, про которые мы знаем, что 1) при замене одной фонемы на другую получится другое слово; 2) при изменении порядка следования фонем также получится другое слово; 3) при удалении фонемы получается другое слово.

Аналогично и для синтаксических единиц русского письменного языка – предложений – можно строить минимальные пары, иллюстрирующие, что

1) При замене одного знака препинания на другой получится другое предложение (т.е. предложение с другой синтаксической структурой): *Помним его друзей, неожиданно приехавших коллег из Питера, студентов.* vs. *Помним его друзей: неожиданно приехавших коллег из Питера, студентов.*

Замена первой запятой на двоеточие меняет синтаксическую интерпретацию (и, соответственно, смысл) предложения: в первом случае – неоднозначность: перечень сочиненных именных групп или обособление приложения, во втором случае справа от двоеточия пояснение, сочиненная группа после двоеточия раскрывает смысл обобщающей именной группой слева от двоеточия, то есть, связана с ней отношением гипонимии.

2) При сохранении порядка следования слов и перемещении хотя бы одного знака препинания (соответствующего паузе) получается другое предложение (меняется смысл): *Он брата, отца, Ваню не помнил.* vs. *Он брата отца, Ваню, не помнил.*

3) При удалении знака препинания смысл предложения кардинально меняется: *Вижу отца, брата.* vs. *Вижу отца брата.*

Подобно фонемам – строевым единицам морфологического уровня языка – знаки препинания служат смыслоразличительными элементами единиц синтаксического уровня языка. Соответственно, предложенные Н.С. Трубецким дистриктивная (служащая для опознавания и семантического отождествления слов и морфем) и делимитативная (функция обозначения границы между двумя единицами морфологического уровня – морфемами, словами) функции фонем² оказываются важны и на синтаксическом уровне описания языка для знаков препинания.

3. Базисные понятия

Нас интересует соотношенность знаков препинания внутри русского предложения³ (далее – знаков препинания) и синтаксической структуры предложения. Для представления структуры предложения мы будем использовать вербоцентрический синтаксис зависимостей и идеальную модель предложения, имеющую объяснительную силу при интерпретации структурирующих предложение значений знаков препинания.

Для введения и понимания этой модели важны следующие понятия.

3.1. Предикативный сегмент (далее просто – **сегмент**): часть предложения, границы которой эксплицитно задаются знаками препинания по правилам русской пунктуации. К сегментам относятся простые предложения, придаточные предложения, деепричастные обороты, причастные обороты или любые их синтаксические эквиваленты, вводные обороты и предложения, уточняющие обороты. С точки зрения структуры графа зависимостей сегмент представляет собою самодостаточный **синтаксически суверенный** фрагмент графа предложения, имеющий одну вершину⁴: фрагмент, синтаксическая структура которого, то есть конструктор, определяемый набором составляющих его синтаксем, не зависит от его функции в сложном предложении и все валентности слов которого (кроме – в определенных случаях – субъектной: субъект деепричастного и причастного оборота «убегает» в сегмент-хозяин) заполнены словами внутри него или другими сегментами, заменяющими слова.

3.2. Многосегментные предложения: предложения, состоящие более чем из одного сегмента – сложносочиненные и сложноподчиненные, с любого рода обособленными оборотами, сложные предложения смешанного типа, то есть предложения и с сочинением и с подчинением сегментов – будем называть **многосегментными**.

3.3. Граф сегментов многосегментного предложения – это граф, в котором графы сегментов выступают в качестве узлов графа, связанных **межсегментными** связями.

3.4. Проективность

Проективность простого предложения по Л. Теньеру – свойство такого графа связей слов предложения, в котором по горизонтали сохраняется порядок следования слов в предложении, а по вертикали порядок определяется иерархией их подчинительных связей: непересечение стрелок связей слов – узлов в графе зависимостей – и перпендикуляров, опущенных из этих узлов.

При представлении графа зависимостей в виде стрелок от хояина в слуге над цепочкой слов предложения это свойство соответствует непересечению и необрамлению стрелок связей слов⁵.

3.5. Рекурсивность линейной организации предложения

Рекурсивность линейной структуры – свойство линейной организации предложения, когда некоторое словосочетание, граф связей которого является отдельной веткой графа, вложено полностью в другое словосочетание.

В ситуации, когда речь идет о **рекурсивности многосегментного предложения**, имеется в виду, что в структуре предложения есть вложения словосочетаний, равных сегменту, в другие сегменты. В линейной структуре предложения вложения могут находиться в середине, в самом начале и в самом конце сегмента, в который они вложены.

3.6. Скобочное представления линейной структуры

Если взять каждый из сегментов в скобки, а парным скобкам – левой и правой границам каждого из сегментов – дать одинаковый номер, который будем считать номером сегмента, то получим представление линейной структуры, где рекурсивная структура будет выглядеть, как некоторое подобие алгебраического выражения: цепочка слов со скобочными вложениями (матрешка):

(1) *Тот урок, который критики совершенно произвольно усмотрели в его пьесе, был социальным.* (В. Набоков, далее Н)

В нем сегмент – придаточное определительное, подчиненное слову **урок** в главном, вложен в середину простого предложения.

Представление предложения (1) в скобочной записи выглядит следующим образом:

[¹Тот урок,²который критики совершенно произвольно усмотрели в его пьесе]², был социальным]¹.

При рекурсивности могут порождаться линейные структуры с несколькими последовательными вложениями сегментов один в другой.

(2) [¹Его также огорчало,²что люди,³которых он почитал за добрых христиан]³, были раздосадованы]²]¹. (Н)

(3) [¹Это мертвые души,²наполняющие воздух,³в котором живет Гоголь]³, своим поскрипыванием]²]¹. (Н)

В примерах (2) и (3) образуется 3-ярусная иерархия вложений. Оба предложения имеют в точности одинаковую конфигурацию вложений: в самый конец простого предложения вложен сегмент, в середину которого вложен другой сегмент. При этом вложенные

сегменты, составляющие эту конфигурацию вложений, могут, как и в приведенных примерах, быть разные.

4. Связь проективности и сегментной рекурсивности

Свойство **проективности простого предложения** как условия его правильности продуцирует **проективность сегментной структуры** в многосегментном предложении, что, в конечном счете, обеспечивает понимание связей его слов.

Структура рекурсивных вложений обладает **свойством сегментной проективности**, которое можно определить так: если сегмент А вложен в сегмент В, то 1) сегмент А вложен в сегмент В целиком и 2) никакая часть объемлющего сегмента В не может оказаться внутри вложенного в него сегмента А.

Именно эти два условия сегментной проективности облегчают понимание, так как иначе мы часто не могли бы – в силу возможности случайных совпадений граммем у нескольких потенциальных слуг – правильно понять связи слов в предложении.

Вложенный сегмент всегда (за исключением вводных оборотов) подчинен какому-то слову объемлющего его сегмента. То есть в графе связей сегментов сегменты, образующие рекурсивную структуру, связаны подчинительными отношениями.

Системы пунктуации в европейских языках исторически разошлись. Однако представление структуры предложения в системе зависимостей в виде графа связей слов и связей сегментов, понятия подчинительных и сочинительных отношений применимы ко всем европейским языкам. В силу этого представляется, что именно модель, опирающаяся на перечисленные понятия и связывающая идеальную структуру предложения с функциями русских знаков препинания, может в дальнейшем послужить базисом для сравнения функций знаков препинания в разных европейских языках.

5. Одиночные и парные знаки препинания

Существенным вкладом в развитие исследования знаков препинания была идея А.Б.Шапиро⁶ различать **одиночные** и **парные** знаки препинания, имеющие соответственно две различные **общие функции**: одиночные знаки – **функцию отделения**, а парные – **функцию выделения**. Эта оппозиция функций позже легла в основу построения системы функционирования русских знаков препинания Б.С.Шварцкопфа⁷. Однако замеченное формальное единство функций одиночных и парных знаков препинания с точ-

ки зрения синтаксической организации предложения нуждается в уточнении.

Рассмотрим особенности оппозиции общих функций знаков препинания Шапиро-Шварцкопфа, с учетом омонимии знаков препинания, с точки зрения параметров синтаксической структуры предложения.

5.1. Особенности функции разделения – общей функции одиночных знаков препинания – внутри сегментов

Общая разделительная функция одиночных знаков препинания, определение которой в модели Шапиро-Шварцкопфа не зависит от того, что именно разделяют знаки препинания, существенно различается у одиночных знаков препинания внутри сегментов и в структуре многосегментного предложения, где знаки препинания разделяют сегменты, в частности, простые предложения. Рассмотрим набор синтаксических значений одиночных знаков препинания **внутри сегмента**.

Запятая в структуре сегмента 1) манифестирует сочинительную связь и одновременно 2) имеет делимитативную функцию, разграничивая в линейном пространстве между сочиненными фрагменты предложения, где могут находиться слова, непосредственно или опосредовано подчиненные соответственно левому и правому сочиненным⁸

Часто встречаются, например, ситуации, когда при применении процедуры сочинительного сокращения, подобной вынесению за скобки общего множителя, общим членом оказывается субъект предиката. При этом предложение представляется в виде графа с несколькими сочиненными корнями-сказуемыми:

[Петя сидел дома.] + [Петя читал книжку.] → [Петя сидел дома, читал книжку.] [Им холодно]+[Им грустно] → [Им холодно, грустно.]

И т.п.

Свойство проективности графа подобной сочиненной группы не удовлетворяет обычному определению проективности Теньера.

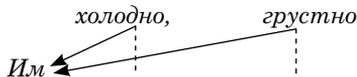

Рис.1

Специфическим свойством сочинительной проективности является то, что, манифестируя сочинительную связь, запятая не только задает ролевое единство сочиненных слов в графе, но разделяют в линейной структуре предложения между сочиненными **зоны влияния** сочиненных слов⁹.

Одиночные двоеточие и тире внутри сегмента тоже указывают на связь слов или словосочетаний, но только не на сочинительные, а на подчинительные их отношения.

Тире иногда указывает на связь подлежащего и сказуемого и, как и запятая при сочинении, разделяет их зоны влияния.

(5) *Вспоминать – идти одному по руслу высохшей реки!* (О. Мандельштам, далее М)

Тире после группы сочиненных перед обобщающим словом манифестирует отношение гипонимии и тоже разделяет линейные зоны обобщающего слова и группы сочиненных.

Двоеточие указывает на те же родовидовые отношения между обобщающим словом и перечнем сочиненных, но при обратном порядке их следования в предложении, если обобщающее слово предшествует сочиненным. И тоже является при этом, с одной стороны, знаком, утверждающем «территориальное» и синтаксическое единство сегмента, с другой стороны – служит границей, разделяющей соответствующие ветки графа.

(4) *Иногда появлялись странствующие авторы: бородатые и длиннопольные люди, талмудические философы, продавцы вразнос собственных печатных афоризмов и изречений!*¹. (М)

Таким образом, все одиночные знаки внутри сегмента указывают на связи слов, манифестируя структурное единство сегмента, и одновременно имеют делимитативную функцию.

5.2. Делимитативная функция одиночных знаков, разделяющих сегменты

Делимитативная функция одиночных знаков внутри сегментов отличается от делимитативной функции одиночных знаков препинания, **разделяющих сегменты**: знаки препинания – запятая, тире, двоеточие, **разделяющие сегменты**, по сути несут в себе функции правой и левой границ сегментов – соседей:

(5) *[¹Черный сахар снега проваливался под ногами]¹, [²но деревья стояли в теплых луночках оттаявшей земли]². (М)*

(6) *[¹Восторженный трепет и гордая радость не имели границ]¹: [²в доме был чекист]². (М)*

(7) *[¹Первый и единственный раз в жизни я понадобился литературе]¹– [²она меня мяла, лапала и тискала]², [³и все было страшно, [⁴как в младенческом сне]⁴]. (М)*

При этом все одиночные знаки, разделяющие сегменты, задают границы отдельных графов связей сегментов, то есть, как будет рассмотрено ниже, разделяют деревья в лесе графа предложения, тогда как эти же одиночные знаки препинания внутри сегментов,

манифестируя связи слов, обеспечивают единство узлов, из которых строятся деревья леса графов сегментов.

6. Синтаксическая структура сложного предложения

В **многосегментном** предложении каждый сегмент представим в виде отдельного графа связей его слов. Глубинная структура простого предложения с одним или несколькими – при сочинении сказуемых – корнями может включать в себя много семантем и, соответственно – синтаксем, представляющих эти семантемы в реальном линейном пространстве предложения конкретного языка.

В сложном предложении его компоненты – сегменты, в которые трансформируются простые предложения при вхождении в сложные, являются синтаксически суверенными единицами рекурсивной структуры, представимой в виде **графа связей сегментов**. Это граф, узлами которого являются графы простых предложений или их трансформов – предикативных сегментов – поверхностно-синтаксических представлений совокупности семантем, представленных в простом предложении. При этом узлы графа сложного предложения, как и узлы графа простого предложения, могут быть связаны **отношениями сочинения** и **отношениями подчинения**. Отношение сочинения сегментов при этом, как и отношение сочинения компонент простого предложения, является отношением одноуровневым.

Основой идеальной структуры предложения является теоретически бесконечная цепочка синтаксически одноуровневых простых предложений. Это может быть всего одно простое предложение. При этом между простыми предложениями в составе сложного ставятся запятые, точки с запятыми, двоеточия, тире, которые являются разделителями этих сегментов.

В цепочке простых-сочиненных в каждое простое предложение можно вложить придаточные предложений и\или обороты, которые будут подчинены им. На основе каждого из простых предложений при вложениях в него сегментов, в которые в свою очередь могут быть вложены сегменты следующего яруса вложений, и так далее, растет отдельное дерево связей сегментов.

В результате идеальной граф многосегментного предложения представляет собою лес деревьев – графов связей сегментов.

При этом на каждом уровне вложений сегменты могут быть не связаны, если у них разные хозяева в сегменте-хозяине, сочинены или соподчинены, если у них один хозяин. К одноуровневым отно-

шениям сегментов, кроме сочинения простых-главных, относится сочинение и соподчинение придаточных, деепричастных и причастных оборотов.

Сегменты, составляющие многосегментное предложение, являются синтаксически суверенными, и в целом структура рекурсивна.

Возможности кратковременной памяти не позволяют нам устно строить многоярусные структуры большой глубины. Однако книгопечатание обеспечивает письменному языку относительно независимое от устного право на существование и структурное усложнение. Пишущий, в отличие от говорящего, имеет возможность отслеживать уже написанное. Это позволяет существенно усложнять структуру предложения.

7. Измерения многосегментного предложения

Как уже говорилось выше, усложнение предложения, порождаемое соединением в нем сегментов в единое целое, может идти в двух направлениях.

Одно из структурных усложнений предложения – это удлинение предложения, его усложнение по горизонтали путем прибавления простых предложений: примеры (5), (6), (7), где соединяются узлы, являющиеся корнями леса графа предложения.

Другое усложнение – это рост графов связей сегментов – усложнение простого предложения вложением в него сегментов – придаточных и оборотов, связанных иерархическими отношениями подчинения, в результате чего может порождаться многоярусные рекурсивные структуры¹⁰: примеры (1), (2), (3).

При этом на каждом ярусе вложений возможно усложнение за счет появления соподчиненных вложенных сегментов – узлов графа сегментов.

(8) [¹**В тот самый день**, [²когда происходила всякая нелепая кутерьма, [³вызванная появлением черного мага в Москве]³], [⁴в пятницу, [⁵когда был изгнан обратно в Киев дядя Берлиоза]⁵, [⁶когда арестовали бухгалтера]⁶ и [⁷произошло еще множество других глупейших и непонятных вещей]⁷], **Маргарита проснулась около полудня в своей спальне**, [⁸выходящей фонарем в башню особняка]⁸]¹.
(М.Булгаков)

В предложении (8) единственный корень графа связей сегментов – [¹**В тот самый день Маргарита проснулась около полудня в своей спальне**] ¹.

При усложнении предложения по вертикали в нем на 2-ом ярусе иерархии подчинительных связей сегментов появляются подчиненные слову **день** соподчиненные 2-ой и 4-ый сегменты, то есть граф осложнен на этом уровне вложений по горизонтали. Более того, 4-ый сегмент опять осложнен по горизонтали вложениями 3-его уровня – подчиненными слову **пятницу** 5-ым, 6-ым и 7-ым сегментами, соподчиненными и сочиненными.

Вертикальное измерение определяет уровни вложений (или, иначе говоря – **глубину** рекурсивной структуры).

(9) [¹*Нехлюдов стал было доказывать мужику,* [²*что переселение очень выгодно для него*]², [³*что плетни и сараи там построят*]³, [⁴*что вода там хорошая*]⁴], [⁵*но тупое молчание Чуриса смущало его*]⁵, [⁶*и он почему-то чувствовал,* [⁷*что говорит не так,* [⁸*как следовало бы*]⁸]⁷]. (Л.Толстой)

В предложении (9) на первом уровне структуры – 3 корня деревьев леса графа сегментных связей: 1-ый, 5-ый и 6-ой сегменты. Второй уровень иерархии вложений осложнен по горизонтали тремя вложениями в 1-ый сегмент и одним вложением в 6-ой.

Для описания связи значений (функций) знаков препинания с синтаксической структурой предложения далее мы будем использовать два измерения (две координатные оси) многосегментного предложения: измерение его структуры по вертикали соответственно иерархическим отношениям подчинения, связывающим сегменты, и измерение по горизонтали, иллюстрирующее отношения вложенных сегментов каждого очередного уровня иерархии структуры.

Рассмотрим, как свойства **проективности** и **рекурсивности** связаны с двумя рассмотренными измерениями идеальной структуры предложения.

Свойства проективности и рекурсивности соотносятся с тремя категориями отношений, кодируемых знаками препинания.

Первая категория отношений, задаваемых знаками препинания – это связи слов **внутри сегмента**, которые определяют 1) проективность сегмента, и 2) сегментную проективность сложного предложения. Они определяют способность сегмента выступать отдельным синтаксически суверенным узлом графа сегментов.

Две другие категории – это подчинительные и сочинительные связи применительно к отношениям сегментов – частей многосегментного предложения. При этом одиночные знаки препинания противостоят двойным, парным (по терминологии Шапиро-Шварцкопфа – выделяющим), которые выступают в роли левых и правых границ вложенных сегментов.

8. Структура многосегментного предложения в кодах знаков препинания

Разделяющая и выделяющая функции знаков препинания в многосегментном предложении соотносятся с **вертикальным и горизонтальным измерениями** структуры графа связей сегментов. Функции одиночных и парных знаков препинания на синтаксическом уровне являются структурными (структурирующими предложение) и имеют и дистинктивную и делимитативную функции, но при этом связаны с разными особенностями синтаксической структуры предложения.

Разделяющая функция одиночной запятой, двоеточия, одиночного тире между простыми предложениями манифестируют отношения, связанные с горизонтальным измерением структуры графа сегментов – разделяют в цепочке предложения деревья леса в идеальной структуре предложения.

Двойные запятые и двойные тире задают границы рекурсивных вложений и связаны с вертикальным измерением структуры многосегментного предложения: они кодируют в «матрешке» границы сегментов, вложенных в другие сегменты и связанных подчинительными отношениями с объемлющими их сегментами.

9. Трехотомия значений знаков препинания

Так как одни и те же знаки препинания в структуре предложения могут иметь разные значения, они являются омонимами¹¹. Их значения различаются соответственно трем областям их функционирования, то есть мы имеем дело с трехотомией функций: 1. функции **одиночных знаков внутри сегментов**, манифестирующих связи и одновременно являющихся границами зон влияния связанных слов в промежутке между ними vs. 2. функции **одиночных знаков – границ сегментов в горизонтальном измерении** сегментной структуры vs. 3. функции **парных знаков в вертикальном измерении** сегментной структуры, задающих левые и правые границы вложений в рекурсивной сегментной структуре.

10. Поглощение (стяжение \ слипание) знаков препинания

10.1. Явление поглощения

В русском языке обособление сегментов проводится формально и строго, но все же эта строгость – не строгость алгебраическая, где, если выражение берется в скобки, то всегда есть и левая, и правая скобки¹².

(10) [¹Белый накрахмаленный китель – [²наследье старого времени]² – чудесно молодил его и мирил с самим собою]¹: [³свежесть гимназиста и бодрость начальника – сочетание, [⁴которое он ценил в себе и боялся потерять]⁴]³. (М)

В предложении (10) 2-ой сегмент (уточняющий оборот) имеет и левую и правую границы – парные тире. Лес графов предложения (10) состоит из 2 деревьев связей сегментов, которые в линейном их представлении разделены двоеточием. 4-ый сегмент вложен в 3-ий сегмент – корень второго из двух деревьев связей сегментов нашего леса – в самом конце структуры перед замыкающей скобкой. Соответственно, точке в предложении в скобочной записи соответствуют две скобки – правые границы сегмента-хозяина и вложенного в него придаточного, при этом точка берет на себя все функции правых границ.

(11) [¹Беда в том, [²что ни искренность, ни честность, ни даже доброта сердечная не мешают демону пошлости завладеть пишущей машинкой автора, [³если у него нет таланта]³ и [⁴если читающая публика такова, [⁵какой считают ее издатели]⁵]⁴]²]¹. (М)

В примере (11) в иерархии вертикального измерения предложения 4 яруса: в главное предложение вложен 2-ой сегмент (придаточное), в него вложены 3-ий и 4-ый соподчиненные сегменты (придаточные), в 4-ый вложен 5-ый (придаточное). У всех вложенных есть левые границы – запятыя, у 3-его соподчиненного есть правая граница запятая, остальные 3 правые границы вложений (скобки 5, 4, 2) поглощены точкой.

(12) [¹Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой уединенной жизни, [²где ни одно желание не перелетает **за частокол**, [³окружающий небольшой дворик]³, **за плетень сада**, [⁴наполненного яблонями и сливами]⁴, **за деревенские избы**, [⁵его окружающие]⁵, [⁶пошатнувшиеся на сторону]⁶, [⁷осененные вербами, бузиною и грушами]⁷]²]¹. (Н.В.Гоголь)

В (12) во 2-ом (подчеркнутом) сегменте есть цепочка сочиненных предложных групп, сочинение которых манифестируют запятыя между ними. Но, кроме того, во 2-ой сегмент вложены 3, 4, 5, 6 и 7 сегменты, подчиненные существительным в сочиненных предложных группах и вложенные, соответственно, в зоны влияния слов-хозяев, которые определяют сочиняющие запятыя. Левые границы этих вложенных сегментов заданы запятыми. Соответственно, и правые границы должны были бы быть заданы парными правыми запятыми, но в этих местах уже стоят одиночные запятыя, сочиняющие предложные группы. Они поглощают парные правые запятыя,

беря на себя их функцию (в этом случае – отличную от их первой функции).

Но мы знаем, что поглощение происходит не всегда. Когда подряд должны были бы стоять несколько разных знаков препинания, поглощение или же сохранение нескольких знаков препинания происходит, видимо, по определенным **законам поглощения**.

Рассмотрим некоторые случаи, в которых 1) знаки друг друга не поглощают, или 2) поглощение одних знаков другими происходит по определенным правилам.

10.2. О законах поглощения.

Соответственно трихотомии функций знаков, помимо особых значений внутри сегмента каждый из них может иметь функцию разделения сегментов, а запятые и тире могут быть парными знаками с функцией выделения, то есть быть левой и правой границами. В силу этого в предложении, в котором потенциально есть рекурсивные вложения сегментов, сочинение членов сегментов, несколько простых-главных, на основе которых вырастают иерархии вложений, может встретиться ситуация, когда подряд должны были бы стоять несколько знаков препинания, имеющие одинаковые или разные функции.

Если задавать структуру вложений сегментов в сегменты скобочной записью, то мы увидим, что в тех местах, где стоят скобки (одна или несколько), по крайней мере один знак препинания обязательно будет стоять. Это обусловлено, вероятно, отсутствием в русском предложении жесткого порядка слов, в частности тем, что слово, задающее тип (и часто – начало) сегмента, начало его задает не всегда. **Который** может убежать довольно далеко вправо от границы придаточного, слуги деепричастия могут стоять между левой границей и деепричастием и т.д. Все это может создавать неоднозначность отнесения каких-то слов и словосочетаний к сегменту.

Ситуация со знаками препинания отличается от скобочной записи, в частности, тем, что в случае, когда идут подряд несколько скобок, несколько одинаковых знаков препинания не ставится. Если в наших примерах несколько разных функций должны быть выражены несколькими запятыми, то, даже если функции у них разные, все эти функции передаются одному знаку препинания.

Мы уже видели в примерах (10), (11), (12), что в ситуации, когда подряд должны идти несколько запятых или несколько запятых и точка, остается один – последний – знак, который и берет на себя все их функции.

Представляется, что поглощение знаков препинания – границ сегментов – во многих случаях определяется «разделительной силой» знаков препинания (с учетом их омонимии). Самыми «сильными» разделителями являются одиночные знаки с функцией разделения деревьев в лесе графов сегментных связей, так как они разграничивают зоны предложения, слова которых не могут быть связаны никакими подчинительными или сочинительными синтаксическими связями.

Эти значения есть у всех знаков конца предложения, то есть у точки, восклицательного и вопросительного знаков (многоточие требует отдельного рассмотрения). Кроме того, эта функция есть у запятой, двоеточия и – встречающаяся в редких случаях – у тире.

Любой знак конца предложения поглощает любые знаки препинания – правые границы вложений, соответствующие правым скобкам в скобочной записи, то есть правые запятые и правые тире.

Двоеточие как омоним может быть 1) внутри сегмента знаком родовидовой связи обобщающего слова с раскрывающей его значение группой сочиненных внутри сегмента, или же 2) одиночным разделительным знаком – границей графов связей сегментов.

Структурирующая «разделительная сила» двоеточия во 2-ом его значении соизмерима с точкой¹³: никакая часть ни левого, ни правого фрагмента предложения, стоящих соответственно слева и справа от разделительного двоеточия, не может входить в рекурсивную цепочку сегментов, находящихся по другую сторону от двоеточия, то есть двоеточие разделяет деревья леса графов сегментов.

Во 2-ом значении двоеточие поглощает любые из рассматриваемых в этой работе знаков – правых границ, то есть запятые и тире (цепочки из одиночных запятых или тире, после которых стоит двоеточие, возникнуть в принципе не могут, так как запятые и тире связывают слова, а двоеточие в этом значении – абсолютная граница синтагматически вязанных слов.

(13) [¹Он <...> продолжал утверждать, [²что книга необходима по трем причинам]²]: [³она позволила показать <...>]³ (Н)

Пример (13) иллюстрирует поглощение запятой – правой границы – двоеточием с функцией разделения сегментов – корней графов связей сегментов (запятая + двоеточие → двоеточие).

Последовательности знаков препинания и процессы поглощения в цепочках, состоящих из разных знаков – левых или правых парных границ сегментов, предположительно определяются местом границ соответствующих сегментов в иерархии вложений и тем, какими именно знаками границы задаются.

(14) [¹Дедушка – ²голубоглазый старик в ермолке,³ закрывавшей наполовину лоб]³, [⁴с чертами важными и немного сановными, ⁵как это бывает у очень почтенных евреев]⁴]², – улыбался, радовался <...>]¹ (М)

В (14) мы видим, что цепочка запятая (правая граница 5-ого сегмента, вложенного в 4-ый) + запятая (правая граница 4-ого сегмента, вложенного во 2-ой) + тире (правая граница объемлющего 2-ого сегмента) представлена запятой+тире. 2 запятые стянулись в одну, но тире – граница объемлющего сегмента, их не поглотило.

(15).<...>[¹он выпрыдал, ²как наук]², – [³из дымки папиросы, [⁴что ли]⁴]³, – липкую пряжу научной фразеологии <...>]¹ (М)

В (15) мы видим, что после вложенного в 1-ый сегмент 2-ого, обособленного запятыми, вложен 3-ий сегмент, выделенный двумя тире, а в него вложен 4-ый (вводный), обособленный запятыми. При этом в обоих сочетаниях 1) запятая (правая граница) + тире (левая граница) и 2) запятая (правая граница) + тире (правая граница) оба знака сохраняются.

Таким образом, представляется, что тире – граница объемлющего сегмента – не поглощает запятую – границу вложенного в него сегмента.

Если внутри сегмента есть тире, маркирующее связь подлежащего и сказуемого, разделяющее в линейной структуре предложения ветки подлежащего и сказуемого, а в самом конце зоны влияния подлежащего вложен сегмент, обособленный запятыми, оба знака тоже сохраняются. Хотя в принципе тире может выступать в роли правой границы, но тире – знак связи внутри сегмента – не берет на себя функцию запятой – правой границы.

(16) (Он присовокупил к нему эпилог), [где объяснял, что настоящий ревизор, [который маячит в конце последнего действия], – это человеческая совесть]. (Н)

(17) [¹Его произведения, ²как и всякая великая литература]², – феномен языка, а не идей]¹.

Примеры (16) и (17) показывают, что запятая (правая граница) не поглощается тире (знаком связи внутри сегмента).

Таким образом, мы можем предположить, что тире не поглощает запятую, стоящую перед ним, ни при каких сочетаниях их функций.

С другой стороны, в обратной ситуации, когда тире – правая граница – по структуре вложений должна стоять перед запятой, запятая ее поглощает.

(18) [¹Не метрополитеном, не небоскребом измеряется бег современности – ²скорость]², а веселой травкой, [³которая пробивается из-под городских камней]³]¹(М).

В (18) у 2-ого сегмента (уточняющего оборота) левая граница – левое парное тире, правое же парное тире поглощено запятой.

11. Заключение

При интерпретации синтаксической структуры предложения разрешение омонимии знаков препинания внутри предложения представляет значимую проблему как для теории письменного языка, так и для решения прикладных задач: преподавания, перевода и автоматического синтаксического анализа.

Представляется, что рассмотренная в работе идеальная модель структуры сложного предложения, вводящая измерения многосегментного предложения, и построенная на основе этой модели трихотомия функций знаков препинания представляют удобный базис для диахронических и сравнительных исследований семантики знаков препинания в европейских языках.

Проблемы интерпретации функций знаков препинания связаны, в частности, с возможностью поглощения одних знаков препинания другими (их «стяжением», «слипанием»), когда формально должны были бы стоять несколько (два или больше) знаков препинания подряд, но в каких-то случаях одни знаки поглощаются другими, берущими при этом на себя функции поглощенных. Разбираются примеры закономерностей, определяющих в русской пунктуации эти процессы.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ: грант12-06-00366-а.
- ² Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд. иностр. лит., 1960.
- ³ В рамках этой статьи рассматриваются только часть знаки препинания середины предложения: запятая, двоеточие и тире.
- ⁴ Кобзарева Т.Ю. Свойства рекурсивности и синтаксической суверенности (фрагмент грамматики поверхностно-синтаксического анализа русского предложения) // Лингвистический беспредел-2: Юбилейный сборник трудов, посв. А.И. Кузнецовой. Отв. ред. А.Е. Кибрик, сост. Т.Б. Агранат, О.А. Казакевич. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 332-349 (в печати.)
- ⁵ Иорданская Л.Н. Автоматический синтаксический анализ. Т.2. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск: Наука, 1967.
- ⁶ Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 394 с.
- ⁷ Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 190 с.
- ⁸ Кобзарева Т.Ю. Рекурсивность и проективность сочинительных связей в рус-

ском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Межд. конференции «Диалог 2006». (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) М.: Наука, 2006. С. 223-229.

⁹ Там же.

¹⁰ *Кобзарева Т.Ю.* Язык синтаксических структур и структурирование текста (автоматический синтаксический анализ) // Социологические методы в современной исследовательской практике. Сб. статей, посв. памяти А.О. Крыштановского. М. 2011. С 320-327.

¹¹ *Кобзарева Т.Ю.* Омонимия и синонимия знаков препинания в русском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Тр. Межд. конференции «Диалог 2005». М.: Наука. 2005. С. 233-237.

¹² В случае со скобками как знаками препинания в естественном письменном языке эта особенность скобок сохраняется, но здесь мы скобки не рассматриваем, так как они выступают как знаками препинания не только внутри предложения.

¹³ При автоматическом анализе, например, мы, разрешив функциональную омонимию двоеточия, можем анализировать структуру этих фрагментов как структурно совершенно независимые сложные предложения. То, что при этом двоеточие несет особую смысловую нагрузку, касающуюся содержательной связи разделяемых им частей предложения, с его структурирующей функцией не связано.

А. Р. Пестова, О. А. Шарыкина

Особенности функционирования идиомы *навести шорох (-а / -у)* в различных сферах речевого общения

Статья посвящена функционированию фразеологической единицы *навести шорох (-а / -у)* в различных сферах речевого общения: рассматривается, какие семантические компоненты идиомы актуализируются в зависимости от сферы общения и влияют ли они на её модель управления. Как показало исследование, в зависимости от контекста у выражения *навести шорох (-а / -у)* могут актуализироваться такие потенциальные семы, как 'неожиданный успех', 'отчитывать, ругать', 'устроить скандал', 'физическое воздействие', 'наведение порядка', 'удивить' и 'напугать'. Модель управления данного фразеологизма не зависит от сферы речевого общения, в которой он употребляется.

Ключевые слова: фразеология, речевое общение, управление.

Одним из актуальных направлений современной фразеологии является исследование функционирования фразеологических единиц в различных сферах речевого общения. Коммуникативный подход позволяет определить, какие семантические компоненты фразеологизма актуализируются в зависимости от сферы общения и влияют ли они на его модель управления.

Рассмотрим данные вопросы на примере идиомы *навести шорох (-а / -у)*.

В различных словарях толкование этого выражения представлено следующим образом: «1. Устроить суматоху, шум, привести к бурным событиям. 2. Строго наказывать»¹; «1. Буяннить, хулиганить. 2. Отчитывать, ругать кого-л.»². В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» данный фразеологизм отнесён к семантическому полю «Наказание (1), упрёк, осуждение, порицание, обвинение, критика, укор»³. Таким образом, словари сходятся лишь в наличии у рассматриваемой идиомы семантического компонента 'наказывать', 'отчитывать', 'ругать'.

Наши наблюдения показывают, что значение данной идиомы зависит от сферы общения, в которой она употребляется.

Так, в сфере политики, экономики и общественной жизни актуализируются семантические компоненты 'суматоха', 'скандал', 'критика', 'наказание'. Будучи элементами одной ситуации, они объединяются в этой идиоме: *Мишарин навёл шороху в екатеринбургских поликлиниках*. <...> *Александр Мишарин совершил незапланированную и неожиданную для медиков и чиновников инспекцию двух поликлиник района* (Новостной сайт, 2011). В данном примере подразумевается, что неожиданный приезд губернатора вызвал *суматоху* среди подчинённых, поскольку внеплановая проверка могла повлечь и, возможно, повлекла за собой *скандал*, строгую *критику* и *наказание*.

В текстах со спортивной тематикой на первый план выходит сема 'бурные события, сенсация, связанные с неожиданным успехом, победой': *Теннис – непредсказуемый вид спорта. Первая ракетка здесь может внезапно проиграть какой-нибудь пятидесятый, а совсем темная лошадка – столь же внезапно навести шороху в эшелоне сильнейших* («Московский комсомолец», № 22780, 24.08.2001).

Для того, чтобы подтвердить эту гипотезу, мы провели опрос. В нём приняли участие 60 человек: мужчины и женщины в возрасте от 16 до 76 лет с разным образованием и работающие в разных сферах (школьники, студенты, аспиранты и преподаватели вузов, экономисты, юристы, менеджеры, музыканты и др.). Им было предложено восемь примеров, содержащих идиому *навести шорох (-а/-у)*. Информантов просили описать, какая ситуация имеется в виду в каждом случае.

Результаты опроса показали, что в спортивных контекстах (1–3) у данного выражения актуализируется сема 'неожиданный успех':

1. *В прошлом году новичок «Формулы-1» Льюис Хэмилтон навёл в Мельбурне шороху* («Коммерсант», 15.03.2008);

2. *У вас много боксеров с характером, и это здорово. Через пару лет они наведут в мире шороху* (Сайт новостей спорта, 17.05.2008);

3. *«К сборной России относимся очень серьезно, – приводит слова Рольфеса «Советский спорт». – Еще бы – ведь эта команда навела шороху на всю Европу!»* (Сайт новостей спорта, 10.10.2008).

Большинство респондентов считает, что *навести шороху* в спорте означает 'иметь успех'. Так, о новичке «Формулы-1» 76 % опрошенных написали следующие комментарии: *Показал высокие результаты*⁴ (жен., филолог); *Он показал отличные результаты*

на трассе (жен., студентка). Ср. подобные ответы о боксёрах (88 %): *Через некоторое время упомянутые боксёры станут возможными чемпионами или яркими спортсменами* (жен., менеджер); *Станут заметными, добьются успеха, оттеснив известных мастеров* (жен., филолог); и о сборной России по футболу: *Сборная России выиграла несколько турниров подряд* (жен., писательница); *Одержала много побед и вошла в число лидеров* (жен., филолог).

Компонент 'удивить' оказался менее регулярным. Так, в предложении про новичка «Формулы-1» 47 % опрошенных отмечали, что успех был неожиданным: *Неожиданно выиграл* (муж., менеджер по продажам и жен., школьница); *Успешно выступил, что в принципе не прогнозировалось* (муж., программист).

33 % респондентов посчитали, что успех сборной России был неожиданным: *Наша команда неожиданно для всех вышла в полуфинал чемпионата Европы по футболу* (муж., программист); *Сборная России поставила всю Европу на уши, удивив своими ошеломляющими результатами (достижениями в спорте)* (жен., преподаватель).

Что касается боксёров, то лишь 5 % респондентов говорили о неожиданности их успеха: *Удивят всех, поразят своими успехами* (жен., менеджер); *Они покажут, на что способны, одержат много побед, чего сейчас никто не ожидает* (жен., филолог).

Как объяснить эту разницу в комментариях предложений о гонщике, футболистах и боксёре (соответственно 47 %, 33 % и 5 %)? Видимо, дело в том, что ни от новичка «Формулы-1», ни от сборной России по футболу не ожидают высоких результатов, ср. ответы респондентов:

- о новичке «Формулы-1»: *Скорее всего, выступил неожиданно хорошо. Можно, конечно, предположить, что надебоширил в гостинице, но слово «новичок» подсказывает, что верен всё же первый вариант* (муж., журналист);
- о сборной России по футболу: *Заставила воспринимать нашу сборную иначе, по-другому, отнестись с большим уважением* (жен., филолог).

В примере о боксёрах, то здесь, во-первых, содержится утверждение об их характере и даётся оценка — «это здорово». Кроме того, сам автор делает предположение о будущих победах спортсменов — следовательно, они не будут неожиданностью для всех (по крайней мере, автор примера не удивится их успеху). Этим и объясняется низкий процент ответов, содержащих компонент 'удивить', у этого предложения.

Лишь в одном из спортивных примеров респонденты выделили компонент **‘бурные события’**, т. е. какие-то происшествия, связанные с новичком, например, авария или пьяный дебош гонщика: *Напился в пабе и устроил пьяный дебош* (жен., программист).

Показательны примеры, в которых респонденты допускали несколько трактовок: либо успех гонщика, либо бурные события, связанные с ним: *Наверное, он победил или попал в аварию* (жен., филолог); *поднялся на пьедестал; выпил лишнего и подрался со своим прошлогодним соперником* (жен., писательница).

Наконец, компонент **‘напугать’**, который встречается довольно редко во всех спортивных примерах и как правило сочетается с другими семами (обычно ‘успех’, ‘удивить’):

- о новичке «Формулы-1»: *Встревожил публику / судей возможностью / близостью победы* (муж., филолог); *Показал очень хорошие результаты выступления, выше чем ожидалось от новичка, что заставило поволноваться некоторых гонщиков* (муж., программист);

- о боксёрах: *Эти боксёры своим характером заставят бояться своих соперников в боксёрском мире спорта* (муж., программист); *Покажут прочим разным шведам, где раки зимуют* (муж., журналист);

- о сборной России по футболу: *Команда показывает отличные результаты и напугала всех соперников!* (жен., программист); *Напугала, заставила воспринимать себя серьёзно* (жен., филолог).

Таким образом, можно сделать вывод, что на первом плане в спортивных контекстах находится семантический компонент **‘успех’**. В неспортивных контекстах респонденты отмечали «стандартное» значение данной идиомы.

Так, разбирая предложение *Абрамович вновь навел шороху в Европе*, большинство отвечающих (53 %) называли «наведением шороха» какие-то **бурные события**, связанные с деятельностью Абрамовича: *Новый скандал с участием Абрамовича* (муж., юрист); *Абрамович опять стал одним из главных ньюсмейкеров в Европе* (жен., канд. биол. н.). 47 % респондентов посчитали, что *Абрамович навёл шороху* означает ‘удивил’: *Ошарашил Европу своими возможностями* (жен., банковский служащий); *Этот человек, наверное, удивил Европу своим богатством и причудами богатого человека* (муж., строитель). При этом описанное событие респонденты благодаря фоновым знаниям связывали либо с какой-нибудь крупной покупкой олигарха, либо с политическими выступлениями и судебными разбирательствами: *Купил «Челси» и сразу потратил*

на трансферы 300 млн евро (муж., менеджер); Выступил с заявлением, что его преследовали в России и тем самым ущемляли его права человека. А самый главный враг демократии – Путин (жен., программист). Показателен ответ, который допускает сразу обе трактовки: а) купил ещё один замок, построил ещё одну мега-яхту; б) принял участие ещё в одном судебном процессе, где опять невольно разоблачил российскую власть (жен., писательница).

Описывая предполагаемую ситуацию в предложениях Мишарин навел шороху в екатеринбургских поликлиниках и Игорь Полещук успел навести шороху на текстильном предприятии, большинство опрошиваемых (48 %) предположили, что речь идёт о **наведении порядка**, например: *Говорится о наведении порядка в поликлиниках* (муж., программист); *Пришел с проверкой и стал наводить порядок* (жен., филолог); *Мишарин устроил возможную кадровую чистку или другие мероприятия для наведения «порядка»* (муж., менеджер по продажам).

Более 22 % респондентов отметили, что речь идёт о каких-либо **бурных событиях**, которые вызвали большой резонанс в обществе: *Игорь Полещук стал известным на все предприятие благодаря своим поступкам (наверное :))* (муж., программист); *Игорь Полещук чем-то занимался на предприятии, что привлекло там всеобщее внимание* (муж., программист); *Стал известен на этом предприятии в связи со своими активными действиями (положительной или отрицательной направленности, не знаю, но равнодушными сотрудники текстильного предприятия к нему не остались)* (жен., филолог).

17 % опрошиваемых трактовали эти предложения, указывая в их семантике компонент **‘отчитывать, ругать’**: *Дал всем разгон* (жен., менеджер по продажам); *Приехал с проверкой, кому-то объявил выговор, кого-то, возможно, уволил* (жен., писательница); *Если это политик или проверяющий, то устроил проверку внезапную и всех отчитал за бардак* (муж., юрист).

8,6 % респондентов отметили в указанных случаях, что речь идёт о том, что данный чиновник **напугал** сотрудников медучреждений/ текстильного предприятия своим неожиданным визитом с целью проверки их деятельности: *Успел перепугать всех* (муж., программист); *Устроил проверку, которой не ожидали* (жен., филолог); *Мишарин устроил в проверку в клиниках Екатеринбурга, чем всех напугал* (жен., филолог).

Описывая ситуацию в предложении *Похоже, наши в Афганистане шороху навели*, практически все опрошиваемые отметили, что речь, скорее всего, идёт о боевых действиях. При этом половина

респондентов сделала акцент на применении военными физической силы (**физическом воздействии**): *Почему-то в голову приходит только одно - ковровая бомбардировка:*) (жен., программист); *«Успокоили» повстанцев* (муж., менеджер по продажам); *Наши войска в Афганистане нанесли сильный урон силам противника* (муж., юрист). 29 % опрошиваемых отметили, что эти военные действия вызвали много **шума**, изменили текущее положение дел, ср. такие комментарии, как: *Устроили беспорядки (разгромы и т.п.)* (жен., филолог); *Устроили переполох в Афганистане* (муж., программист); *Вводом войск изменили кардинально обстановку в стране* (муж., программист). Пять человек из шестидесяти указали, что эти боевые действия были **успешными** (при этом в отличие от спортивных контекстов, где успех как правило носит неожиданный характер, вызывает удивление, в данном случае это просто констатация факта – в этом нет ничего удивительного или неожиданного), ср.: *Советские войска произвели успешную операцию в Афганистане* (жен., преподаватель вуза); *Похоже, наши в Афганистане провели ряд успешных военных операций* (жен., биолог); *Провели успешную военную операцию* (жен., программист). И только два человека высказали предположение о том, что речь идёт о туристах, которые чем-то **прославились**, отличились: *Туристы запомнились своим поведением* (муж., программист); *Как-то выделались и обратили на себя внимание* (муж., программист).

Начиная данное исследование, мы предполагали, что значение 'иметь успех' у идиомы *шорох (-а/-у) навести* будет возможно только в спортивных контекстах. Эта гипотеза не подтвердилась, когда были проанализированы ответы респондентов, касающиеся предложения *Группа НА-НА навела шороху на Чукотке*.

Почти половина опрошенных (48 %) истолковала данную ситуацию именно как '**очень успешное выступление**': *Гастрольный успех* (жен., филолог); *Провела гастроль, которые пользовались большим успехом* (муж., программист); *Скорее всего, с большим успехом прошли гастроль, группа успешно выступила, привлекла внимание* (муж., программист); *Группа НА-НА добилась громкого успеха на Чукотке* (муж., банковский служащий). 43 % опрошиваемых отметили, что речь идёт о каких-то **бурных событиях** (как негативных, так и позитивных), которые вызвали общественный резонанс: *Взбудоражила регион :)* (муж., музыкант); *Участники группы в течение недельных гастролей «не просыхали» и даже на сцену выходили нетрезвыми* (жен., писательница); *Аншлаг, хотя, может быть просто покутили, чем и запомнился их визит* (муж.,

менеджер по продажам); в том числе **скандал**: *Там произошел скандал с их участием* (жен., филолог); *Устроили дебош* (жен., филолог). 7 % от общего числа респондентов истолковали данное выражение как **‘вызвать удивление’**: *Эта группа удивила чукотских зрителей (понравилась или наоборот)* (муж., программист); *Выступила так, как не ожидали жители Чукотки, поразили их (скорее всего, приятно)* (муж., филолог).

Таким образом, в неспортивных контекстах у данного выражения в фокусе внимания оказываются следующие компоненты: ‘навести порядок’, ‘отчитывать, ругать’, ‘напугать’, ‘физическое воздействие’, ‘удивить’ и даже ‘успех’.

Модель управления этой идиомы в словарях не отражена⁵. Анализ современных контекстов показывает, что фразеологизм *навести шорох* (-а / -у) употребляется с предложно-падежными конструкциями *на* + В. п. и *в / на* + П. п, а также с беспредложным творительным падежом. При этом синтаксическая сочетаемость в спортивных, политических, экономических и других контекстах совпадает, несмотря на актуализацию в них разных семантических компонентов:

- *на* + В. п.: *Навел шороху на подчиненных и засел в своей комнате* (Б. К. Седов. Без любви, 2003); *Братья Березуцкие наводят шорох на оборону хозяев* («Советский спорт», 23.10.2006);
- *в / на* + П. п.: *Самолет Обамы навел шороху в Нью-Йорке* («Комсомольская правда», 27.04.2009); *Игорь Полещук ... успел навести шороху на текстильном предприятии* (Новостной сайт, 10.12.2008); *Мало что осталось от того «Лацио», который наводил шороху в Европе и считался непререкаемым авторитетом во внутреннем первенстве* («Советский спорт», 09.12.2005); *Африканские команды, умеющие наводить шорох на Олимпиадах, способны на неожиданные результаты и в Пекине* (Rambler Спорт, 05.08.2008);
- Тв. п.: *Бывший военныйслужащий навел шороху сообщением о возможном теракте во Владивостоке* (Новостной сайт, 01.02.2011); *Новичок уже навел шороху победой в Австралии* (Форум сайта «Формула-1», 27.01.2010).

Встречаются также примеры с незаполненными валентностями: *Пока мировые лидеры под охраной решают большие проблемы, антиглобалисты собираются неподалеку и наводят шороху* («Комсомольская правда», 18.07.2006); *Гремучая смесь из корейцев, голландцев, американцев и примкнувшего к ним Уотерспуна под конец наводит шороху и отодвигает Доробеева на третью строчку* («Советский спорт», 23.01.2006).

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в зависимости от контекста у выражения *шорох (-а/-у) навести* могут актуализироваться такие потенциальные семы, как 'неожиданный успех' (яркий тому пример – спортивные контексты), 'отчитывать, ругать', 'устроить скандал', 'физическое воздействие' (пример про боевые действия в Афганистане), 'наведение порядка', 'удивить' и 'напугать'. Опираясь на результаты проведенного опроса, можно предложить следующее словарное описание этой многозначной идиомы: 1) навести порядок в чем-л.; 2) устроить скандал, наделать много шума; 3) сделать сенсацию, добиться неожиданного успеха; 4) отчитывать, обругать кого-л.; 5) применить физическую силу.

Что касается управления, то оно не зависит от сферы общения, в которой употребляется данная идиома.

Примечания

- ¹ Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. С. 739.
- ² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 700.
- ³ Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Аванта+, 2007. С. 89.
- ⁴ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены.
- ⁵ О проблеме лексикографического представления валентностной структуры глагольных идиом см. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Проблема словарного представления валентностной структуры идиомы // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции Пятое Шмелёвские чтения. М.: 2002. С. 11–12.

Некоторые случаи индикации имплицитной аксиологической модальности в текстах СМИ

Данная статья содержит некоторые результаты исследования имплицитной аксиологической модальности в текстах информационно-аналитических телевизионных программ. Объектом исследования послужили тексты Марианны Максимовской (программа «Неделя», телеканал РЕН), Михаила Леонтьева (программа «Однако», Первый канал) и Виктора Шендеровича (программа «Итого», НТВ). Задачей работы стало выявление индикаторов, позволяющих адресату распознать заложенную в высказывании имплицитную оценку, и обозначить причины, по которым в тексте возникает аксиологическая модальность. Рассмотрены шесть наиболее часто встречающихся типов индикаторов и три фактора возникновения имплицитной оценки в высказывании.

Ключевые слова: прагматика, импликатура, модальность, СМИ, индикаторы имплицитной оценки, принцип кооперации, поляризация.

Средства массовой информации всегда являлись и являются мощным средством воздействия на общественное сознание. Тем, кто получает доступ к механизмам СМИ, последние дают возможность формировать мнение слушателя, зрителя, читателя. Зачастую это мнение представляет собой оценку, которая приписывается тем или иным событиям, личностям, ситуациям и подается реципиенту как позиция автора, претендующего на объективность. Однако высказывание такой оценки «прямым текстом» не всегда возможно в силу определенного набора сдерживающих факторов.

Основная доля информации, получаемой обществом, приходится на государственные телеканалы, радиостанции и печатные издания, которые выражают официальную точку зрения в соответствии с политикой той или иной компании. Кроме того, в профессиональной этике журналистов существует ряд кодексов (таких как Кодекс профессиональной этики российского журналиста, одобренный Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года¹, или Этичес-

кий кодекс Сообщества профессиональных журналистов США²), в соответствии с которыми работник средств массовой информации должен быть максимально объективен и проводить четкую грань между фактами и трактовками, так как его целью является не столько формирование оценки, сколько отражение реальной действительности с позиции стороннего наблюдателя. Ввиду этих двух факторов – этической стороны и, в особенности, политики отдельных СМИ – появление аксиологической (или оценочной) модальности в газетных, телевизионных и прочих информационных текстах зачастую становится нежелательным. В то же время, в силу причин морального характера, а также для повышения рейтинга программ, работники СМИ нередко прибегают к различным способам введения завуалированной оценки, иными словами, оценочный предикат в текстах социальной или политической тематики может становиться невербализованным, иными словами, оценка становится имплицитной.

Ключевым понятием нашей работы, таким образом, является понятие оценки, или аксиологической модальности. Теории оценок посвящены работы А.А. Ивина³, Н.Д. Атурюновой⁴ и других. В книге «Функциональная семантика оценки» Е.М. Вольф дает следующее пояснение к понятию модальности: «Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную, т. е. модальную, компоненту, причем первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу»⁵. Стоит отметить, что Вольф рассматривает и другие виды модальности, говоря при этом о взаимосвязи различных модальностей с оценкой.

Об импликатурах (скрытых, подразумеваемых значениях), которые составляют предмет нашего исследования, впервые заговорил в своих работах Г.П. Грайс. В статье «Логика и речевое общение» он описал так называемый принцип кооперации, в рамках которого выделил четыре коммуникативных постулата (ясности, информативности, релевантности и истинности), соблюдение которых обеспечивает успешность коммуникации между адресантом и адресатом, а нарушение – позволяет ввести в высказывание импликатуру⁶. Разработанная Г.П. Грайсом модель позволяет извлечь скрытый смысл из ряда высказываний, содержащих имплицитную информацию. Немаловажным является и то, какой смысл вкладывает Грайс в слова *имплицитировать* (термин введен им самим) и *сказать*. Под *имплицитированием* подразумевается вложение в высказывание скрытого смысла, отличного от прямого значения предложения.

Словом *сказать* Грайс предлагает обозначать «такое понимание..., при котором то, что говорится, рассматривается как нечто близкое к конвенциональному смыслу слов (или предложений), которые были произнесены»⁷.

Теория Грайса является одной из основополагающих в современной прагматической науке, хотя и трактуется различными учеными и научными сообществами по-разному. Нам кажется необходимым учитывать опыт Грайса и обратиться к его терминологии, т.к. она позволяет рассматривать имплицитирование, прежде всего, как средство достижения коммуникативных целей говорящего.

Проведенный анализ показал, что намеренное нарушение коммуникативных постулатов Грайса широко эксплуатируется в текстах СМИ с целью сформировать у зрителя (адресата) определенное мнение. Стоит отметить, однако, что идея исследовать имплицитные смыслы в СМИ не нова. Этой теме посвящен целый ряд небезынтересных работ⁸. Задача же нашего исследования заключается в обнаружении и классификации не самой информации, которая выражается в высказывании имплицитно, а тех языковых единиц, которые позволяют обнаружить данную информацию. Подчеркнем, что речь в нашей работе пойдет исключительно о значимых языковых единицах, то есть, о тех единицах языка, «которые ... обладают закрепленным за ними значением»⁹. Значимые языковые единицы, которые указывают адресату на содержащуюся в тексте имплицитную информацию, мы будем называть индикаторами.

Стоит подчеркнуть, что необходимым условием для расшифровки подобного рода информации является совпадение так называемого «культурного пространства», в котором существуют и мыслят адресат и адресант. Отметим также, что возникновение имплицитного смысла не всегда связано с включением в высказывание индикатора. В результате анализа были выявлены и такие случаи, когда имплицитные смыслы возникали в тексте в связи с нарушением порядка слов, лексическими повторами и тому подобным, однако, эти случаи в сферу нашего исследования не попадают. Кроме того, мы коснулись только негативной оценки и ее индикаторов, однако очевидно, что в информационно-аналитических текстах СМИ имеет место и позитивная оценка, которая также представляет интерес для исследования формирования идеалов.

Мы полагаем, что основными причинами «превращения» лексической единицы в индикатор могут выступать следующие факторы: 1) нарушение Принципа Кооперации Грайса, то есть, несоответствие высказывания одному или нескольким постулатам (или, в другом

переводе, максимум); 2) присутствие в высказывании иной модальности, например, эпистемической (модальности достоверности высказывания) или деонтической (модальности долженствования); 3) присущая некоторым словам и сочетаниям слов отрицательная (или, вероятно, положительная) поляризация.

Под отрицательной поляризацией мы понимаем свойство слов систематически употребляться «в контексте отрицания и в контекстах, «семантически родственных» отрицанию». Этому явлению посвящена недавняя статья Е.В. Падучевой¹⁰, где автор рассматривает отрицательную поляризацию на примере местоимений на *бы то ни было*, в том числе, в рамках вопроса об имплицитности. Что же касается модальностей, отличных от аксиологической, то вопрос соотношения оценки с модальностями долженствования и достоверности поднимался в уже упомянутой нами монографии Е.М. Вольф, где автор отмечает, в частности, что «оценочный аспект содержат и другие модальности, где имеется взаимодействие модального субъекта и субъекта действия»¹¹.

Анализ некоторых телевизионных текстов СМИ позволил обнаружить достаточно большое количество лексических единиц, способных выступать в роли индикаторов имплицитной модальности. В ходе исследования были рассмотрены тексты из архивов трех информационно-аналитических телепрограмм: «Неделя» на телеканале РЕН, «Однако» на Первом канале и «Итого» на НТВ. Выпуски программы «Неделя» наиболее современны и отражают события конца 2011 – начала 2012 года, включая выборы в Госдуму в декабре и выборы Президента РФ в марте. Вторая программа также является современной, однако для исследования взяты выпуски 2008-2009 годов, содержащие оценку достаточно ярких событий и явлений в политической жизни России и СНГ: войны в Южной Осетии, взаимоотношений России и Белоруссии, политической обстановки в Украине. Что касается программы «Итого», то ее архивы относятся к еще более раннему периоду, это архивы 2001 года. Тот период не менее интересен с политической точки зрения, так как является началом правления Владимира Путина и предметом многочисленных споров и обсуждений по сей день.

Стоит согласиться, что выбранные программы имеют ряд существенных различий, в том числе и жанровых (первая позиционирует себя как информационно-аналитическая, вторая является чисто аналитической, третья же носит сатирический характер), однако указанные различия не препятствуют рассмотрению выбранных текстов в качестве объектов исследования, так как нас интересуют

не цели и задачи данных программ в целом, а лишь задачи, выполняемые в отдельно взятых высказываниях.

Рассмотрим конкретные примеры.

(1) *«Нет сомнения в том, что губернатор, если бы мог, лично возглавил борьбу со стихией - посетил бы тонущий Ленск, прилетел бы в Якутск. Но тщетно телекамеры искали его. Во все эти дни орденосеи так ни разу не появились перед своими согражданами. Однако надежда на то, что губернатор все-таки жив, не покидала нас, потому что, в принципе, такие люди не тонут»* (В. Шендерович, «Итого», 26.05.2001)¹².

В приведенном фрагменте имплицитную информацию можно заметить во втором и третьем предложениях. Второе предложение представляет собой высказывание с отклонением от обычного порядка слов и нас интересовать не будет по уже обозначенным выше причинам (целое предложение, в нашем понимании, не может выступать в роли индикатора). В третьем же предложении мы можем обозначить сразу два случая индикации имплицитной модальности. Во-первых, присутствие в тексте слова «орденосеи» создает в нем некоторую информационную избыточность (информация о том, что губернатор носит ордена, ранее не упоминалась и в данном случае не важна). Этот факт позволяет говорить о нарушении постулата информативности, призывающего адресанта избегать лишних слов, и уже на этом основании считать слово «орденосеи» индикатором имплицитной модальности. Чтобы разобраться с природой имплицитной модальности в данном высказывании более подробно, заметим, что слово «орденосеи» несет в себе скрытую (имплицитную) деонтическую модальность. Говоря о губернаторе как об орденосеи, автор побуждает слушателя выстроить логическую цепочку, заканчивающуюся выводом о долженствовании: «Губернатор носит ордена, значит, он получил их за заслуги, следовательно, он должен приехать и помочь своим согражданам». Несоответствие вывода о долженствовании реальному положению дел («Должен был приехать и помочь, но не приехал и не помог») становится еще одной причиной появления в высказывании аксиологической модальности. Второй фактор, который стоит упомянуть в связи с данным предложением, заключается в особенностях употребления частицы *так* в сочетании с *ни разу не (так и не)* с последующим глаголом. Мы полагаем, что такое сочетание, подобно описанному Е.В. Падучевой *бы то ни было*, имеет отрицательную поляризацию, связанную с употреблением ее в контексте не оправдавшихся ожиданий («Он так и не пришел», «Ты так ни разу не позвонил» и т.п.).

(2) «Если в России есть сказка, которую удалось сделать былью, так это сказка про белого бычка: в начале двадцать первого века страна в очередной раз стоит на пороге судебной реформы. Этот самый русский суд уж кто только не реформировал и Ярослав Мудрый, и Иван Грозный, и Петр Первый, и Александр Второй... А все мимо кассы...» (В. Шендерович, «Итого», 26.05.2001).

Приведенный фрагмент, взятый из программы Виктора Шендеровича, как и предыдущий, содержит в себе несколько случаев имплицитной модальности. Обратимся к фразе «сказка, которую удалось сделать былью», которая является прямой отсылкой к известной цитате из песни «Авиамарш» Ю. Хайта на слова П.Д. Германа: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Согласно Энциклопедическому словарю крылатых слов и выражений, эта фраза, ставшая в наши дни афористической, используется «по отношению к дискредитировавшим себя социалистическим доктринам и политическим лозунгам»¹³. Имплицитная информация возникает в этом высказывании в связи с тем, что без знания некоторых культурно-исторических реалий (контекста) данного высказывания фраза про сказку становится непонятной, то есть, нарушает постулат ясности. Смысл же данного высказывания прост: «Нет другой сказки, которую удалось сделать былью, кроме сказки про белого бычка». То есть, «никакую другую сказку сделать былью не удалось». Стоит отметить, что автор в данном случае рассчитывает, скорее всего, на ответную реакцию той части населения, которая воспитывалась на советских идеалах. Нарушая принцип кооперации, ведущий вызывает у слушателя ассоциативный ряд, связанный с провалившейся социалистической идеей.

Что касается следующего предложения, то здесь стоит обратить внимание на сочетания слов *этот самый* и еще более яркое *уж кто только не*. Говоря о сочетании *этот самый* как об индикаторе имплицитной оценки, мы, прежде всего, основываемся на факте нарушения постулата информативности: местоимение *самый* называется здесь избыточным (согласно словарю Ожегова, местоимение *этот* в сочетании со словом *самый* должно означать «именно такой, данный»¹⁴, здесь же было бы достаточно одного анафорического местоимения), что приводит к несоблюдению обозначенного постулата, а значит, провоцирует адресата на поиск скрытой оценки. Появление негативного значения сочетания слов *этот самый* и, соответственно, негативной оценки русского суда и его реформирования, связано с тем, что анафорические местоимения (а здесь

местоимение *этот* выступает в роли анафорического) отсылают нас к чему-то, о чем говорилось ранее. Толкование слова *этот* как «уже неоднократно упоминавшийся» дает возможность сделать вывод, что «русский суд уже неоднократно упоминался», а значит, уже «приелся» и адресатам, и самому говорящему.

Сочетание «уж кто только не реформировал» (вернее, *кто не или кто только не*), скорее всего, можно отнести к той же категории, что и упомянутое выше *так ни разу не / так и не*, то есть, к словам с некоторой поляризацией. Однако, нельзя однозначно назвать эту поляризацию отрицательной или положительной, так как в зависимости от контекста данное сочетание может придавать высказыванию как отрицательную, так и положительную оценку. В нашем же случае оценка является отрицательной за счет имплицитных смыслов, рассмотренных нами выше.

Выражение «мимо кассы», которое мы видим дальше, подтверждает нашу трактовку предыдущей части фрагмента. Появление данного сочетания слов в речи ведущего вызывает нарушение постулата ясности, так как используется в переносном значении и не может быть однозначно понято (как и фраза про сказку, которую «удалось сделать былью») без знания некоторых социально-исторических явлений. В связи с данным выражением справедливо будет привести несколько трактовок. Во-первых, «мимо кассы» можно трактовать как более поздний вариант фразеологизмов «пронести кусок мимо рта» («упустить возможность получить что-либо, попользоваться чем-либо»), «пронести мимо носа» («упускать что-либо, не уметь воспользоваться чем-либо») и иметь значение, близкое к ним¹⁵. Реформатор, проводящий преобразования «мимо кассы», обвиняется, таким образом, в неумелом использовании своих полномочий, в неспособности ввести такие законы, которые действительно оказали бы нужное воздействие на ситуацию. Также зачастую это сочетание слов используют вместо выражения «в обход кассы», которое является расхожим описанием теневых денежных операций, не облагающихся налогом. Примеры такого использования легко можно найти в Национальном корпусе русского языка¹⁶. Иными словами, реформа «мимо кассы» вполне вероятно может восприниматься слушателем как афера, нечестный бизнес, способ обогащения. Кроме того, данное выражение может быть сведено к общему смыслу «не так, как надо», «неправильно», что является отсылкой к модальности долженствования, а значит, сигналом к поиску аксиологической модальности в высказывании.

(3) *«Леван Гачечиладзе, единый кандидат от оппозиции на прошлых президентских выборах, бывший видный бизнесмен, винный король Грузии. Всегда близкий к власти, в оппозиции оказался по причине отъема у него винного бизнеса»* (М. Леонтьев, «Однако», 14.04.2009)¹⁷.

В третьем фрагменте, взятом из программы Михаила Леонтьева, мы обратимся к словосочетанию «по причине отъема». Оно интересно, прежде всего, тем, что представляет собой канцеляризм, или элемент речи, характерный для канцелярского стиля, характеризующегося как «сухой, бесцветный, лишенный индивидуальности, избыливающий механически повторяемыми архаичными клише (речевыми штампами), употреблением существительных вместо глаголов и прилагательных и т.д.»¹⁸. Использование канцеляризма вне официально-делового стиля позволяет говорить о нарушении автором постулата релевантности, то есть, несоблюдении им требования быть уместным в речевой ситуации. С помощью этого нарушения говорящий провоцирует слушателя на поиски имплицитного смысла и акцентирует его внимание на причинах, которые заставили Гачечиладзе перейти на сторону оппозиции. В то же время, «отъем винного бизнеса» вряд ли покажется кому-то достаточным основанием для истинного изменения политических взглядов, что и становится в конце концов причиной негативной оценки личности самого Гачечиладзе.

(4) *«Десять лет исполняется натовским бомбардировкам Югославии. Что особенно актуально, поскольку Югославию бомбил не плохой мальчик Буш, а милейшие клинтоновские демократы, сегодня вернувшие себе Белый дом»* (М. Леонтьев, «Однако», 11.09.2008).

В приведенном отрывке мы снова сталкиваемся с несколькими индикаторами имплицитной модальности. Первый из них – это словосочетание «плохой мальчик», которое, хотя и содержит в себе эксплицитную негативную оценку (лексему «плохой»), на самом деле негативным не является. Постулат истинности нарушается здесь дважды: во-первых, Буш – не мальчик, а мужчина, а во-вторых, оценка «плохой» оказывается неоправданной в данном контексте, так как Югославию Буш не бомбил. Словосочетание же «плохой мальчик» отсылает нас к целому ряду ассоциаций, связанных с некоторым типажом, образом отрицательного героя в популярных американских фильмах и комиксах, с которыми, по сути, сравнивается Джордж Буш-младший в данной ситуации. Нельзя не обратить внимания на то, что фильмы и комиксы, о которых идет речь, являются

детскими, развлекательными, комедийными, что никак не может быть сопоставлено с образом президента.

Вторым индикатором в данном отрывке выступает прилагательное в превосходной степени сравнения «милейшие», которое придает негативную оценку «клинтоновским демократам». Этот индикатор нарушает сразу два постулата Грайса: релевантности (суперлативная грамматическая форма больше характерна для высокого, книжного стиля) и истинности (люди, бомбившие страну, не могут быть «милейшими»). Говорящий называет демократов «милейшими», не считая их на самом деле таковыми, и положительная оценка заменяется отрицательной.

(5) *«Слухи о возможной большой коалиции на Украине, в которую собираются объединиться якобы принципиальные противники Блок Тимошенко и Партия регионов Януковича, официально подтвердились»* (М. Леонтьев, «Однако», 02.06.2009).

В данном высказывании имплицитная аксиологическая модальность возникает «на базе» другой модальности – эпистемической, то есть, на базе модальности достоверности. Примечательно, что эпистемическая модальность здесь является эксплицитной и выражается частицей *якобы*, которая одновременно становится индикатором имплицитной оценки. Недостоверность того факта, что Блок Тимошенко и Партия регионов Януковича являются противниками, бросают тень на самих политических лидеров, в результате чего лидеры оцениваются негативно. Автор не хочет разделять ответственность за цитируемые им слова как за пересказанные прилизительно.

В аналогичной роли выступает целый ряд слов и выражений, таких как *мол, так называемые, вроде бы* и тому подобных. В данной статье мы не будем рассматривать их подробно, однако заметим, что употребление их довольно частотно и встречается в текстах многих авторов: *«У нас тут у некоторых есть иллюзия, что с Тимошенко, мол, можно договориться»*¹⁹ (М. Леонтьев, «Однако», 26.03.2009), *«Зато существенные изменения могут ожидать так называемую молодежную политику»*, *«Закон никто вроде как не нарушил»* (М. Максимовская, «Неделя», 18.02.2012)²⁰.

(6) *«Кстати, еще днем в эту субботу было официально объявлено, что организатором митинга за Путина на Поклонной горе заставят заплатить штраф за превышение численности заявленных участников. Такой жест власти, мол, мы тут без двойных стандартов»* (М. Максимовская, «Неделя», 18.02.2012).

В данном фрагменте мы снова обнаруживаем уже упомянутую нами частицу *мол*, которая придает негативную оценку власти за счет эксплицитной эпистемической модальности. Однако мы бы хотели заострить внимание на еще не разобранном указательном наречии *тут*, употребление которого здесь связано с нарушением постулата информативности, так как является лишним с точки зрения смысла.

Среди возможных толкований значения местоименного наречия *тут*, можно было бы рассматривать значения «здесь», «в этом случае, при этих обстоятельствах», однако при такой трактовке этого наречия смысловая избыточность не исчезает. Некоторые словари отмечают, что слово *тут* может употребляться «в начале речи или при переходе к другой теме»²¹, но приведенное высказывание началом речи не является и смены темы разговора не предваряет. Полагаем, в данном случае следует обратиться к другому значению этого слова, а именно к употреблению его «при местоименных словах для усиления значения несущественности, пренебрежения»²². Наличие элемента «несущественности» становится причиной недоверия к власти (уже, к тому, выраженного с помощью частицы *мол*). Аналогичная картина возникает, кстати, и в высказывании «У нас тут у некоторых есть иллюзия, что с Тимошенко, мол, можно о чем-то договориться против недоговороспособного Ющенко» (М. Леонтьев, «Однако», 26.03.2009).

(7) «Свершилось! Европейский союз обнародовал результаты многотрудного расследования обстоятельств прошлогоднего августовского российско-грузинского конфликта» (М. Леонтьев, «Однако», 30.09.2009).

Последний пример, который мы рассмотрим, связан с восклицанием «Свершилось!», которое заключает в себе имплицитную алетическую модальность (или модальность вероятности, возможности: «уже не надеялись, что это свершится», «странно, что это свершилось»). Восклицание нарушает постулат информативности (так как информация, заключенная в нем, является избыточной) и заставляет слушающего искать в высказывании тот самый имплицитный смысл, а наличие алетической модальности позволяет говорить о негативной аксиологической модальности в данном предложении.

Подводя итог сказанному, отметим, что в статью вошли далеко не все индикаторы, обнаруженные нами в результате анализа текстов, да и существующий их список будет пополняться. Однако уже сейчас можно перечислить некоторые наиболее популярные

индикаторы, встречающиеся в текстах СМИ разных авторов. Мы возьмем на себя смелость назвать их, впрочем, пока отказываясь от подробной классификации: 1) слова, употребленные в переносном значении («мимо кассы», «плохой мальчик»); 2) стилистически маркированная лексика (диалектизмы, канцеляризмы, просторечия, книжная лексика – «по причине отъема», «милейшие»); 3) определенные сочетания местоимений (*этот самый*); 4) частицы и сходные по значению словосочетания с эпистемической модальностью (*мол, якобы*); 5) анонсирующие высказывания («Свершилось!»); 6) отдельные сочетания с частицами «не/ни» (*кто только не, так ни разу не*).

Данная работа не является законченной и будет продолжена. В нашей статье затронуты лишь некоторые гипотезы, выдвинутые в результате приведенных текстов. Рассмотренные примеры позволяют получить лишь общее представление о проделанной работе, в то время как корпус исследуемых текстов гораздо шире и продолжает расширяться.

Примечания:

- ¹ Кодекс профессиональной этики российского журналиста // Союз журналистов России: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm> (дата обращения: 08.04.2011).
- ² SPJ Code of Ethics // Society of Professional Journalists: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.spj.org/ethicscode.asp> (дата обращения: 08.04.2011).
- ³ *Ивин А.А.* Основания логики оценок. М., 1970.
- ⁴ *Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3 С. 13-24.
- ⁵ *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 11.
- ⁶ *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217-237.
- ⁷ Там же. С. 220.
- ⁸ *Котов А.А.* Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 280 с.; *Кобозева И.М.* Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // EvArtist: Авторский проект Екатерины Алеевой: [Электронный ресурс]: URL: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 07.12.2012); Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. 200 с.
- ⁹ *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 146.

- ¹⁰ *Падучева Е.В.* Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
- ¹¹ *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 122-130.
- ¹² *Шендерович В.А.* Архив программы «Итого» от 26.05.2001 // Виктор Шендерович. Официальный сайт: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.shender.ru/arhiv/text/?telecast=2001-05-26> (дата обращения: 03.11.2010).
- ¹³ *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003. С. 455.
- ¹⁴ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. С. 910.
- ¹⁵ *Федоров А.И.* Фразеологический словарь литературного русского языка. М., 2009. С. 634.
- ¹⁶ См. результаты поискового запроса в Национальном корпусе русского языка на сочетание «мимо кассы»: Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]: URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=langust&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EC%E8%EC%E8%EA%E0%F1%F1%FB&p=1 (дата обращения: 20.03.2013).
- ¹⁷ *Леонтьев М.В.* Выпуск информационно-аналитической программы «Однако» от 14.04.2009 // Первый канал. Официальный сайт: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.1tv.ru/news/crime/7005> (дата обращения: 03.11.2010).
- ¹⁸ *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 188.
- ¹⁹ *Максимовская М.* Выпуск информационно-аналитической программы «Неделя» от 18.02.2012 // Интернет-сайт программы «Неделя». РЕН ТВ: [Электронный ресурс]: URL: http://www.nedelya.ren-tv.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1411:-qq-180212&catid=4:nedelya-s-mariannoy-maksimovskoy&Itemid=9 (дата обращения 06.03.2012).
- ²⁰ *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 1354.
- ²¹ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. С. 815.